

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 14

**Москва
2000**

ББК 81
Я410

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:
д.п.н., проф. *Ю.Е. Прохоров*
д.ф.н., проф. *Ю.А. Сорокин*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с её без-
гонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном
и/или электронном виде, включая размещение в Интернете

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. –
Вып. 14. – 120 с.

ISBN 5-317-00036-X

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные пробле-
мы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в со-
поставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лин-
гводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике
общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, кон-
нотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподава-
телей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 – в
1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г., выпуски 11, 12 – в 2000 г.

ББК 81
Я410

ISBN 5-317-00036-X

© Авторы статей, 2000

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

- Базылев В. Н.* Нужно ли писать в конце XX века историю языкознания в СССР (филологический прелюд)4
- Филиппова М. М.* Словари юмористических цитат и парадоксы межкультурного общения31
- Изотов А. И.* Устаревшие чешские этикетные формы обращения в побудительном высказывании55
- Филимонова Е. Н.* Ассоциативные интеркультурные лакуны в переводном тексте (на материале переводов с корейского).....64
- Пак Сон Гу (Республика Корея)* Национально-культурная специфика названий животных в русской и корейской фразеологии69
- Шейгал Е. И.* Категория прогностичности в политическом дискурсе77
- Бурукина О. А.* Фемининность русского языка и культуры.....84

ЛИНГВОПОЭТИКА

- Чой Чжи Ен (Республика Корея)* Способы передачи чужой речи и тип художественного повествования (на материале рассказа А. П. Чехова «Скрипка Ротшильда»).....89

ЛИНГВОДИДАКТИКА

- Изотов А. И.* Лексикология чешского языка: программа лекционного курса99
- Марков В. Т.* Когнитивный план речемыслительной деятельности (речевой коммуникации)102
- Кузьменкова В. А.* Грамматика и прагматика (о некоторых явлениях русской грамматики, которые трудно понять иностранцам)114

ЛИНГВИСТИКА

Нужно ли писать в конце XX века историю языкознания в СССР (филологический прелюд)

© доктор филологических наук В. Н. Базылев, 2000

Обобщающий труд по истории советского языкознания (resp. истории изучения языка в СССР на протяжении почти ста лет) так и не был создан. Первые попытки относятся к 50-м годам, именно в 1953 г. был опубликован проект "Очерков по истории языкознания в СССР", предназначенный для "широкого обсуждения" (тираж 500 экз.), не получивший, однако, дальнейшей разработки. Трудности подобного начинания и сегодня еще связаны с двумя причинами: во-первых, нужна определенная историческая ретроспектива, которая дала бы непредвзято-политически-персонально нейтрально дать оценку тому, что вошло в фонд отечественной и мировой языковедческой мысли; во-вторых, многие идеи, сформулированные в языкознании XX века, особенно концепции-маргиналии, носили и носят спорный, дискуссионный характер; в-третьих, теоретическая проблематика, разрабатывавшаяся в СССР на всем его огромном пространстве столь разнообразна, что каждый аспект требует зачастую особого исследования к обобщению достижений языкознания в СССР можно подходить либо с точки зрения развития той или иной проблематики, либо с точки зрения обобщения успехов и неудач в изучении той или иной семьи языков.

Мы не случайно предпочитаем употреблять формулу языкознание в СССР, а не советское языкознание. Сегодня, в конце XX века, это может иметь принципиальное значение. Нам представляется, что история языкознания в СССР — это эпоха не отдельных личностей, но школ (коллективов). История языкознания в СССР это именно история изучения языка на всем пространстве бывшего Советского Союза — от Калининграда и Молдавии до Владивостока и Казахстана. Иначе создается вполне реальная ретроспективно-историческая опасность представления развития языковедческой мысли, как будто бы совершавшаяся лишь в Москве и Ленинграде, этакий ленинградско-московский центризм. То есть речь должна идти об описании традиции языковедения в республиках бывшего СССР, начиная с самых крупных в потенциале научных

кадров, но не забывая и об автономных, где тоже шла важная теоретическая и практическая работа. Мы связываем необходимость такого обобщающего исследования с тем, что настало время вывести из тени работу ученых на периферии. Тем более, что русск. **тень**, укр. **тінь**, ц.-сл. **тѣня**, словен. **t-nja** этимологически объясняются из ***tǵmь** и связываются с ***тъма**, ***тъмь**, ср. лит. **tėmti**, **tėmsta** 'темнеть'; родств. лит. **tima**, др.-инд. **támas**, лат. **tenebrae**, д.-в.-н. **dēmar** 'сумерки'. То есть сумерки, сгустившиеся над историей СССР, с необходимостью должны закончиться, особенно это становится актуальным именно сейчас, в конце века и тысячелетия, когда начинаются процессы реинтеграции ныне самостоятельных государств, ведущие вновь к воссоединению научного и образовательного пространства.

Главное, не сделать еще одной ошибки: не начинать все с нуля. Ведь история любой дисциплины, в нашем случае — языкознания, не только напоминает о пройденном пути, успехах и неудачах тех, что проделал его, но и указывает направление, а часто и способы дальнейших поисков и предостерегает исследователей от повторения ошибок, сделанных предшественниками. Наш "филологический прелюд" — это именно попытка создания эскиза-наброска описания того, что делалось на территории бывшего СССР в плане изучения языка, включающая в себя описание ситуации и избранную библиографию. Первое может послужить планом будущих исследований, второе — ориентиром в "море письмен". Нам кажется, что это правомерное завершение жанра антологического памятника эпохи, так как оно не просто отсылает к "пыльным рукописям", но и стирает эту "пыль". Мы считаем, что стиль и жанр нашего опуса правомерен и оправдан жанром всей книги — антологии, что дает ему право выступить в качестве своеобразного заключения проекта антологии.

Так, например, молдавское языкознание интенсивно разрабатывало проблемы теории современного молдавского языка, его грамматики, стилистики и т. д. Большинство исследований молдавских филологов было посвящено синхронному изучению языка. В них подвергался анализу ряд вопросов, связанных с установлением структурных признаков грамматической системы языка, обсуждались общие теоретические проблемы языка. Большое количество работ посвящалось роли и значению молдавского языка как национального литературного языка; развитию общественных функций молдавского языка, а также расширению этих функций в таких областях, как образование, наука и техника, искусство, периодическая печать и художественная литература. Проблемой в молдавской языкознании являлось применение молдавского языка в делопроизводстве и официальной переписке, в радиовещании и на

телевидении; соотношение в этих и иных сферах русского, украинского и молдавского языков. Актуальны были проблемы двуязычия и его функции в МССР. Плодотворно развивались исследования в области синтаксиса. Молдавские лингвисты предложили новые решения конкретных проблем синтаксиса, способствуя установлению структурных единиц синтаксического уровня: предложения, фразы и др. Большой интерес вызывал один из малоизученных вопросов общего, и в частности романского языкознания, — полусвязочные глаголы. Одним из главных направлений молдавской лингвистики было исследование стилистических проблем молдавского языка. В 70-80-е годы увеличился объем исследований по методике преподавания молдавского языка в средней школе, а также в вузах работа велась в нескольких направлениях: обсуждаются отдельные вопросы культуры письма и речи, а также публикуются материалы по сопоставительному изучению молдавского и других языков.

Поразительной активностью характеризовалась деятельность узбекских ученых. Уже в первые послереволюционные годы в Узбекистане встал вопрос о разработке письменности и реорганизации алфавита. В 1921 г. состоялся I Всеузбекский съезд, посвященный вопросам языка и орфографии. В октябре 1923 г. в Бухаре прошла Орфографическая конференция, принявшая решение подвергнуть частичной реформе арабский алфавит, который действовал до 1930 г. Параллельно этому в 1923-24 гг. шла работа по составлению алфавита на латинской основе. В мае 1929 г. в Самарканде на Республиканской конференции был принят окончательный вариант нового узбекского алфавита на основе латинской графики. При всем том нерешенными оставались два вопроса: состав гласных узбекского языка; отражение сингармонизма. Неоднократные конференции 29-34 гг. постоянно обсуждали вопросы: должна ли фонетика литературного языка опираться на несингармонические городские говоры; пересмотр узбекского латинского алфавита с сокращением количества букв для согласных. В 1938 г. под руководством проф. А. К. Боровкова в Институте языка и литературы Комитета наук СНК УзССР началась работа по подготовке нового алфавита на основе кириллицы.

Более алфавит коренным изменениям не подвергался. Интересы ученых сосредоточились на вопросах орфографии. Но для ее совершенствования потребовалась предварительная разработка фундаментальных проблем фонологии в синхронном и диахроническом аспектах: ареалы распространения лабиализации, делабиализации, позиционного чередования, последовательность гласных заднего и переднего ряда, выпадение и редуцирование гласных при аффиксации; необходимо было соз-

дать атлас узбекских диалектов и говоров. Основоположником литературного языка был признан Алишер Навои. С образованием узбекской нации (нач. XIX в.) можно, как считают узбекские языковеды, говорить о национальном узбекском языке, возникшем на основе живого разговорного узбекского языка, главным образом центральных городских говоров (Щербак, 1954).

Итоги исследованиям периодизации истории узбекского языка подвели А. Усманов (1957) и Г. Абдурахманов (1973).

Параллельно с этой работой узбекские языковеды с неизбежностью исследовали язык произведений отдельных поэтов и писателей прошлого и настоящего, создали историю узбекского языка, ими были написаны работы по исторической грамматике и лексике узбекского языка; сделан перевод важнейших филологических трактатов с арабского и персидского языков.

В советскую эпоху началось планомерное и целенаправленное изучение диалектов узбекского языка. Была проведена классификация узбекских говоров. Окончательный вариант, родившийся в результате двадцатилетней полемики, принадлежит А. К. Боровкову (1953). Его классификация является наиболее распространенной в ученом мире.

Были изучены самаркандская, бухарская, наманганская, андижанская, кашкадарьинская группы диалектов, джекающие говоры Джизакской и Сырдарьинской областей, говоры узбеков, проживающих на территории Таджикистана, Туркмении, Казахстана. Описаны морфология, фонетика, лексика и синтаксис отдельных диалектов и говоров узбекского языка; выяснено соотношение узбекских диалектов и литературного языка и определены основные диалекты узбекского литературного языка.

В последние двадцать лет (70-80-е гг.) интерес сосредоточился на физиологических и акустических свойствах образования звуков речи с использованием метода экспериментальной фонетики. В работах этого периода представлен богатый эмпирический материал: рентгенограммы, спектрограммы, кимо-, интонограммы, кинограммы звуков; проведено палатографирование, лингвографирование и сегментирование. Экспериментально-фонетические и фонологические исследования выполнялись в сравнительно-типологическом плане с привлечением математико-статистических методов.

Узбекскими языковедами разработано соотношение языка и речи, исследованы процессы, происходящие в современном узбекском языке и дальнейшие тенденции его развития с применением лингвостатистических данных для установления удельного веса и типичности грамматических форм. Впервые в тюркологии на материале узбекского языка

(узбекских письменных памятников) исследованы и описаны свойства связи и отношения грамматических единиц с другими единицами, частями и сферами языка. В области синтаксиса интерес узбекских ученых сосредоточивался в сфере характеристик и классификаций структур предложения, его форме, строению и внутренней специфике; внутренним различиям между предложением и словосочетанием, по интонационному строению типов предложений и их членению, изучались проблемы взаимодействия и взаимосвязи грамматических форм и интонационных средств, вопросы предикативности и модальности.

С первых лет Советской власти началась работа по составлению двуязычных узбекско-русских словарей. Первые из них вышли в 1925-27 гг. и содержали до 10 тысяч слов, будучи составлены по материалам узбекских газет (стилистических помет не было). Эта практика составления узбекско-русских словарей была продолжена в 30-е годы (напр., словарь В.В. Решетова).

В первые годы советской власти — обусловлено практическими школьными нуждами — вышло несколько русско-узбекских словарей (в основном учебного характера).

Следует отметить еще один тип словарей, нашедших отражение в лексикографической практике Узбекистана — словарь-минимум (например "Словарь минимум по узбекскому языку" 1950 г.). Словарь представляет собой тщательно составленный список слов (без каких-либо помет) с переводами в наиболее употребительном значении и приведением словосочетаний и фразеологического материала.

Помимо комплексных словарей (двуязычных, с краткими очерками грамматики) издавались терминологические словари (напр.: Решетов В.В. Краткий русско-узбекский справочник по лингвистической терминологии (1950); был выпущен ряд частотных словарей (в 1972 г. вышел "Частотный словарь узбекского языка художественной прозы"). В 70-е годы началась работа по созданию "Толкового словаря узбекского языка".

Среди теоретических вопросов узбекской лексикографии основное внимание уделялось исследованию лексического состава узбекского языка: влияние арабского языка; персидского языка; заимствования из русского языка; проблемы калек и аббревиатур; аффиксация как способ образования новых понятий и форм; а также история узбекской лексики.

Обучение на родном языке в школах Узбекистана стало важной частью языкового строительства в республике. В 20-е годы здесь была создана широкая сеть общеобразовательных средних школ с обучением на всех местных языках. Более 80% учащихся всех школ — местных национальностей. В 1938-39 гг. занятия проводились на 22 языках, в 59-

60 гг. количество языков сократилось до 8. Доминирующие позиции заняли узбекский и русский язык. Перепись населения 1970 г. выявила, что \approx 200 тыс. узбеков владеют русским языком, а проживающие на территории представители других языковых сообществ владеют в достаточной степени узбекским.

Своим своеобразием отличалась языковедческая деятельность ученых в советских прибалтийских республиках, в т.ч. в Литве и Эстонии. В области языкознания расширились и углубились традиционные для Эстонии исследовательские направления: школа финно-угроведения во главе с П. Аристэ, который являлся и главным редактором выходящей в Эстонии с 1965 г. журнала "Советское финно-угроведение"; работы А. Каска в области истории и диалектологии эстонского языка и др. Возникли новые подходы к изучению языка и культуры: работы Ю. М. Лотмана по структуральной поэтике и семиотике культуры, которые легли в основу создания и почти тридцатилетнего функционирования т.н. тартуско-московской школы семиотики. В 1947 г. в системе Академии наук Эстонской ССР был создан Институт языка и литературы. На первых порах институт работал в Тарту. В состав его входили четыре сектора: диалектологии, ортологословарный, литературы и фольклористики. С 1952 г. Институт переехал в Таллин. В 1970 г. в состав Института входило уже шесть секторов: диалектологии, словарный, финно-угорский языков, истории литературы, теории литературы и фольклористики. В отдельные группы в их рамках были выделены группы синтаксиса, терминологии, социолингвистики, экспериментальной фонетики.

Диалектологические исследования являются продолжением деятельности Общества родного языка и Тартуского университета, которые собрали в 1922-46 гг. материалы по диалектной лексике, топонимике и пр. В число актуальных задач входило и входит фиксация топонимов и собрание кличек животных и имен личных.

В 1947-69 гг. были в основном подготовлены описания отдельных говоров. В 1947 г. по инициативе А. Каска была начата работа по подготовке "Словаря эстонских диалектов": были разработаны принципы составления словаря и опубликован ряд пробных статей (буквы А-D). Однако работа была приостановлена из-за недостаточной обработанности исходного языкового материала. И возобновлена была лишь в 1964 г. В 1969 г. вышел "Проспект словаря эстонских диалектов". Вторая по значимости задача эстонских диалектологов — публикация образцов эстонских диалектных текстов. Издавалось собрание под общим заголовком "Эстонские диалекты". В 1950-х г. коллектив языковедов под руководством Э. Пялля начал решения частных проблем синтаксиса.

Цель исследования: анализ структуры простого предложения и строя сложного предложения эстонского языка. При этом итог представляет собой не только описательную, но и нормативную разработку.

В 1947 г. началась работа словарного сектора в двух основных направлениях: составление ортологических словарей и изучение проблем ортологии; составление терминологических словарей, текущая терминологическая работа и изучение проблем терминологии. В дальнейшем к этому добавилось составление толкового словаря.

Ортологические словари (1948, 1953 и 1960 гг.) строились по схеме: орфография слова, информация для образования спрягаемых и склоняемых форм (в т.ч. степеней сравнения), орфоэпическая информация (долгота, палатализация, ударение), а также толкование иностранных и малоизвестных слов.

В области терминологии в 60-70 гг. вышли, помимо двуязычных словарей, отраслевые двуязычные словари по геологии, горному делу, химии, электротехнике и пр.

В рамках подготовки толкового словаря велась работа (исследования) по фразеологии, звукоподражательным словам, омонимии, фонологии, фоностатистике, орфоэпии, грамматике и пр.

В 1969 г. началась активная разработка социолингвистической проблематики. Основная сфера интересов: выявление типов эстонско-русского и русско-эстонского двуязычия в Эстонской ССР; анализ интерферентных процессов; стереотипных ассоциаций в области словарного состава эстонского языка. А также сопоставительная стилистика эстонского и русского языка по углом зрения теории перевода и теории информации.

В 1957 г. по инициативе акад. П. Аристэ был создан сектор финно-угорских языков. Центральное место в его работе заняло составление словаря водского языка. Кроме того, в сферу интересов лингвистов входят вопросы словообразования мордовских языков, падежная система прибалтийско-финских языков; суффиксы в мордовских и прибалтийско-финских языках.

Отдельно систематически изучался ижорский язык и его диалекты, в т.ч. архаичного хэваского диалекта.

В сфере интересов эстонских лингвистов — фонологические системы финских диалектов на территории СССР, а также прилемеы, связанные с самодийскими языками.

С 1961 г. функционировала Лаборатория экспериментальной фонетики. Ее основная задача — комплексное экспериментальное изучение фонетической структуры эстонского языка, общих проблем акустики, физиологии и восприятия речи, в т.ч. автоматизированное распознава-

ние речи. Положено начало изучению акустических параметров и закономерностей восприятия интонационных структур речи.

Для литовского языкознания особенно значимой была деятельность К. Буги (1879-1924) и Й. Яблонскиса (1860-1930). Первый из них опубликовал основательные исследования по лексике, акцентологии, этногенезу балтийских языков, приступил к подготовке словаря-тезауруса. Второй — автор нормативных грамматик литовского языка, которые, по сути дела, легли в основу современного литовского литературного языка. Оба ученых работали в основанном в 1922 г. Каунасском университете, который стал центром литовского языкознания. С этим университетом тесно связана научная деятельность таких языковедов как П. Скарджюс, А. Салис, П. Йоникас.

Удмуртские языковеды преимущественное внимание уделяли экспериментальному исследованию сегментных и супraseгментных единиц и явлений звучащей речи; на инструментальной основе анализировались интонационные контуры вопроса; единицы несегментной фонации; особенности и некоторые вопросы формирования современной удмуртской акцентуации; вопросы морфонологии.

Из грамматических проблем исследовались в основном вопросы соотношения синтетических и аналитических форм выражения определенных значений, функционально-семантических полей; конкретные морфологические категории и явления удмуртского языка (отглагольные имена; деривационное словообразование; категория залога и др.). Синтаксис так и остался одним из наименее изученных разделов удмуртской грамматики.

Удмуртская лексикология и лексикография представлены в основном работами по отраслевой и терминологической лексике — цветообозначения, флора, лексическая синонимия, полисемия, работами популярного характера. Интенсивное развитие получила ономастика, а именно вопросы этнонимии, топонимии и антропонимии, что было традиционной областью интересов удмуртского языкознания. Это связано с тем, что ономастическая лексика широко привлекалась смежными дисциплинами как этнографический источник для изучения древней истории этноса, миграционных процессов и пр.

В области исторической фонетики исследования касались в основном вопросов исторической перестройки прапермской фонетической системы; а также роли диалектных данных в историко-фонетических изысканиях.

Удмуртская этимология представлена незавершенным этимологическим словарем. Работы по исторической морфологии и историческому синтаксису практически не велись.

В 80-е годы интенсифицировались разработки проблем контактирования удмуртского языка с другими — родственными и неродственными: русским, тюркскими (булгарским и татарским), марийскими.

Постоянным и длительным вниманием лингвистов (с 30-х гг.) пользовались диалекты удмуртского языка. Велись интенсивные полевые исследования в русле лингвистической географии.

Начало языковедческой деятельности ученых Киргизии относится к 20-м годам. В 1924 г. были заложены основы киргизской орфографии. Однако до настоящего времени они уточняются и в научном, и в практическом плане. Проблемными и спорными остаются вопросы правописания слов и морфем, правила слитного, отдельного и дефисного написания слова; правила написания заглавных букв; правила переноса слов. К спорным вопросам относится и правописание сложных слов и слов, заимствованных из других (арабского, иранского, русского и пр.) языков.

Огромный труд в разработку киргизской орфографии, в том числе в создание различных орфографических словарей, вложил Х. К. Карасаев. Сейчас в киргизской орфографии используются два принципа — морфологический и фонетический. По мнению Х. К. Карасаева, кроме этих двух принципов следует использовать еще принцип согласования (уподобления) (Карасаев, 1970).

Проблема пунктуации является до настоящего времени одной из наименее разработанных в киргизском языкознании. Перед киргизскими учеными еще стоит важная задача упорядочения пунктуационных норм киргизского литературного языка. Большое теоретическое и практическое значение в этом плане имеет деятельность А.Т. Турсунова. Он разрабатывает вопросы: знаки препинания и их роль в письменности; интонация и знаки препинания; принципы постановки знаков препинания; точка; вопросительный знак; восклицательный знак; насаивание отдельных знаков препинания и пр. А также проблему знаков препинания в простом и сложном предложении.

После 1917 наряду с необходимостью создания алфавита, учебников по грамматике и иной научной и учебной литературы по/на киргизскому языку возникла потребность в создании словарей.

С 1926 г. К. К. Юдахин начал собирать и систематизировать материалы для киргизско-русского словаря. Вышедшего затем в 1940 г. Этим трудом были заложены основы лексикологии и лексикографии киргизского языка.

Х. Карасаев, Д. Шукуров, К. К. Юдахин готовят совместно "Русско-киргизский словарь" (1944 г.). В словаре К. К. Юдахина (1965 г.) была представлена вся активная лексика современного киргизского литера-

турного языка. По сути дела, этот словарь представлял собою энциклопедию, отражающую материалы, связанные с обычаями киргизского народа, его традициями, его характером, духовным миром, историей, культурой, хозяйством и т.п.

В Институте языка и литературы АН Киргизской ССР широко велась работа по составлению толковых и фразеологических словарей (Э. Абдулаев, Д. Исаев, З. Осмонова и др.).

В области лексикологии интересы киргизских ученых сосредоточивались на следующих проблемах: использование внутриязыковых ресурсов для обогащения языка; заимствования.

Необходимо выделить имена двух ученых, внесших огромный вклад в исследование киргизской лексикологии — К. К. Юдахина и Б. М. Юнусалиева. Первый выполнил функцию собирателя и систематизатора лексики, второй сформировал область интересов научного изучения лексики.

В 60-70-е годы в киргизском языкознании стали появляться работы, посвященные вопросам многозначности слова, идиоматики, синонимии.

Лишь в 70-е годы интерес лингвистов привлекла проблематика стилистики и экспрессивной лексики. В середине 70-х годов предметом исследования стал язык художественных произведений.

Необходимо отметить, что в 70-80-е годы киргизские языковеды начали уделять внимание вопросам топонимики и только-только приступили к проблематике семасиологии (расширение и сужение значения слов: эвфемизмы и табу, и пр.).

Фонетика киргизского языка изучалась в основном в синхронном плане.

Совместными усилиями таких ученых как И. А. Батманов, Т. К. Акматов, А. Орусбаев, К. Дыйканов в Киргизии были созданы условия для развития направлений исследований фонетики киргизского языка, диалектной фонетики и сопоставительной фонетики.

Киргизское языкознание — особенно разработка вопросов грамматики — складывалось под благотворным (сильным) влиянием русистики. Для киргизского языкознания особенно характерно предпочтение, отдаваемое описательным грамматикам. Историческая и сравнительная грамматика практически разработаны не были.

Научное исследование вопросов грамматического строя киргизского языка появляются в 30-е годы. Одним из первых исследователей киргизского языка, занимавшихся проблемами описательной грамматики, был И.А. Батманов.

Специальным исследованием грамматики киргизского языка в 40-е годы стал труд Х.К. Карасаева, в котором решался вопрос семантической характеристики падежей киргизского языка.

С 50-х годов в киргизском языкознании ведется всестороннее изучение всех частей речи. В результате отдельных исследований по каждой части речи был собран богатый материал, который лег в основу созданной авторским коллективом первой научной грамматики киргизского языка.

В те же 50-е годы началась разработка проблем синтаксиса: синтаксиса словосочетания, синтаксиса простого предложения; синтаксиса сложного предложения (Джакубов И.; Сартбаев К.К., Джапаров А., Омуралиева Р. и др.). В работах, в частности, рассматривались вопросы о связи и различии между предложением и суждением, анализируются пути развития простого предложения. На материале киргизского языка делалась попытка разъяснить такие понятия, как различия между предложением и словосочетанием, интонация предложения, модальность предложения и др.

Научно-исследовательская работа велась и по проблемам словосочетания в киргизском языке в следующих направлениях: характерные признаки словосочетания, свободные и связанные словосочетания; словосочетание, слово и предложение; предикативные и непредикативные словосочетания; именные и глагольные словосочетания и пр.

Исследования киргизских диалектов также начались в 30-е годы, и у истоков этих исследований вновь был И.А. Батманов. В своей пионерской работе он делит киргизский язык по территориальному признаку на два диалекта — южный и северный. Позднее Б. М. Юнусалиев сформулировал иную концепцию, по которой в киргизском языке выявляются три диалекта: северный, юго-восточный и юго-западный.

Объектом исследования в работах по диалектологии киргизского языка являются их фонетические, лексические и грамматические особенности; сведения по истории и этнографии киргизов, нашедшие отражение и фиксацию в диалектах; географическое распространение; этнический состав носителей и их связи с другими языками (узбекским, таджикским и др.).

В Институте языка и литературы АН Киргизской ССР был создан специальный сектор диалектологии; собирался материал для создания диалектологического атласа киргизского языка; разрабатывались вопросы лингвогеографии киргизского языка; готовился к изданию "Атлас киргизских говоров". В 1972 г. вышел первый том киргизского диалектологического словаря.

Одним из актуальных и важных вопросов киргизского языкознания является формирование и развитие киргизского литературного языка.

В киргизском языкознании большое место занимают исследования по вопросам общей тюркологии. В 40-е годы этими вопросами занимался И.А. Батманов и его ученики — К. Аширалиев, С. Садыков, У. Асаналиев, Ч. Джумагулов. С 1959 г. функционирует сектор тюркологии в системе АН Кирг.ССР. Его возглавлял сначала И.А. Батманов, затем Б.О. Орузбаева и С.К. Кудайбергенов. Основная сфера интересов — изучение языка памятников древнетюркской письменности, их публикация.

В годы существования СССР была проделана большая работа по сопоставительному изучению русского и киргизского языков. Исследования в этой области были связаны в первую очередь с преподаванием русского языка в средней школе и в вузе.

С 60-х г. в киргизском языкознании выделяется исследовательская работа по типологическому сопоставлению киргизского языка с европейскими языками (немецким, английским, французским). Большинство работ посвящено при этом вопросам грамматического строя языков разных систем. Ограничение количества языков (исследования ведутся почти исключительно по трем языкам) и тематики связаны опять таки с практической направленностью исследований — преподавания иностранных языков в школе и вузе.

Наконец, что касается проблем общего языкознания, то в рамках Киргизии и ее научно-исследовательских и учебных заведений специально этими вопросами не занимались, то есть как таковая традиция не складывается и не функционирует.

По признанию самих казахских языковедов, *казахское языкознание является детищем Великой Октябрьской социалистической революции. Как самостоятельная научная дисциплина она сложилась только в советскую эпоху. Но по охвату разрабатываемой тематики, по качеству выпускаемой продукции оно занимало одно из первых мест в советской тюркологии (А.Т. Кайдаров).*

Становление казахского языкознания было тесно связано с практическими потребностями составления учебников и учебных программ по казахскому языку для школ и вузов республики, которыми в первые годы советской власти в Казахстане занимался Народный Комиссариат просвещения, а также с практическими мероприятиями по созданию для казахского языка письменности.

В 1936 г. в Казахском филиале АН СССР был открыт Сектор языка и литературы и на его основе создан Институт языка, литературы и истории. В 1961 г. на этой базе был создан самостоятельный Институт

языкознания. К середине 80-х гг. он насчитывал 11 отделов: казахского языка, тюркологии и истории казахского языка, культуры речи, диалектологии, толкового словаря, двуязычных словарей, ономастики, сопоставительного изучения казахского, русского и других языков, уйгуроведения, русского языка, экспериментальной фонетики.

Казахское языкознание прошло в своем развитии несколько этапов — от решения злободневных практических вопросов до разработок больших научно-теоретических проблем. Если 30-40-е годы в казахском языкознании были представлены в основном практические проблемы~задачи (создание письменности, разработка орфографии, терминологии, составление различных словарей и пр.), то последующие годы характеризовались постановкой серьезных теоретических проблем.

Тезисно обрисует основные приоритеты исследовательской деятельности казахских языковедов.

Фонетические исследования.

Первое более или менее обстоятельное научное описание фонетической системы казахского языка было сделано в трудах С.К. Кенесбаева, которое затем легло в основу всех школьных и вузовских учебников.

Общими и частными вопросами фонетики и фонологии (характеристика вокализма и консонантизма, длительность и редукция гласных, фонетическая структура слова и др.) занимается Ж.А. Аралбаев и его школа. Исследования в этом направлении ведутся главным образом в русле экспериментальной фонетики.

Отдельное направление представлено исследованиями по сопоставлению фонетических явлений и закономерностей казахского языка с аналогичными в родственных (Т. Талипов, Б. Калиев) и иносистемных языках (М. Исаев, А. Исенгельдина).

Лексикологические и лексикографические труды.

Это направление имеет приоритет в казахском языкознании в связи с большим прикладным значением. Этим, пожалуй, объясняется тот неослабевающий интерес, с каким казахские лексикографы относятся к составлению самых различных словарей — терминологических, орфографических, двуязычных, синонимических, диалектологических, этимологических, толковых, персональных, алфавитно-частотных, иноязычных и т.д.

На сегодняшний день как значительное достижение казахских лексикографов можно отметить составление и издание многотомного толкового словаря казахского языка (под рук. проф. А.И. Исакова). Завершение этого фундаментального труда даст возможность зафиксировать, систематизировать и описать все лексико-фразеологическое богат-

ство казахского языка, отражающее материальную и духовную культуру ее носителей.

К числу фундаментальных работ следует отнести "Фразеологический словарь казахского языка" (под ред. С.К. Кенесбаева) (1977). Словарь с подобным охватом фразеологического фонда создан впервые за всю историю тюркологии.

Казахские лексикографы одними из первых среди специалистов тюркских языков приступили к созданию различных лингвистических и отраслевых словарей: словарь синонимов казахского языка (А. Болганбаев, 1962), Словарь языка Абая (под ред. А.И. Исакова, 1968), Диалектологический словарь казахского языка, 1969), Краткий толковый словарь топонимов Казахстана, 1974), Словарь поэмы Кутба "Хосров и Ширин" (А. Ибатов, 1974); серии отраслевых терминологических словарей (более 30).

В настоящее время первоочередным является составление и издание большого "Казахско-русского словаря".

В ряде специальных исследований получили освещение семасиологические, историко-этимологические аспекты лексикологических проблем.

В послевоенные годы в Казахстане началось изучение топонимов. В 50-е годы началось систематическое накопление материалов. В 1959 г. вышла книга А. Абдурахманова "Географические названия Казахстана". В 1959 г. вышли две статьи проф. А.И. Исакова по этимологии многих древнетюркских имен Казахстана. Недостатком первых работ было то, что исследователи во многом руководствовались лишь казахским материалом, не привлекая тюркский языковой пласт.

В 1970 г. при Институте языкознания был создан отдел ономастики. Одним из актуальных направлений для работы отдела были определены исследования терминологические, а также накопления и исследования материалов казахской ономастики, подготовка словарей топонимов и антропонимов.

В этом плане разрозненные работы требовали соединения и связи со всей топонимической практикой СССР. Кроме того, топонимические данные казахского языка — это богатейший материал для решения многих языковедческих проблем тюркологии.

Исследования в области морфологии и синтаксиса.

Теоретические проблемы синтаксиса словосочетания казахского языка впервые в тюркологии были рассмотрены в работах проф. М. Балакаева. Попытка исторического освещения синтаксиса сделана Т. Кордабаевым. Интересную работу по синтаксису разговорной речи

казахов одним из первых среди синтаксистов-тюркологов выполнил Р. Амиров.

Диалектологические исследования.

Достаточной результативностью отличалась работа казахских диалектологов. Начатые в 30-х гг. Ж. Доскараевым, С. Аманжоловым и др. диалектологические поиски в 60-70-е гг. приняли целенаправленный характер. В итоге постоянного экспедиционного изучения к настоящему моменту выявлены и монографически описаны почти все основные диалектные единицы и массивы Казахстана. Изучены также языковые особенности казахов, живущих за пределами республики. Казахские диалектологи участвовали в составлении диалектологического атласа тюркских языков. Впервые в тюркологии составлен "Диалектологический словарь казахского языка" (1969). В заслугу казахским диалектологам можно поставить и то, что они уже сделали значительный шаг от описания частных диалектных явлений и отдельных диалектных единиц в сторону создания обобщающих трудов с выявлением наиболее характерных признаков языка казахов отдельных регионов или массивов разных уровнях и хронологических срезах.

В 60-е гг. значительное внимание уделялось изучению казахских говоров за пределами Казахстана. Монографически изучены казахские переходные говоры, носители которых проживают на территории Туркменской ССР, Узбекской ССР, Каракалпакской АССР, на территории МНР.

Но неверно утверждать, что издавались в этот период только работы описательного характера. Статьи и монографии затрагивали вопросы исторической диалектологии, проблему контактирования на уровне говоров; отражение структурных особенностей говоров в языке периодической печати и художественной литературы.

История казахского языка — молодая отрасль казахского языкознания. Невнимание к этой проблеме в XIX-нач. XX в. связано, по видимому, с тем, что тюркологи достаточно долго считали казахский язык "диалектом единого тюркского языка".

Первые серьезные исследования по истории казахского языка появились лишь в середине 30-х годов. Х.К. Жубанов в 1936 г. опубликовал книгу, в которой рассматривал историю развития порядка слов на примере казахского и других тюркских языков, применяя сравнительно-исторический метод.

В исследовании истории казахского языка большую роль сыграли работы Н.Т. Сауранбаева, который выдвинул гипотезу о генетической связи казахского и древнекыпчакского языков (Сауранбаев, 1954). Исследования были продолжены в плане исследования памятников уйсун-

ских племен (V в. н. э.). С середины 50-х гг. казахские языковеды вплотную приступили к лингвистическому описанию отдельных категорий языка по материалам конкретных письменных источников. Объектами исследования становятся также орхоно-енисейские письменные памятники V-VIII вв.

Под руководством проф. Э.Н. Наджина велись исследования кыпчакских памятников.

Исследования истории казахского литературного языка базировались на том тезисе, что основа современного казахского письменного языка закладывалась во второй половине XIX в. Этот процесс связывался с просветительской и литературной деятельностью И. Алтынсарина и Абая Кунанбаева. Отсюда вытекала необходимость исследования в первую очередь языка основоположников. В связи с этим объектом исследования стал язык казахской периодической печати (2-я половина XIX-XX вв.).

В формировании казахского литературного языка большую роль сыграло устное народное творчество. Этот факт дал импульс к изучению языка казахского героического эпоса ("Козы Корпеш — Баян-Слу"; "Алпамыс"). Изучались вопросы языковой и поэтической традиции древнетюркской поэзии в произведениях казахских акынов XV-XIX вв.

Исследование по истории языка и письменным памятникам.

Это одно из наиболее важных и продуктивных направлений в казахском языкознании. В ряде случаев оно перекликается с проблемами общетюркологического и алтаистического порядка.

Конкретные исследования казаховедов в этом направлении можно сгруппировать вокруг следующих тем: а) изучение языка древнетюркских (орхоно-енисейских, древнеуйгурских) памятников (Г.Г. Мусабаев, Г. Айдаров, А. Аманжолов, А. Есенгулов, С.К. Кенесбаев и др.); б) изучение языка дореволюционных письменных источников и фольклора (Б. Абилхасимов, К. Умиралиев, Н. Карашаева, Е. Жубанов и др.); в) изучение языка писателей — основоположников современного казахского письменного литературного языка (Абая, С. Сейфуллина, М. Ауэзова, И. Джансугурова и др.). (Аг. Сыздыкова, Е. Жанпейсов и др.). Несколько особняком стоит вопрос об изучении эпиграфики Казахстана (Г.Г. Мксбаев, А. Махмутов и др.). Здесь результативно работает А. Курьшжанов, публикации которого, особенно по "Кодексу Куманикусу" и некоторым средневековым памятникам, прочно вошли в фонд общетюркологической литературы.

Были созданы крупные обобщающие исследования по истории казахского языка, по определению истоков формирования как общенародного, так и литературного языка, какими являются труды

М.Б. Балакаева, Р. Сыздыковой, Е. Жанпейсова по истории литературного языка (1968), Г.Г. Мусабаева — по исторической грамматике (1966), М. Томанова — по исторической морфологии (1976).

Изучение среднетюркских письменных памятников в основном велось в отделе тюркологии и истории казахского языка Института языкознания АН Каз.ССР, где исследовались "мухаббат-наме", "Китаб Мукаддима", "Шеджере- и турк", "Огуз-наме" и пр.

Исследование проблемы взаимодействия и взаимовлияния родственных и разноструктурных языков.

Постановка этой проблемы актуальна в условиях Казахстана и объясняется его многонациональностью. Прделана значительная работа в плане сопоставительного изучения фонетической и лексико-грамматической структур русского, казахского и других тюркских языков (В.А. Исенгалиева, Н. Демесинова, Р. Кожамкулова, Н. Уалиев и др.), выпущены учебники, монографии, сборники. Осуществлены попытки проведения типологических исследований с привлечением фактов и данных языков не только тюркского ареала, но и европейских (английского, немецкого, французского и др.). Общие и региональные тюркизмы в русском языке в плане взаимодействия исследуются как результат обратного влияния тюркских языков на русский (Е.Н. Шипова, Т. Жолтаева и др.). Попытка сравнительного изучения тюркских языков предпринималась лишь на уровне отдельных грамматических категорий или в аспекте сравнительной грамматики (А. Нурмаханова), а сравнение тюркских и монгольских языков — в плане алтаистики (С.К. Кенесбаев, Ш.Ш. Сарыбаев, А.Т. Кайдаров, Н. Уалиев).

Указанная проблема имела и социальный аспект, предусматривающий различных экстралингвистические и внутриязыковые факторы, влияющие на структурно-функциональное развитие родственных и разнотипных языков. Первые шаги в исследовании этой стороны проблемы сделаны Б. Хасановым в монографии "Языки народов Казахстана и их взаимодействие" (1976).

Исследование казахского языка и русского в сопоставительном плане вытекало из необходимости решения таких вопросов казахского языкознания, как разработка общей теории языка, раскрытие закономерностей развития и функционирования казахского языка в новых социальных условиях, исследования проблем социолингвистики, разных типов двуязычия, раскрытие национальной специфики языка и выявление языковых универсалий. Задачами методического характера определялись разработка научных основ методики преподавания русского языка в школах и вузах республики, создания теоретической базы для

лучшей постановки преподавания иностранных языков, для решения теоретических и практических проблем перевода.

Сопоставительные работы проводились в области фонетики (при этом методологической базой явилась структурная типология тех лет (60-79 гг.); лексики (что нашло отражение в двуязычных словарях разных типов); морфологии (синхронное сопоставление) (особый интерес вызывалось исследование тех категорий, которые отсутствуют в одном из сопоставляемых языков); синтаксиса (здесь особенно сильны традиции подходов, сформулированные в работах И.И. Мещанинова по казахскому языку). В методическом плане акцент делался на процессах интерференции.

Отдельно выделяется работы, связанные с исследованием взаимодействия казахского и иных языков в области стилистики.

Сугубо социолингвистической проблематике посвящены работы школы Б. Хасанова: исследованию развития социальных функций казахского и других языков народов Казахстана, освещению опыта языкового строительства в республике и определению в связи с этим роли сознательного воздействия общества на функциональное развитие языка, показу развивающегося процесса двуязычия и многоязычия.

Следует сказать, что в казахском языкознании получили право гражданства исследования (под рук. проф. К.Б. Бектаева) с помощью вероятностно статистических, информационных и кибернетических методов (А.Х. Жубанов, Д. Байтанаева, С. Мирзабеков, А. Ахабаев); созданы учебники для вузов республики по общему языкознанию (Т.Р. Кордабаев), по введению в языкознание (К. Аханов), разрабатывается курс по введению в тюркологию (Г. Калиев) и т.д.

Рука об руку с казахскими языковедами в системе АН Каз.ССР многие годы работала группа уйгурских языковедов (Г. Садвакасов, Т. Талипов, Ю. Цунвазо, О. Джамалдинов, Ш. Баратов, Ш. Кабиров и др.). Десятки монографий, сборников, фонетических, грамматических и диалектологических исследований по всем основным проблемам уйгуристики — таков общий итог их работы.

Особый интерес и ценность языковедения в Казахстане представляет уникальный опыт организации исследований по переводу.

В начале 60-х гг. в Институте языкознания АН Каз.ССР создается отдел культуры речи и перевода, призванного решать вопросы: роли переводных произведений в обогащении национальной литературы, расширения функций родного языка и его лексическое обогащение, способы сохранения литературной и языковой адекватности при переводе и пр. В этот период предметом исследования становятся вопросы перевода уже с казахского языка на русский.

70-е годы — это особенное внимание к литературоведческому аспекту теории перевода (с/на русский (иностранные языки) vs. казахский).

Наконец, особо должно быть отмечено развитие уйгуроведения.

Собственно в Казахстане в 20-30-е гг. была развернута интенсивная научно-практическая работа по созданию нового уйгурского алфавита, правил орфографии и пунктуации, принципов терминотворчества, составлению учебников и пр. В Ташкенте (1921), в Алма-Ате (1925, 1930, 1936), Самарканде (1928), Москве (1937) прошел ряд конференций и совещаний.

В 1949 г. был создан Сектор уйгуро-дунганской культуры в рамках АН Каз.ССР.

Основной массив работ появился в 50-60 гг. (Баскаков, 1978, Талипов, 1958, Илиев, 1963). Основное внимание уделялось классической литературе и фольклору (Современный..., 1966; Исследования..., 1970).

В 1963 г. организуется Отдел уйгуроведения при Институте языкознания АН Каз.ССР. В соответствии с научными профилями внутри Отдела были созданы три группы — лингвистов, историков, литературоведов.

Обратимся также в качестве примера-иллюстрации к фактам развития языковедческой работы в автономных республиках бывшего СССР. Опять таки с той целью, чтобы продемонстрировать: не только мощные в финансовом и кадровом обеспечении самостоятельные союзные республики могли себе позволить заниматься решением общих и частных вопросов языковой политики, языкового строительства, а также разработкой общих теоретических и практических вопросов языковедения.

Назовем три центра: Башкирию, Мордовию и Каракалпакию.

Состояние лингвистической науки определялось насущными задачами языкового строительства в Башкирской АССР, развития башкирского литературного языка.

В 30-е годы языковеды Башкирии, совместно с лингвистами Москвы и Казани (в основном) были заняты подготовкой словарей, сбором материалов по диалектологии; выработкой орфографических норм. В 1934 г. под редакцией Г.С. Амантаева публикуется свод орфографических правил. В конце 30-х годов в республике был поставлен вопрос о переходе на русскую графическую систему (в 1939 г. была сформирована специальная комиссия). Однако и после утверждения нового алфавита работа продолжалась. Действующая орфография была окончательно утверждена в 1950 г. В 1952 г. вышел наиболее полный орфографический словарь башкирского языка К.З. Ахмерова.

Исследование диалектов (говоров) начинается с конца 20-х годов, что было связано с необходимостью развития национального литературного языка. В 30-е годы удалось осуществить 10 экспедиций по единой методике сбора материала. Эти материалы не были обобщены и изданы; они нашли косвенное применение в ряде словарей.

В послевоенные годы работа по сбору диалектных материалов возобновилась. Первым обобщающим трудом в области диалектологии явилась монография Т.Г. Баишева, в которой представлена подробная классификация говоров и диалектов башкирского языка, дана характеристика основных признаков говоров в сравнении с башкирским литературным языком. В 60-79-е годы был создан богатый картотечный фонд диалектной лексики, подготовлен двухтомный словарь башкирских говоров, заложены основы лингвогеографического изучения всех диалектов. Результаты работ этих лет обобщены в монографиях по восточному и южному диалектам, которые составляют основу литературного языка. К настоящему времени получили описание все основные диалекты и периферийные говоры башкирского языка. Одновременно ведутся сравнительно-исторические изыскания отдельных пластов диалектной лексики. Проводились работы по составлению Диалектологического атласа тюркских языков и Лингвистического атласа Европы в рамках международной программы.

В конце 30-х годов башкирские языковеды начали разработку проблем изучения грамматического строя родного языка. В 1941 г. вышел первый учебник по башкирскому языку для педагогических училищ К.З. Ахмерова.

В те же годы начались исследования по классификации частей речи, структуре простого и сложного предложения, отдельных морфологических категорий. В 50-60-е гг. исследованию подвергалось именное словообразование; служебные слова; наречия и звукоподражательные слова.

В середине 70-х гг. назрела необходимость в подготовке новой научной грамматики. Работа над ней велась под руководством А.А. Юлдашева и была завершена к 80-му году. Новая грамматика являлась нормативной, в ней представлено систематическое описание грамматической структуры современного башкирского литературного языка с широким привлечением форм из народного разговорного языка, включены разделы о фонеморфологии, синтаксисе словосочетания, структуре слога, связном сказуемом и др.

В 1950-60-е гг. было проведено нескольких работ, посвященных взаимодействию русского и башкирского языков.

В последующие годы было продолжено изучение проблем лексикологии: по омонимии, синонимии, материалы которых были опубликованы в виде словарей. Проведены исследования структуры и состава фразеологии башкирского языка в сравнении с материалами других языков рассматривалась также проблема вариативности в башкирском языке и нормирование вариантных слов.

В 70-е годы особое развитие получила ономастика: интенсивно разрабатывались вопросы топонимики, отчасти и антропонимики. Интерес к ним был вызван рядом поволжских ономастических конференций. Создана картотека топонимов, собранных в результате полевых исследований и выборки из исторических источников (до 30 000 единиц). На этой основе подготовлен "Словарь топонимов Башкирской АССР" (1980 г.).

В 70-е годы была начата работа по выявлению письменных источников по истории литературы и языка; начата научная обработка и археографическое описание их. Ведутся исследования письменных памятников прошлых эпох, публикация памятников и комментарии к ним: о языке башкирских шежере (родословных), актов документов XVIII-XIX, о языке сочинений Тажетдина Ялсычулова об истории булгар (XIX в.). Все это — подготовка к исследованию (? с.59) истории формирования и развития башкирского литературного языка.

Слабо изученной отраслью осталось ареальное и сравнительно-историческое языкознание. В работе Дж.Г. Киекбаева заложены лишь основы компаративной фонетики башкирского и других тюркских языков. Он же начал работу по исторической морфологии на широком фоне урало-алтайских языков. Однако эти его работы 50-х гг. продолжены не были. В конце 70-х гг. Т.М. Гаринов начал сравнительно-историческое изучение структуры башкирского языка и татарского языка.

Несмотря на это, вопросы истории языка, исторической грамматики, исторического синтаксиса остаются малоизученными.

Наличие на территории Башкирии компактных языковых групп дало импульс к изучению в 80-е годы сферы употребления и взаимодействия башкирского, русского, татарского и др. языков.

До сегодняшнего дня малоразработанными отраслями лингвистики в башкирском языкознании остаются проблемы двуязычия, стилистики, экспериментальной фонетики, математической лингвистики и др.

С первых лет советской власти в связи с учреждением школы на родном языке на очередь дня встала разработка норм письменности и дальнейшего исследования мордовских языков. Эти вопросы тесно связаны между собой, и решение их шло параллельно.

Вплоть до 1933 г. мордовские печатные издания выходили на отдельных диалектах мокша- и эрзя-мордовских языков. Преподавание в школах проводилось на родном диалекте учителя.

В истории разработки норм письменности мордовских языков большое значение имело Всероссийское совещание работников просвещения в 1920 г. в Самаре и ряд совещаний в Москве в 1927-28 годах.

В 1925 г. на Московском съезде учителей мордовских школ за основу эрзя-мордовского литературного языка был принят говор села Козловки Козловского (Атяшевского) района Мордовской АССР. В качестве диалектной основы мокша-мордовского литературного языка был взят краснослободско-темниковский диалект.

Разработка норм письменности была возложена на Мордовский научно-исследовательский институт.

В 1933-35 гг. состоялись три конференции для обсуждения проектов графики и орфографии, терминологии и норм синтаксиса, а также нормативной грамматики.

Но лишь решения четвертой конференции 1938 г. были утверждены Президиумом ЦИК Мордовской АССР как общественные правила и нормы письма для всех учреждений, организаций, школ и частных лиц.

Однако конференция упустила из виду многие важные проблемы орфографии и морфологии: правописание сложных слов, редуцированного гласного, отрицания а с причастиями и прилагательными; не рассматривались вопросы синтаксиса и пунктуации.

С целью восполнения этих пробелов работа была продолжена до 40 года.

В 1952 году научная сессия по вопросам мордовского языкознания обобщила двадцатилетний опыт работы по нормализации мордовских литературных языков и внесла ряд уточнений в их орфографию и грамматику.

22 ноября 1952 г. научной сессией были приняты "Правила морфологии, орфографии, синтаксиса и пунктуации мордовских литературных языков". На этой основе были составлены нормативные орфографические словари (1955-57 гг.).

После открытия в 1932 г. Научно-исследовательского института мордовской культуры началось интенсивное изучение лексики, фонетики, грамматики мордовских языков и их диалектов. С 1940 г. при Институте стал издаваться свой печатный орган.

Первой лексикографической работой советского периода является "Эрзянско-русский словарь" М.Е. Евсевьева (прерван на букве "к" вследствие смерти автора).

В 1938-39 гг. были изданы орфографические словари эрзянского и мокшанского языков.

В 1951 г. завершился первый этап создания двуязычных (русско-эрзянского, русско-мокшанского, эрзянско-русского и мокшанско-русского) словарей. Второй этап (по настоящее время) характеризуется работой по подготовке толкового словаря мордовских языков.

В послевоенный период началась разработка проблем лексикологии. Тематика (40-60-х гг.) охватывала проблемы заимствований в мордовских языках, исторической лексикографии, фразеологии, синонимии, диалектной лексики.

Вышли обобщающие монографии и "Фразеологический словарь мордовских языков" (сост. Р.С. Ширманкина).

Вопросы фонетики мордовских языков, впервые поднятые М.Е. Евсевьевым в 1929 г. — он определил фонемный состав эрзянского языка, — были в 40-50 гг. разработаны Д.В. Бубрихом: он подготовил ряд работ по мордовской системе фоном, историю вокализма мордовских языков; им был открыт закон перезвуковки и другие закономерности в области вокализма и консонантизма.

В дальнейшем фонетические вопросы затрагивались собственно лишь в рамках обобщающих монографических работ.

В центре внимания исследователей мордовских языков в основном находились вопросы морфологии. Впервые оригинальный подход к классификации частей речи предложен М.Е. Евсевьевым. Исходя из семантики слов и их формальных признаков, все слова разделены на имена, глаголы и служебные частицы.

Большой вклад в разрешение проблем морфологии внес Д.В. Бубрих. Им основательно разработана теория мордовского склонения и спряжения. Выделено 11 падежей в эрзя-мордовском языке, и 10 — в мокша-мордовском. Он же обосновал различие падежной формы и абсолютной формы, сказуемое изменение неглагола, происхождение л-овых глагольных образований.

Основная тематика исследований по морфологии мордовских языков касалась вопросов склонения и спряжения; причастия, послеглаголов, м-овых имен действия; семантики падежей, суффиксов субъективной оценки и некоторых других.

Велась работа по изучению словообразования и формообразования.

В сравнительно-историческом плане разрабатывалась проблематика местоимений.

Большое внимание уделялось вопросам исторической морфологии.

Среди нерешенных проблем филологи называют вопросы происхождения некоторых форм склонения и спряжения, истории ряда суффиксов, их морфологические структуры и функции.

Синтаксические исследования касались (начиная с 40-х гг.) в основном простого предложения и его состава неразработанными остались проблемы второстепенных членов предложения, обособленных членов предложения.

Одним из инициаторов планомерного изучения мордовских диалектов в начале 30-х гг. выступил Д.В. Бубрих. Ему же принадлежит первая попытка классификации эрзянских диалектов по их фонетическим особенностям.

В 1935 г. была подготовлена "Инструкция и программа по сбору материала для диалектологического атласа мордовских языков": на основе русского алфавита была разработана система транскрипции. Работа была прервана войной и планомерно возобновилась в 1955 г. В 1960 г. был издан "Вопросник для собирания сведений по диалектам мордовских языков". С 1961 г. начался выпуск серии "Очерки мордовских диалектов".

Актуальными оставались вопросы изучения мордовских диалектов за пределами республики и составления диалектологического атласа.

В 60-70-е годы в мордовском языкознании начались интенсивные разработки проблем ономастики: вопросы происхождения отдельных топонимов и гидронимов; топонимика в сравнительном плане; топонимика и этногенез мордовского народа; антропонимия и этнонимия.

Началом научной разработки основ грамматики и вопросов диалектологии каракалпакского языка можно считать 1932-34 гг.

1928-1930 годы характеризуются полным переходом каракалпакской письменности на новый латинизированный алфавит. В 1931 г. организуется комплексный институт с этнолого-лингвистической секцией.

Период развития каракалпакского языкознания со времени перехода каракалпакской письменности на новый латинизированный алфавит по 1939-40 гг. в основном характеризуется сбором новых материалов по каракалпакскому языку, составлением учебных пособий для школ республики, усовершенствованием алфавита и орфографии, разработкой вопросов научно-технической терминологии по некоторым областям естественных и общественных наук.

В сентябре 1932 г. в Турткуле состоялась первая орфографическая конференция, на которой были приняты правила орфографии, составленные Алпаровы, К.Убайдуллаевым и Аймбетовым. Они дополнялись позднее на конференциях 1935 и 1938 гг.

В 1935-38 гг. под руководством Н.А. Баскакова организуется ряд экспедиций по изучению говоров каракалпакского языка.

В тот же период на латинизированном алфавите были изданы несколько терминологических словарей по физике, математике, зоологии и ботанике. На повестку дня был выдвинут вопрос о переводе каракалпакской письменности на алфавит, построенный на основе русской графики.

В организации работы на новую систему письменности на основе русской графики научным центром стал Каракалпакский научно-исследовательский институт языка и литературы, созданный в 1940 г. Вновь созданный институт приступил к систематизации и обработке ранее собранных материалов по каракалпакскому языку. Научными силами института — Н. Давкараевым, К. Убайдулаевым и К. Аимбетовым был разработан новый алфавит и орфография каракалпакского языка, которые были приняты и утверждены в декабре 1940 года.

К этим же годам (1940-41 гг.) относится окончательное твердое установление фонетико-грамматических, лексических, орфографических и орфоэпических норм каракалпакского литературного языка устной и письменной формы, созданного на базе северного диалекта каракалпакского населения северных районов Каракалпакской АССР.

Со времени перехода каракалпакской письменности на русскую графическую основу были составлены и напечатаны новые учебники для начальной и средней школы местными авторами (К. Убайдуллаев, Х. Таджимуратов, А. Кдырбаев, Н. Давкараев), что послужило в первое время средством обеспечения школьного обучения на новом алфавите на основе русской графики.

В период Великой Отечественной войны темпы изучения каракалпакского языка несколько замедлились, однако оно не было совсем прекращено. Местными авторами были составлены краткие орфографические словари на основе русской графики для учащихся школ республики (С. Байков, Д. Абдалов, К. Убайдулаев).

После окончания Великой Отечественной войны и особенно после дискуссии по языкознанию, состоявшейся в 1950 г., развивается планомерно и углубленно изучение вопросов каракалпакского языка во всех его аспектах. Постепенно начинают развиваться отдельные разделы каракалпакского языкознания, как история письма, лексикология, лексикография, фонетика, грамматика, диалектология и история языка.

Становление и развитие лексического состава каракалпакского языка всесторонне и глубоко освещались в работах проф. Н.А. Баскакова, Р. Есемуратовой, Е. Бердимуратова.

Историческому развитию и становлению лексики каракалпакского языка посвящены специальные работы А. Бекбергенова, С. Наурузбаевой и др.

Большим достижением каракалпакской лексикографии является выход в свет русско-каракалпакского, и каракалпакско-русского словарей (50-60-е годы). Вышли в свет орфографические и диалектологические словари.

Фонетической системе каракалпакского языка посвятили свои исследования Ж. Аралбаев и К. Убайдуллаев.

Период 40-60 (нач. 70-х гг.) вопросами грамматики очень много занималось молодое поколение языковедов: кандидатские диссертации А.К. Кдырбаева, Д.С. Насырова, А. Нурмахановой и др. по вопросам категории падежей, причастия, прямой и косвенной речи, категории времени, имен действия, категории множественности и т.д.

Объектом научного исследования стали и вопросы синтаксиса. Но в основном были проделаны исследования по отдельным разделам синтаксиса (о простом предложении, о сложном предложении, словосочетании, предложении с развернутыми членами; интонационные характеристики предложений разных типов и пр.).

В последние 10-15 лет возник особый интерес к разработке вопросов диалектологии и истории каракалпакского языка. В создании и восстановлении истории языка огромное значение имеет изучение диалектов и памятников письменности в тесной связи с историей народов, являющихся носителем данного языка. Изучение фонетических, грамматических и лексических особенностей диалектов и говоров, сохранившихся в составе народно-разговорного языка, особенно важно для восстановления истории бесписьменных и младописьменных языков, не имеющих своих богатых письменных традиций.

Вопросы каракалпакской диалектологии и материалы конкретных говоров анализировались в работах Ж. Аралбаева, Д.С. Насырова, Т. Бегжанова, А. Ниязова и др.

Вопросам формирования и развития каракалпакского национального литературного языка, разбору языковых особенностей классиков каракалпакской литературы, а также анализу фонетико-грамматических и лексических признаков дореволюционных письменных памятников каракалпакского языка в сопоставлении с фактами современного каракалпакского литературного языка были посвящены работы Д.С.Насырова и Х.Хамизова.

Большим событием в культурной жизни каракалпакского народа явилось открытие в конце 1959 г. Каракалпакского филиала АН Узб.ССР. В связи с открытием Каракалпакского филиала в составе Ин-

ститута истории, языка и литературы были организованы секторы современного каракалпакского языка, словарей и терминологии, истории и диалектологии.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексян В.Х.* Армянское языкознание в советский период. — Ереван, 1981 (на арм. яз.).
- Ахмеров К.З.* Языкознание в Башкирии // Вопросы языкознания. 1953. № 3. С.156-159.
- Бачмут И.А., Русанівський В.М.* Рідне слово. Развитие мови й мовознавства в УРСР. — Київ, 1969.
- Барбаре Д.К.* Латвийское советское языкознание за 30 лет. — Рига, 1976.
- Боровков А.К.* Узбекское языковедение // 25 лет советской науки в Узбекистане. — Ташкент, 1942.
- В научном поиске: к 50-летию Института истории языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. — Уфа, 1982.
- Гаринов Т.М.* Башкирское языкознание за 50 лет // Наука в советской Башкирии за 50 лет. — Уфа, 1969. — С.532-546.
- Гуцул Л.А.* Молдавское советское языкознание. — Кишинев, 1975.
- Дешериев Ю.Д.* Языкознание в Каракалпакской АССР // Развитие младописьменных языков народов СССР. — М., 1958. — С.121-123.
- Дослідження за мовознавство в Українській РСР за сорок років. — Київ, 1957.
- Институт языка и литературы АН Эст. ССР: Структура и деятельность. — Таллин, 1970.
- Исследования по каракалпакскому языку. — Нукус, 1971.
- Кайдаров А.Т.* Основные вехи развития и достижения лингвистической мысли в Казахстане // Известия АН Каз. ССР. Серия филологическая. 1976. № 3.
- Кайдаров А.Т.* Основные вехи развития лингвистической мысли Казахстана за 60 лет // Известия АН Каз. ССР. Серия филологическая. 1977. № 1.
- Кельмаков В.К.* Удмуртское языкознание: краткий очерк. — Ижевск, 1990.
- Кенесбаев С.К., Кайдаров А.Т.* Казахское языкознание за 50 лет // Известия АН Каз. ССР. Серия общественная. 1972. № 5.
- Литванистика в СССР. Языкознание. Научно-реф. сб. Вып. 1-4. — Вильнюс, 1978-80.
- Максютова Н.Х.* Языкознание в Башкирии // Вопросы языкознания. 1967. № 5. С.141-143.
- Молдавская советская филология. — Кишинев, 1974 (на молд. яз.).
- Молдавское языкознание в советской печати. Сб. обзоров. — Кишинев, 1978.
- Овсеян Л.С.* Советское армянское языкознание за 60 лет. — Ереван, 1989 (на арм. яз.).
- Октябрьская революция и азербайджанское языкознание. — Баку, 1969 (на азерб. яз.).
- Развитие казахского советского языкознания. — Алма-Ата, 1980.
- Развиток мовознавства в УРСР (1967-1977). — Київ, 1980.
- Сартбаев К.К.* Языковедение в Киргизии: Краткий очерк. — Фрунзе, 1985.
- Ураксин З.Г.* Развитие башкирского языкознания за годы советской власти // Советская тюркология. 1972. № 2. С.35-102.
- Филологические исследования в Удмуртии. — Ижевск, 1977.
- Филологические науки в Украинской ССР. Сб. рефератов. Киев, 1990.
- Финно-угроведение в Мордовской ССР. — Саранск, 1970.
- Шукуров Ш., Базарова Д.Х.* Узбекское советское языкознание. — Ташкент, 1986.
- Юнусов А.* Становление и развитие таджикского языкознания (краткий очерк с приложением списка литературы). — Иффон, 1972 (на тадж. яз.).
- Языкознание в Молдавии. — Кишинев, 1988.
- Drotvinas V.* Lietuvių kalbos tyrinėjimų tarybiniais metais apvalge- Mokymo priemonė studentams. Vilnius, 1972 (на лит. яз.).
- Rudnickij J.B.* Ukrainian Linguistics in Exile (1918-1984) // Papers in the History of Linguistics. Vol. 38. — Amsterdam, 1987. — P.639-646.

Словари юмористических цитат и парадоксы межкультурного общения

© кандидат филологических наук М. М. Филиппова, 2000

В последнее время в методической литературе по преподаванию английского языка все больший упор делается на то, что усвоение языка без знания культуры недостаточно для эффективного общения, что необходимо прежде всего понимание культуры или хотя бы некоторых определенных ее элементов для того, чтобы состоялось полноценное общение, при котором его участники полностью понимают друг друга ('настроены на одну волну'). Как известно, юмор считается одним из наиболее трудных для понимания элементов национальной культуры. В данной работе автору хотелось бы сосредоточиться на иронии и сарказме как его важных составляющих¹, в частности:

– проанализировать понятия об иронии и сарказме у русских и у англичан. Поскольку понятия реализуются (материализуются) в словах, для этого необходимо изучить словарные определения, объяснения в справочниках, таких, например, как руководства по грамотному употреблению правильного английского языка, а также конкретные языковые примеры.

– описать исследуемый материал в целях наиболее исчерпывающего раскрытия сущности наблюдаемых явлений: понятий «ирония» и «сарказм» в английской и русской культуре.

– попытаться понять функционирование иронии и сарказма на конкретных примерах, взятых из практики межкультурного общения русских и англичан. Именно различия в понимании и восприятии этих двух языковых средств представителями двух разных культур и могут вызывать всяческие трудности.

– сравнить понятие «ирония» с понятием «сарказм» в английской и русской культурах, т.е. провести их внутриязыковое и межъязыковое сравнение.

– проанализировать разнообразные аспекты функционирования этих двух понятий, когда они используются в качестве языкового и стилистического средства: 1) их значение (семантика); 2) специфические свойства лексических единиц, используемых в качестве материала этими языковыми средствами; 3) контекстуальные связи иронических и саркастических высказываний; 4) особенности стилистического функционирования иронии и сарказма.

Общеизвестно, что сопоставление и противопоставление слов различных языков представляет собой сложную, подчас трудновыполнимую задачу: существование даже простейших понятий нельзя принимать а priori, и формулировать их возможно лишь после тщательного и кропотливого исследования.

Объяснение сложностей подобного рода, стоящих на пути желающих изучить английский язык, дано в работах С. Г. Тер-Минасовой². Одним из основных препятствий в эффективном овладении иностранным языком является расхождение в языковом мышлении, поскольку «картина мира», отраженная в языке, не совпадает у разных народов. Это проявляется в принципах категоризации действительности и, следовательно, получает выражение как в лексике, так и в грамматике.

С. Г. Тер-Минасова говорит о том, что слово нельзя рассматривать просто как «название» предмета или явления, определенного «кусочка» окружающей человека действительности. Этот «кусочек» действительности как бы «пропускается» через сознание человека и в процессе отражения приобретает некоторые специфические черты, свойственные данному национальному обществу. Разные народы находят различные пути от внеязыковой реальности к понятию и, далее, к словесному выражению. Эти различия обусловлены прежде всего различиями в условиях жизни этих народов, а также различиями в их общественном сознании. Поэтому, изучая иностранные слова, человек как бы извлекает кусочки мозаики из неизвестной ему еще картины и пытается совместить их с картиной мира, заданной ему родным языком.

Если бы название предмета или явления окружающего нас мира было простым, механическим фотографическим актом, в результате складывалась бы не «картина», а именно «фотография» мира. Эта «фотография» неизбежно оказалась бы одинаковой у разных народов и не зависела бы от особенностей их бытия и сознания. В результате получилась бы фантастическая ситуация (вероятная скорее в ситуации с роботами, чем с людьми), при которой изучение иностранных языков и перевод с языка на язык превратились бы в простой, механический процесс переключения с одного кода на другой. На самом же деле с каждым новым иностранным словом в сознание учащихся как бы «транспонируется» понятие из другого мира. Чаще всего именно это «транспонирование» и является тем камнем преткновения, который до сих пор представляет огромную проблему как для преподавателя, так и для изучающего иностранный язык. Именно недостаточное внимание к установлению важнейшего соотношения между родными и чужими «понятийными картинами мира» так обедняет словарь иностранцев, изучающих неродной язык.³ Таким образом, воссоздание понятийной картины мира,

присущей изучаемой культуре, является одной из самых важных задач преподавателей иностранного языка.

Много существенных соображений о взаимодействии культур и цивилизаций делает философ И. А. Василенко в своей книге «Диалог цивилизаций»⁴. В этой работе она рассуждает о таких предметах, как глобальный мир и искусство жизни в нем, о характерных для разных народов картинах мира, о человеке в символическом универсуме культуры, о социокультурной идентичности в политике, о понятии «другого» в пространстве политического диалога, о конфликте ценностей как гуманитарной проблеме, о философии цивилизованного партнерства и т.п. Размышляя над тем, что она называет «особой понимающей методологией – методологией интерпретации», и говоря о необходимости в диалоге цивилизаций не пытаться обозреть необозримое море фактов, а сосредоточиться на главном – попытаться интерпретировать ценностное социокультурное ядро других цивилизаций, где фокусируются все эти факты в виде социокультурной программы, И. А. Василенко справедливо замечает: «... пространство диалога цивилизаций в глобальном мире насыщено особыми «тонкими» видами социокультурных импульсов, интерпретировать которые, мобилизуя рациональные типы знания, практически невозможно: их источники скрыты в глубинах человеческого духа, в тайниках культуры...»⁵

Рассуждения о подходах к пониманию и познанию других культур в этой книге начинаются с описания парадоксальности проблемы интерпретации в диалоге цивилизаций: «Проблема интерпретации в диалоге цивилизаций может быть сформулирована в виде социокультурного парадокса: для человека политического понимать партнера *другой* культуры – значит переноситься в другое социокультурное измерение. Этот парадокс в свою очередь отсылает нас к еще более фундаментальным вопросам: каким образом способен человек осуществить процедуру понимания другого, сохраняя собственную социокультурную идентичность? И как политическая культура цивилизации, объективируясь, выявляет собственные знания, способные одновременно поддаваться интерпретации другими культурами?»⁶

Действительно, в процессе усвоения другой культуры человек сталкивается с парадоксами. То же можно сказать и об усвоении собственно языковых форм. Не случайно некоторые лингвисты называют омонимию и синонимию лексическими парадоксами, а фонетисты говорят об одном из тембров как о «парадоксальном». Сам контраст между языками и культурами часто воспринимается как парадоксальный, и это еще в лучшем случае. Известный специалист по английскому языку Д. Кристал описывает ситуацию, когда англичанин, впер-

вые начинающий изучение русского языка, сказал: «Как это в русском языке нет определенного артикля??? Но он же должен быть!»⁷ Можно предположить, что человек перестает воспринимать культурные и языковые контрасты как парадоксальные только после того, как полностью осваивается в новой для себя языковой среде.

В уже упоминавшейся работе И. А. Василенко, формулируя тезис о том, что культурные формы – суть символические, а значит, априорно нерациональные, и постулируя возможную плодотворность нерационального дискурса в глобальном мире, а также необходимость новой синтетической логики – логики взаимозависимого социокультурного партнерства в глобальном мире, подчеркивает:

«Только после того, как мы начнем изучать мир культуры как символический, а не предметный универсум, путь нерационального понимания будет окончательно признан как адекватный для культурного восприятия. Пребывая в символическом универсуме культуры, человек не может следовать строгим фактам и подчиняться объективным закономерностям: напротив, он погружен в лингвистические формы и художественные образы, мифические символы и религиозные ритуалы. “То, что мешает человеку и тревожит его, – говорил Эпиктет, – это не вещи, а его мнения о вещах.”⁸

Отмечая, что сам процесс образования понятий в культуре не подчиняется рациональным законам, и взяв в качестве примера непосредственного необъяснимого языкового факта то, как различные языки делят совокупность имен по родам – т.е. то, что рационально не объяснит ни один лингвист – И. А. Василенко определяет то, что следует понимать как понятия культуры: «Понятия культуры – это ценностные категории, в образовании которых участвуют и эстетическая фантазия, и эмоциональные оценки, и моральные запреты: в них значительно больше нерационального, чем рационального.»⁹ Далее она уточняет, что «процесс *понимания* ценностей другой культуры должен в определенном смысле воспроизвести, воссоздать этот нерациональный путь образования ценностных понятий культуры.»¹⁰ Это высказывание представляется столь верным, что трудно к нему что-либо добавить.

Ирония и сарказм в межкультурном общении.

В одной из своих лекций авторитетный английский специалист по межкультурному общению Барри Томалин рассказал о том, как провел мини-опрос среди англичан, живущих за границей, на предмет того, о чем они скучают, когда живут в какой-нибудь другой стране. Оказалось, что в списке вещей, без которых англичанам скучно жить, на пятом или

шестом месте после домашнего уюта, некоторых английских блюд, английской погоды и т.п. они поставили **сарказм**.

Кстати, сам Барри Томалин начал свою лекцию для русских преподавателей чем-то вроде: «Чему я, какой-то англичанин, у которого за спиной всего лишь Шекспир и Диккенс, могу научить вас, представителей великой русской культуры?»¹¹

Некоторые из присутствовавших на лекции преподавателей восприняли это вступление как выражение презрения к аудитории, ведь нельзя же говорить о «всего лишь Шекспире и Диккенсе» и о себе как о «каком-то англичанине» ('a mere Brit') всерьез. А если несерьезны эти фразы, то столь же несерьезно и обращение «вы, представители великой русской культуры». Представляется, что это высказывание можно считать весьма ярким примером английского сарказма, причем в данном случае сарказм не был выражен просодически (интонационно) или при помощи каких-либо других языковых средств, но воспринимается как таковой исключительно на основе смысловых связей высказывания.

В наше время, кажется, можно уже говорить о фольклорной традиции межкультурного общения русских и англичан, поскольку существует масса устных рассказов о проблемах понимания в таких ситуациях, анализ которых может помочь нам проникнуть в истину их возникновения.

Русская школьница, жившая (и учившаяся) год в Англии, вернувшись, стала объяснять своей преподавательнице английского языка «исконное» английское выражение *to be on a short leg*. Когда заинтригованная преподавательница призналась, что такого выражения не знает, и попросила девушку перевести его, та сказала: «Ну как же? Оно значит то же, что и по-русски – ‘быть на короткой ноге’. Меня этому научили естественные носители.»

Юмор данной ситуации заключается в том, что «быть на короткой ноге» – это фразеологическая единица, русская идиома, которая никак не может быть переведена на английский язык дословно. Эквивалентом могло бы быть выражение вроде 'to be on friendly terms (on a friendly footing) with somebody'. Если представить, что кто-то из англичан взял на себя труд выучить русскую идиому и стал обучать ей русскую девушку, то трудно не восхититься изощренности понятий о юморе (на взгляд носителя русской культуры) автора этой шутки. С другой стороны, теоретически допустимо, что подобное выражение является заимствованием – известны ведь случаи, когда в английский язык заимствовались жаргонные русские слова, еще даже не вполне принимаемые многими естественными носителями русского языка. К примеру, *to wet* – это, как

известно, калька с русского жаргонного словечка «замочить», столь популярного в последнее время.¹²

Примеры, подобные вышеприведенным, могут показаться банальными, обыденными и не очень существенными. В связи с этим хотелось бы привести цитату из уже упоминавшейся работы И. А. Василенко, ведь в ней рассматриваются социокультурные барьеры понимания в политическом диалоге, т. е. проблемы, подобные тем, которые интересуют нас:

«Аристотель в своей работе «О частях животных» комментирует известный эпизод из жизни Гераклита, который может послужить ключом к интерпретации фактов в герменевтическом исследовании. Он воспроизводит античную легенду, согласно которой чужеземцы пожела-ли встретиться с Гераклитом. Войдя в его жилище, они увидели Гераклита греющимся у духовки. Чужеземцы остановились в изумлении, разочарованные и растерянные: они предполагали застать великого человека, погруженного в глубокие раздумья о судьбах мира. Вместо этого они застали Гераклита в обыденном и неприглядном месте, у печи. Заметив разочарование на лицах чужеземцев, Гераклит произносит известные слова: «Боги присутствуют и здесь тоже».

Каждый исследователь, стремясь проникнуть в истину бытия *другой* политической культуры, не должен разочаровываться, сталкиваясь с самыми обыденными фактами и обстоятельствами, поступками и помыслами – здесь, в среде обыденного, тоже присутствуют Боги. Однако согласие процесса интерпретации с фактами – это скорее постановка проблемы, а не ее решение.»¹³

То, что сказано в данном отрывке про попытки проникнуть в истину бытия другой политической культуры, может с полным правом быть отнесено и к попыткам понять другое мышление, другой менталитет, другой язык. Обыденные высказывания и обыденные ситуации могут помочь нам многое постигнуть в изучаемой культуре и уменьшить риск неправильного понимания ее представителей.

Непонимание, недопонимание и неправильное понимание довольно часто встречаются в общении между людьми, принадлежащими к разным культурам, когда один из них говорит на родном языке, а для другого участника этот язык является иностранным. Понятно, что жизненный опыт, языковые привычки, стереотипы поведения и восприятия речи, традиционно передаваемые из поколения в поколение взгляды, система ценностей, отношение к тем или иным национальностям и носителям определенных культур и т. п. будут в значительной степени разными и вряд ли будут совпадать. Если можно так выразиться, языковая «этика» и, разумеется, языковой этикет у представителей разных

языков неизбежно разные. Часто оказывается, что восприятие иностранцем своей речи чуть ли не диаметрально противоположно тому, как воспринимают его речь естественные носители языка. Однако правила вежливости требуют соблюдать цивилизованные нормы поведения, и раздражение и прочие отрицательные эмоции находят выход в иронии и сарказме.

В идеале, контакты между представителями разных языков и культур могут быть полноценными только в том случае, если участники коммуникации в состоянии понять не только **прямое, непосредственное** содержание того, что они слышат от собеседника, но и воспринять **подразумеваемое** содержание. Если, как в вышеупомянутом случае со школьницей, такое понимание отсутствует, то у постороннего наблюдателя создается впечатление, что участники общения говорят один «про Фому», а другой – «про Ерему», или что один участник получает удовольствие за счет другого, высмеивая его в столь тонкой манере, что тот не в состоянии это понять и адекватно отреагировать.

В случае с иностранными учащимися, которые не очень хорошо владеют английским, шутки могут быть и не столь утонченными и безобидными, а скорее похожими на «лучшие» образцы «колониального» юмора.

Например, за обедом в английской школе для иностранных бизнесменов, на котором присутствовали студенты этой школы – представители деловых кругов Италии, Германии и других стран, а также студентка из Японии, хозяйка школы, сидящая рядом с японкой, сказала: ‘We once had a Japanoid...’ и тут же поправилась: ‘...a Japanese boy staying with us...’

Поскольку хозяйка мгновенно исправила свою ошибку, формально упрекнуть ее было не в чем – то, что она сказала, выглядело как типичная оговорка, обусловленная опережающим произнесением дифтонга [ɔi], содержащегося в слове *boy*. Однако каждому знающему суффикс *-oid* совершенно очевидно, что слова с этим суффиксом могут иметь резко отрицательное значение: *humanoid*, *Stalinoid*, *schizoid*, *paranoid*, *Mongoloid* и т.п. (хотя, конечно, есть и слова с нейтральным значением типа *asteroid*, *rhomboid*, *thyroid*). Интересно, однако, что выражение лица этой дамы в момент оговорки было милым и любезным.

Данная «шутка» выражена при помощи достаточно простого морфологического средства – замены одного суффикса на другой. Точно таким же образом можно создать массу «шутливых» наименований: наряду с «японоидом» можно использовать столь же ядовитое слово «англо-саксоид», например. Похожая и, к счастью, незлобная шутка получается по-русски присоединением «неположенного» суффикса,

например, в словах «французцы», «англичанцы» и т. п. Понятно, что в описанной шутке слово *Japanoid* несет отчетливо выраженный пренебрежительный оттенок значения, и насмешка получается злой и унижительной. Хотя Япония никогда не была колонией Англии, такого рода шутку можно с полным правом отнести к разряду «колониального» юмора.

В этой связи весьма любопытны всевозможные метаморфозы, которые происходят с некоторыми языковыми элементами в процессе словообразования. Каким образом, например, получилось так, что английский суффикс *-ese*, входящий в состав таких слов, как *Portuguese*, *Chinese*, *Vietnamese*, *Japanese* и т.д., совершенно нейтральный в названиях языков и национальностей (англичане, как хорошо известно, терпимо относятся ко всем расам, нациям и национальностям или, во всяком случае, постулируют такую терпимость), используется для придания отрицательных коннотаций таким словам и выражениям, как *art criticese*, *literary criticese*, *journalese*, *officialese*¹⁴ и т.п.?

Все очень любят цитировать Зигмунда Фрейда, который сказал в одной из своих работ: «Человек, который первым, вместо того, чтобы швырнуть камень в своего противника, бросил в него обидным словом, был родоначальником цивилизации». Безусловно, словесная и психологическая жестокость менее болезненны, чем жестокость физическая. Однако оказаться объектом такой языковой жестокости может также быть очень тяжело, если человек не обладает своего рода «иммунитетом» – психологической подготовленностью к словесной и языковой жестокости, к издевкам над теми ценностями, которые важны для него, к осмеиванию и вышучиванию его уязвимых мест (которых, как мы хорошо знаем, у каждого человека предостаточно – всем известно, что неуязвимых людей не бывает). Те естественные носители английского языка, которые пишут пособия по нему, создают разнообразные учебные материалы и т.п., разумеется, не могут себе позволить писать о негативных сторонах английской культуры, ибо это расценивалось бы как нелояльная антиреклама и критика существующего положения вещей. Поэтому изучающие английский язык и культуру, в основном, как правило, имеют представление о положительных сторонах жизни англоязычных стран и зачастую не представляют себе отрицательные стороны, например, пренебрежительное и насмешливое (а иногда и презрительное и ядовитое) отношение к другим национальностям. В этой связи задачей преподавателя английского языка является, по-видимому, подготовить учащихся к возможному шоку такого рода, сделать их менее уязвимыми, выработать как бы «иммунитет» против негативного воздействия таких насмешек, издевок и оскорблений.

Еще один яркий пример английского сарказма: моя приятельница по фамилии Фитцджеральд, ирландка по национальности (но зато получившая англо-саксонское воспитание и выросшая в Англии, как она сама любит говорить), рассказывала, что в годы войны ее отец, врач-радиолог (рентгенолог), уже тогда живший в Англии, был освобожден от военной службы (то ли потому, что был врачом, то ли потому, что имел ирландское гражданство – Ирландия, как известно, не принимала участия во второй мировой войне). Соседи-англичане, считавшие, по видимому, что очень непатриотично с его стороны не служить в армии в такое сложное для страны время, стали называть его **Фриц**джеральд. Судя по тому, что его дочь все еще вспоминала это прозвище по прошествии полувека со времени войны, можно догадаться, что оно было воспринято очень болезненно.

Как легко заметить, данная шутка создается фонетическими средствами, т.к. основана на частичном звуковом подобии распространенной приставки, характерной для ирландских имен, и немецкого имени Фриц. Здесь также существенно то, что англичане, как и русские, если хотят выразить немцу пренебрежительное отношение, обзовут его именно «фрицем».

В уже упомянутой школе для бизнесменов автору данной статьи пришлось выслушать еще одну националистическую шутку, на сей раз направленную против болгар.

Когда стало известно, что ожидается приезд еще одного студента – крупного чиновника из министерства внутренних дел Болгарии, та же самая хозяйка дома, высокообразованная женщина, получившая образование не только в одном из английских университетов, но также и обучавшаяся в некоторых европейских университетах, сказала: «Oh, Bulgarians... we call them Biggerarians – from 'bugger off'».

Данная шутка также построена на частичном звуковом подобии. Кроме того, остроту ей придает табуированность выражения, лежащего в ее основе. Конечно, в современном английском языке слово 'bugger' отнюдь не всегда, а может быть не так уж и часто употребляется в своем первоначальном значении – как обозначение мужчины, занимающегося запрещенной сексуальной практикой (а в современной просвещенной демократической Англии – представителя сексуальных меньшинств). В словаре Oxford Dictionary and Thesaurus¹⁵, например, в качестве пометы к слову «bugger» написано: coarse slang; usually considered a taboo word. Производное от него bugger off также продолжает оставаться ругательством, отмеченным в словарях аналогичным образом: coarse slang – «грубое жаргонное слово». Неудивительно, что фразовый глагол bugger off также отмечен в словаре как специфически британское ругательство,

означающее 'go away', иначе говоря, нечто типа русского «уматывай», «отвали», «вали отсюда», «проваливай». Некоторые источники утверждают, что это столь мягкое ругательство, что оно даже допустимо в аристократической компании. Тем не менее, когда являешься представителем одной из славянских наций, очень неприятно выслушивать такие презрительно-пренебрежительные замечания в адрес других славян. Для русского человека (как, впрочем, наверное, и для любого другого иностранца, оказавшегося в такой ситуации), сложность заключается в том, что сначала он инстинктивно реагирует на выражение лица собеседника, и, если оно дружелюбное, милое и вежливое, то возникает противоречивое впечатление¹⁶, так как для русской культуры, как представляется, типичным будет, что презрительные и пренебрежительные высказывания обычно сопровождаются соответствующей интонацией и выражением лица.¹⁷

Англичане любят придавать саркастическую, или на худой конец ироническую окраску самым разнообразным словам, понятиям и т.п. Как мы уже видели, бывает и так, что сарказм (который в случае этнического юмора является как бы «остаточным явлением» их имперских претензий) направлен на носителей других языков и культур.

Так, девушка, работавшая переводчицей с группой англичан, рассказывала, с каким энтузиазмом они восклицали: 'Oh, Russki, Russki!', когда ходили по московским улицам, на что русские, как правило, им отвечали: «Да-да, русский». Однако наивные и дружелюбные русские, не знавшие английского языка, не знали также (как не знала и их переводчица, которая узнала об этом только позже), что слово «Russki» употребляется как оскорбление и в словарях английского языка имеет помету *slang offens.*, что означает «оскорбительное жаргонное слово».

Любопытно, что эта история очень отчетливо показывает роль контекста в передаче смысла высказывания. Несмотря на то, что слово «Russki» является оскорблением в сознании естественных носителей английского языка и, безусловно, является таковым в англоязычном окружении, тем не менее в русскоязычных контекстах, для естественных носителей русского языка оно просто будет звучать как обычное, нейтральное, не нагруженное стилистически слово «русский», произнесенное с иностранным (в данном случае английским) акцентом. Таким образом, сколько бы тайно ни веселились эти англичане, считая, что им удалось поиздеваться над русскими, в русскоязычном окружении это слово не способно обидеть носителя русского языка (особенно такого, который с английским языком не знаком).

Эта ситуация также очень выпукло показывает те сложности ментального и когнитивного плана, которые возникают перед человеком,

изучающим язык и культуру другого народа. Как неоднократно подчеркивалось в многочисленных популярных психологических изданиях, имя человека – это самое важное для него слово. То же самое, наверное, можно сказать и о названии народа, национальности, как очень важном слове для людей этой национальности. Процесс идентификации с социокультурной общностью – на уровне социальной группы, государства, цивилизации (культуры) – в той или иной мере происходит в психике любого человека. Если при изучении иностранного языка задачей является научиться структурировать содержание мыслей таким же образом, как это делают естественные носители языка, то при переходе в другое социокультурное измерение человеку, владеющему двумя языками, приходится проделывать своего рода психологический (и ментальный) кульбит, когда одно и то же слово в родном языке является названием, которым человек гордится, а в иностранном языке – пренебрежительным и оскорбительным прозвищем, в котором сказывается имперская спесь и шовинистическая предвзятость англичан.

Кстати, слово *Rusky* (*Roosky*) – не единственная пренебрежительная кличка такого рода. Вспомним английские слова типа *Polack* (которое также изначально происходит от исконного польского слова, означающего человека этой национальности, т. е. имеет положительные коннотации в польском языке), *Jap* и *Nip*, которые употребляются в отношении японцев, *Fritz* – в отношении немцев. Фактически упоминание одного из таких слов вызывает цепочку ассоциаций со всей парадигмой: *Chink* говорится про китайцев, *kike* и *five-to-two* – про евреев, *Frog* и *Frenchy* – про французов, *Gurpo* – про египтян, *dago* – про таких иностранцев, как испанцы, португальцы и итальянцы, *masagoni* – про итальянцев, *bubble-and-squeak* – про греков и т.п.

Д. Кристал в своей популярной книге «Лингвистика»¹⁸ совершенно справедливо замечает, что Железный Занавес – это также и «семантический» занавес, и многие политические и философские термины (такие, как «свобода», «прогрессивный», «коммунистический», «демократический» и т.п.) имеют разные значения и разные коннотации в зависимости от того, по какую сторону занавеса они употребляются. Можно добавить, что, когда сняты идеологические запреты и вроде бы закончена холодная война, именно этот невидимый семантический «занавес» продолжает оставаться очень мощным препятствием на пути к полноценному общению и плодотворному взаимопониманию между представителями разных наций.

Моя приятельница из Великобритании, которая работает преподавателем русского языка, рассказывала, какие приемы мнемотехники она использует для того, чтобы начинающие изучать русский язык взрослые

студенты запомнили формулы вежливости в русском языке. Так, слово «спасибо» легче запомнить, если провести параллель между ним и английским словом placebo. Как известно, это слово имеет следующие значения: 1. Плацебо, безвредное лекарство, прописываемое для успокоения больного 2. Слова успокоения, лесть 3. церк. плацебо, «я буду угоден», первое песнопение заупокойной вечерни; to sing /to play (a) ~ раболепствовать, угодничать, быть приспособленцем (оппортунистом).

Студенты у той же преподавательницы запоминали слово «пожалуйста» по аналогии с выражением «push Alistair» (down the stairs, как предполагается), а слово «здравствуйте» им оказалось легче всего запомнить, если держать в уме фразу «Does your arse fit ye?», произнесенную скороговоркой. (Автор приносит извинения за ненормативную лексику, но из песни, как говорится, слова не выкинешь.)

Любопытно, что в первых двух шутках возникают смысловые связи между русской фразой и параллельной ей английской звуковой оболочкой; следует отметить, что если в первом случае в результате звуковой аналогии мы получаем невинную шутку, во втором шутка уже достаточно неприятная, а в третьем возникает, как кажется, законное сомнение в том, что какому-либо здравомыслящему человеку захочется учить язык, приветствие в котором звучит таким, мягко говоря, странным образом. Представляется, что такую шутку можно назвать скверной, вульгарной и наглой в своей циничности, может быть казарменной или площадной вследствие своей неприличности. И она, конечно же, оскорбительна для русского языка.

В связи со всем описанным задача исследователя английской культуры состоит в том, чтобы попытаться выяснить все возможные нюансы какого-либо ее аспекта; скажем, в данном случае задачей является попробовать воссоздать стереотипное отношение к иностранцу (или стереотипные представления о русском человеке, так как эта тема нам, естественно, безразлична), которое существует в сознании носителя английского языка. Ведь не секрет, что в массовом сознании существуют стереотипные представления о разных национальностях, и мы сами зачастую веселимся над тем, как выпукло в них бывают схвачены типичные характеристики той или иной нации. Следовательно, задача исследователя состоит в том, чтобы как можно более точно воссоздать этот стереотип, а задача изучающего язык будет состоять в том, чтобы понять его и осознать как факт реальности.

Важные и мудрые замечания по этому поводу сделал Марвин Минский в одном из примечаний к своей статье «Остроумие и логика когнитивного бессознательного»¹⁹, в которой он, в частности, объясняет роль фреймов, т.е. структур знаний, которые представляют собой паке-

ты информации (хранимые в памяти или создаваемые в ней по мере надобности из содержащихся в памяти компонентов), которые обеспечивают адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций: «Я считаю, что *этнический юмор*, представляющий, бесспорно, большую социобиологическую ошибку, тоже связан с механизмом фреймов. Почему в таком ходу шутки, в которых высмеиваются представители других национальностей? Распространенное объяснение этого явления гласит, что шутки подобного рода есть не что иное, как способ проявления агрессивности. Все это, без сомнения, верно, однако можно предложить и более содержательное объяснение. В работе²⁰ я показал, что *слушающему трудно понять рассказ о каком-то человеке, если у него отсутствует нужный фрейм человека, то есть определенный стереотип*. Вместе с тем если слушающему не нужно выбирать фрейм, то вся коммуникативная ситуация для него существенно упрощается. Итак, слепой фанатизм может возникнуть произвольно – как побочный эффект отмеченного обстоятельства. Например, когда рассказывают шутку о человеческой глупости, то с точки зрения психики удобно свести услышанное к некоторому стереотипу – желательному чужому, иностранному, – с тем, чтобы избежать конфликта с окружающим миром. И конечно, подобно снежному кому, этот стереотип может начать обрастать всё новыми и новыми небылицами. Постепенно у людей стираются следы «юмористического» происхождения подобных структур. Борьба с предубеждениями очень трудно, если не понимать важности (и значения) стереотипов в повседневном мышлении.»

Словари юмористических цитат: цитируемость как показатель популярности некоторых иронических и саркастических высказываний.

В данной части ставится задача проследить то, как английские словари юмористических цитат отражают представления о русских, типичные для массового сознания британцев.

В самом начале следует упомянуть, что англоговорящие читатели имеют доступ к совершенно особым справочным источникам следующего типа: Словарь современных юмористических цитат издательства «Пингвин»²¹, Национальная энциклопедия пасквильно-памфлетного юмора²², Словарь названий и прозвищ²³, словарь Гиннеса «Наиболее ядовитые цитаты»²⁴, «Засучив рукава. Словарь женского юмора и остроумия»²⁵, «Словарь оскорбительных высказываний»²⁶ и т.п. Когда обращаешься к словарям юмористических цитат, прежде всего возникает естественное желание полюбопытствовать, какие юмористические цитаты насчет русских являются наиболее популярными у носителей англий-

ского языка. Следует отметить, что такое исследование навряд ли окажется приятным, так как предыдущий опыт показывает, что в разнообразных источниках встречаются не самые лестные упоминания о русских.

Изучить содержание словарей юмористических цитат, относящихся к России и русским, кажется очень интересным хотя бы для того, чтобы взглянуть на свою культуру со стороны, глазами других. Читая такие цитаты, наверное, необходимо быть готовым к ситуации, в которой потребуется применить популярную мудрость типа «На зеркало неча пенять...» Тем не менее, даже укрепив свой дух мудрыми высказываниями такого рода, трудно бывает иногда не поразиться предвзятости понятий о русских, выражаемых в некоторых цитатах.

Сразу вспоминаются многочисленные негативные высказывания о русских. Например, в романе Пола Бейли «Плач Гавриила»²⁷ есть весьма эксцентричный герой – мистер Тиверли, старый капитан, который помнит битвы при Трафальгаре и Ватерлоо и живет в огромном доме на Вэлклез Сквэр, т. е. продолжает жить в Ист-Энде уже после того, как этот район был заселен беднотой, а богатые купцы и капитаны торговых судов давно переехали в другие районы Лондона, такие, как Спитлфилдс и Вощинг. Раз в день мистер Тиверли выходит на прогулку по площади, на которой стоит его дом, и, прогуливаясь, рассматривает своих новых соседей в лорнет, не задумываясь над тем, что именно он сам выглядит весьма странно в своем фраке и парчовом жилете, который он сшил себе еще во времена Уильяма IV. Иногда он надевает цилиндр из чесаного черного фетра, а когда бывает невыносимо холодно, он надевает пальто с накидкой – единственный современный предмет его гардероба. Мистер Тиверли с его эксцентричным поведением, можно сказать, выражает стереотипные британские представления о других национальностях, по поводу которых он высказывается. Например, возвратившись после очередной прогулки, он говорит: ‘There are inebriated Russian bears abroad. I have returned earlier than usual in fear and trembling.’²⁸ (По улицам бродят пьяные русские медведи. Я вернулся раньше обычного в страхе и трепете.)

Массу примеров такого же рода дает юмористическая книга о русских, написанная Элизабет Робертс, из очень популярной в Великобритании серии книг «Руководство для ксенофоба»²⁹. Она начинается следующим образом:

«Национализм и самобытность.
То, как они видят самих себя.

Отношение русских к самим себе выражено в одной из их многочисленных лаконичных, простецких пословиц: "Может быть, моя страна – это вонючая навозная куча, но это моя навозная куча."

Хотя они уже давно отчаялись в том, что у них хоть что-то получится как надо, русские твердо верят в то, что их нации суждено спасти мир. Это никак не связано с революцией. Они верят в это с тех самых пор, как еще в XVI веке монах Филофей описал Москву как "третий Рим, а четвертого не будет."³⁰

Если изучить подобные популярные юмористические высказывания о русских, то среди прочего, в частности, можно получить представление о всем ассортименте расхожих, зачастую шовинистических представлений о русских в сочетании с полнейшим пренебрежением к их обычаям, культуре, языку.

Прежде чем цитировать словари юмористических цитат, следует сказать несколько слов о принципах их составления. Хотя на первый взгляд, если судить просто по приведенным выше названиям словарей, может показаться, что можно разделить их на две группы, представляющие, с одной стороны, менее, а с другой – более ядовитый юмор, на самом же деле, сравнивая их содержание, обнаруживаешь, что они состоят из похожих материалов, и зачастую одни и те же цитаты кочуют из одного словаря в другой. Например, знаменитая фраза Уинстона Черчилля, произнесенная накануне Великой Отечественной войны, приводится и в словарях юмористических цитат, и в давно уже считающемся классическим справочным пособием Оксфордском словаре цитат³¹:

«Я не могу предсказать вам действия России. Это загадка, облеченная мраком неизвестности, и все это внутри тайны.»

(Уинстон Черчилль, Би-Би-Си, 1939)³²

Невозможно не обратить внимание на то, что эта фраза произнесена в начале Второй мировой войны, в которой, как нам теперь уже хорошо известно, России предстояло сыграть решающую роль в обуздании фашизма и победе над ним. Наверное, не случайно в высказывании У. Черчилля звучит уважение к загадочности России и отказ от построения прогнозов относительно ее поведения.

Так же, как эта знаменитая цитата из У. Черчилля, из одного юмористического словаря в другой кочует высказывание Рональда Рейгана:

«Советский Союз останется однопартийной страной даже в том случае, если будет разрешена оппозиционная партия – потому что все вступят в эту партию.»

(Рональд Рейган, «Обзервер», 1982)³³

Хотя сегодняшняя российская реальность опровергает какую-либо долю истинности этой шутки, ее неактуальность, по-видимому, переве-

шивается эффектностью выраженной в ней мысли, и это объясняет ее присутствие в словарях цитат.

Встречаются шутки, берущие свое начало в современном российском фольклоре и явно позаимствованные из современных российских сборников анекдотов:

1. В Соединенных Штатах у вас свобода слова. Вы можете подойти к Рональду Рейгану и сказать: «Мне не нравится Рональд Рейган.» В Советском Союзе все точно так же. Вы можете подойти к Черненко и сказать: «Мне не нравится Рональд Рейган.» (Яков Смирнов, русский эмигрантский комик, процитировано в журнале «Ньюсвик», 1984)³⁴

2. «Вопрос: Что такое российское струнное трио?

Ответ: Российский струнный квартет, который вернулся с гастролей на Западе.» (Дэвид Стил, процитировано в «Обзервере», 1984)³⁵

Иногда цитируются по-настоящему оригинальные и забавные высказывания, основанные на парадоксах, как, например, следующие:

«В России они обращались со мной как с царем – а вы знаете, как они обошлись с царем.» (Боб Хоуп)³⁶

«Россия – это страна, которая хоронит свои напасти. Произнесенная вами критика – это ваша надгробная надпись. Вы просто высказываетесь, и после этого вы – конченный человек.» (Уил Роджерс)³⁷

Вместе с тем встречаются также и откровенно злобные, ядовитые высказывания, основанные на явном передергивании фактов, одностороннем выпячивании какого-нибудь недостатка и преувеличенно отрицательной оценке существующего положения вещей. В них звучит тотальное пренебрежение, презрение и ненависть. Бывает не совсем понятно, что в них есть юмористического. Такие высказывания, скорее всего, и способствуют созданию шовинистических представлений о русских:

«Расовые характеристики: звероподобные, кряжистые, мужиковатые толстые тупицы в картонных двубортных костюмах. Подхалимствующие прислужники, обслуживающие маниакальные замыслы своих кровожадных красных повелителей. Они делают велосипеды из цемента и могут быть сосланы в Сибирь за то, что слушают не те радиопередачи.» (П. Дж. О'Рурк, «Иностранцы по всему миру», 1976)³⁸

«Ни в России, ни в Дартмурской тюрьме нет безработных – и все по одной и той же причине.» (Филип Сноуден, политик-лейборист, 1932)³⁹

Печально, что в качестве юмористических цитат фигурируют и откровенно неприязненные высказывания весьма уважаемых в России наших зарубежных соотечественников:

«Идеи в современной России – это обработанные машиной глыбы, которые производятся в однотонных цветах; нюансы объявлены вне закона; промежутки заделаны стеной; кривые грубо усилены.» (В. Набоков. Бледный огонь, 1962)⁴⁰

Зачастую бывает непонятно, в чем состоит юмористичность таких высказываний. Возможно, именно такие цитаты можно назвать саркастическими. К этой же категории принадлежит, например, следующая история:

О героях

Прием, оказанный первому человеку в космосе, Юрию Гагарину, когда он прибыл в Лондон, намного превзошел все ожидания. Огромные толпы собирались, чтобы увидеть этого космонавта, и вся столица прославляла его подвиг. Однако премьер-министра Гарольда Макмиллана совершенно не тронул прием, оказанный этому русскому.

«Было бы в два раза хуже, если бы они прислали собаку», – сказал он.⁴¹

Данная ремарка столь ядовита, что не совсем ясно, в чей адрес Гарольд Макмиллан высказал больше презрения: в адрес Гагарина или английской публики.

Встречаются высказывания, в которых звучит ирония и мягкий, ненавязчивый юмор:

«Хилари: Одно из преимуществ жизни в России – то, что это одно из немногих мест, где курение не приводит к раку легких. По крайней мере, представители властей не говорят про это, поэтому следует сделать предположение, что к раку оно не приводит.» (Алан Беннет. Страна в прошлом, 1978).⁴²

Некоторые цитаты, несмотря на то, что они принадлежат к «легкому» жанру (если судить по тому, в какой словарь они включены), содержат весьма глубокие мысли:

«Россия – единственная страна в мире, по которой можно скучать в то самое время, как вы все еще в ней находитесь.» (Джон Апдайк⁴³)

Иногда встречаются довольно меткие и точные наблюдения, которые забавны, потому что позволяют взглянуть на знакомые вещи под новым углом зрения:

«Россия меня пугает – люди в автобусах столь серьезны, что смотрятся так, как если бы им предстоял электрический стул.»⁴⁴ (Мухаммед Али)

В других высказываниях явно проявляются ошибочные представления о России их авторов:

«Я думаю, единственное преимущество их формы правления – это то, что при ней нет надписей на стенах.»⁴⁵ (Джон Линдсей)

Любопытно, что многие из цитируемых высказываний принадлежат авторам, личность которых зачастую незнакома русскоязычному читателю. В таких случаях бывает необходима биографическая справка. Так, например, вышеупомянутый Джон Влит Линдсей (р. 1921) – это американский политический деятель, мэр Нью-Йорка в 1965 – 1973 годах. По-видимому, Джона Линдсея как руководителя городского хозяйства беспокоила проблема надписей на стенах, и у него было идеалистическое представление о том, что, когда правят коммунисты, таких надписей не бывает.

Критикуя другие нации и другие страны, можно быть сколь угодно суровым в своих суждениях, поскольку обсуждения выраженных критических мнений с оппонентом все равно не будет:

1. «Кремль как младенец – у него на одном конце аппетит, а на другом никакого чувства ответственности.»⁴⁶ (Р. Рейган)

2. «Иметь дело с Россией – все равно, что пытаться договориться с ослом. Ты можешь говорить с ним, говорить и говорить, но остерегайся, чтобы он тебя не лягнул.»⁴⁷ (Алекс Уайли)

Печально, что среди всех эти высказываний встречаются резко отрицательные высказывания известных интеллектуалов:

«Развал, а не революция.»⁴⁸ (Д. Г. Лоуренс)

Если вышеприведенная цитата может быть объяснена и понята, то следующее очень суровое и тотально огульное суждение заставляет глубоко задуматься:

«Возможно, самая скучная страна в истории народов.» (Норман Мейлер⁴⁹)

Интересно, что для объяснения статуса нескольких разных политических деятелей в «Словаре наиболее ядовитых цитат Гиннеса» употреблено одно и тоже слово – «премьер», как бы обозначающее главное должностное лицо страны:

1. Про Михаила Горбачева:

«У этого человека симпатичная улыбка, но у него железные зубы.» (Андрей Громько, 1985)⁵⁰

2. Про Никиту Хрущева:

«Пустомеля с поросычьими глазками.»⁵⁰ (Фрэнк Л. Хаули)

3. Про Николая (!!!) Ленина:

«Самой большой бедой русских было рождение Ленина; второй по величине бедой была его смерть.»⁵⁰ (Уинстон Черчилль)

4. Иосиф Сталин:
«Чингис-Хан с телефоном.»⁵⁰

Представляется, что и то, что составители словаря не потрудились уточнить имя Ленина, так и то, что все эти государственные деятели без разбору названы премьерами, отражает, в сущности, пренебрежительное безразличие, с которым составители словаря относятся к ним. Цитата из Черчилля, по-видимому, показывает желание щегольнуть красным словом и действительно звучит очень эффектно. Высказывание Громыко о Горбачеве неизвестно русскому читателю, и это, возможно, закономерно, потому что данная характеристика кажется поразительно неуместной и несущественной.

Среди юмористических цитат фигурирует, например, и такая:

«Ленин был интриганом, дезорганизатором и эксплуататором российской отсталости.»⁵¹ (Лев Троцкий)

Как видим, многие «юмористические» высказывания такого рода – это в значительной мере либо продукт предубежденности и самодовольного невежества, либо результат предвзятого, однобокого взгляда людей, события и страну. При чтении таких высказываний создается очень сильное впечатление идеологической тенденциозности.

Размышляя над интерпретацией значительной части подобного юмора, трудно не вспомнить карикатуру в популярной книге по психологии «Families and How to Survive them», написанной известным британским семейным психотерапевтом Робинот Скиннером в соавторстве со знаменитым британским же комическим актером Джоном Клизом. На этой карикатуре изображен человек, которого бьют по голове и который произносит нечто глубокомысленное вроде: «Что бы это могло значить? Дайте подумать... Может быть, враждебность?» Представляется, что во многих процитированных высказываниях мы точно так же имеем дело с проявлениями «может быть, враждебности».

Совершенно справедливо отмечает И. А. Василенко: «...наметившийся дисбаланс между политическими правами и обязанностями человека в мире грозит достичь катастрофических значений. В условиях, когда все члены мирового сообщества склонны рассуждать о своих правах и никто не торопится брать на себя обязанности, мир на глазах превращается в «войну всех против всех», где торжествует политика сильных и бесцеремонных.»

В ситуации, когда проявляется такая «может быть, враждебность», здравый смысл и жизненный опыт подскажут нам, что никакие объемы знаний о языке, культуре, национальной специфике и прочем не помогут снять эту враждебность, наоборот: чем лучше человек знает язык, тем лучше он понимает насмешки, издевки, колкости и т.п., в которых она

проявляется и тем легче его уязвить и сделать ему больно. Здесь сказывается еще один парадокс межкультурного общения: для того, чтобы понять другую культуру, нужно быть открытым по отношению к ней; но когда человек открыт, он уязвим. А знания и умения, которые могут оказаться более полезными в такой ситуации – это скорее психологические навыки и умения, помогающие справляться с враждебностью и словесной агрессией.

Конечно, специалисты по этнической и кросс-культурной психологии давно уже признали универсальность самого явления аутигрупповой враждебности (враждебности по отношению к внешней группе) в любом межгрупповом взаимодействии. Известно, что главная цель такой враждебности – поддержание сплоченности ингруппы (т.е. группы, к которой индивид себя причисляет). Любопытно также, что источник межгрупповой враждебности или сотрудничества был найден не в индивидуальных мотивационных факторах, а в характеристиках самого межгруппового взаимодействия.

В заключение уместно предоставить слово уже неоднократно процитированной И. А. Василенко, которая пытается в своей работе найти ответ на вопрос о том, как избежать столкновения цивилизаций:

«...политическая герменевтика призвана использовать достижения современной этнологии и культурологии, которые уже добились определенных достижений на пути обретения синтеза ценностной аутентичности с политической эффективностью. Необходимо отвергнуть примитивный европоцентризм, имеющий обыкновение третировать все западные политические культуры как варварство, окончательно разоблачить его гегемонистскую установку на выстраивание одномерной «лестницы мировых культур», где Западу безусловно принадлежит лидирующее место.»

Если приведенные высказывания, шутки и остроты являются типичными образчиками отношения англичан к другим нациям, то придется очень сильно усомниться в том, что можно надеяться на ответное дружелюбие объектов такого остроумия.

Примечания

1. Для того, чтобы не отвлекаться от основной линии рассуждений, примем как данное то, что ирония и сарказм – это более частные понятия, которые входят в понятие юмора, являющееся более широким и емким. Автор, однако, отдает себе отчет в том, что при более пристальном рассмотрении (например, анализируя соответствующие словарные статьи в русских и английских толковых словарях) можно обнаружить серьезные расхождения между объемом понятийного материала, содержащегося в английском слове *humour* и русском слове «юмор». Достаточно, например, посмотреть на такой синонимический ряд, как *wit, irony, satire, sarcasm, repartee*. Иначе гово-

- ря, нужно, по-видимому, провести еще одно исследование, чтобы подтвердить данное высказывание квалифицированно и профессионально.
2. См., например: С. Г. Тер-Минасова. Синтагматика речи: онтология и эвристика. М., Изд-во МГУ, 1980; Она же. Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков. М., 1986.
 3. Глубокое рассмотрение данной проблемы дается в книге Б. А. Самадова «Словарный состав современного английского языка: вопросы онтологии и эвристики». М., Высшая школа, 1996.
 4. И. А. Василенко. Диалог цивилизаций: социокультурные проблемы политического партнерства. — М.: Эдиториал УРСС, 1999.
 5. Там же, стр. 9.
 6. Там же, стр. 10.
 7. ‘...and when they find that the language does *not* have the same structure as English, reactions range from incredulity to contempt. ‘No definite article in Russian?’, I remember hearing one student say at a beginner’s evening class – but it must have!’ What this student would have said had he been learning a language with only one tense, or with no prepositions, I shudder to think!’ – D. Crystal. *Linguistics*. Penguin Books, Harmondsworth, 1977, p. 21.
 8. И. А. Василенко. Там же, стр. 12.
 9. Там же, стр. 11.
 10. Там же, стр. 13.
 11. ‘What can I, a mere Brit, with just Shakespeare and Dickens behind me, teach you, representatives of the great Russian culture?’
 12. ‘To increase the gobbledegook factor, American English has ‘**terminate** (or **eliminate**, or – more euphemistic still – **dismiss**) **with extreme prejudice**’, 1970s – CIA-speak for ‘murder’. The KGB’s contribution to this vocabulary, which began to find its way into English in the 1970s, is **wet**: *a wet job, wet affair, or wet operation* is a political assassination, and *to get wet* is to be killed.’ – John Ayto. *Euphemisms. Over 3,000 ways to avoid being rude or giving offence*. Bloomsbury Publishing Limited, Ldn, 1994, p. 249.
 13. И. А. Василенко. Диалог цивилизаций: социокультурные проблемы политического партнерства, стр. 34.
 14. Хотя это и прискорбно, однако приходится констатировать, что этот суффикс был заимствован и в русский язык, причем для тех же целей – например, для придания уничижительно-пренебрежительных коннотаций, скажем, такому слову, как «китайцы».
 15. *The Oxford Dictionary and Thesaurus*. Edited by Sara Tulloch. OUP, 1996.
 16. Испытав на себе такие неприятные ситуации, начинаешь лучше понимать, что подразумевает следующая мораль старинной ирландской сказки:
«В старину говорили: Трех вещей опасайся: копыт лошади, рогов быка и улыбки англичанина.» Сказки народов мира. М., «Детская литература», 1985, стр. 371.
 17. Этот вопрос, безусловно, требует более тщательного рассмотрения, прежде чем можно будет говорить об этом совершенно определенно – вполне может быть, что в определенных кругах считается как бы «высшим пилотажем» общения, когда человек способен выражением лица, позой и другими невербальными средствами сигнализировать дружелюбие, а словесно, при помощи языка сигнализировать враждебность, презрение, ненависть и другие отрицательные эмоции. Понятно, однако, что такого рода соревнование, ведущееся по принципу «кто кого презрительнее и пренебрежительнее обзовет и сильнее оскорбит», не может иметь никакого конструктивного исхода, кроме удовлетворения своих низменных побуждений теми, кто придумывает такие шутки.
 18. D. Crystal. *Op. cit.*, стр. 15.

19. М. Минский. Остроумие и логика когнитивного бессознательного. *Перев. с англ. М. А. Дмитровской.* // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. Составление, редакция и вступительная статья В. В. Петрова и В. И. Герасимова, М., «ПРОГРЕСС», 1988.
20. Minsky, Marvin. A Framework for Representing Knowledge. (M. I. T., Artificial Intelligence Laboratory, AI Memo 306). Cambridge, Mass., June 1974 [Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.]
21. The Penguin Dictionary of Modern Humorous Quotations compiled by Fred Metcalf, Bungay, Suffolk, 1987.
22. The National Lampoon Encyclopedia of Humour, London, 1983.
23. A Dictionary of Names and Nicknames compiled by Laurence Urdang, Oxford, 1991.
24. The Guinness Dictionary of More Poisonous Quotes. Compiled by Colin Jarman. Enfield, Middlesex, 1992.
25. Hammer and Tongues. A Dictionary of Women's Wit and Humour. Compiled by Michele Brown and Ann O'Connor. London, 1988.
26. The Dictionary of Insults. London, 1995.
27. Paul Bailey. Gabriel's Lament. Penguin Books, Bungay, Suffolk, 1987.
28. Там же, стр. 36.
29. Elizabeth Roberts. The Xenophobe's Guide to the Russians. Ravette Books, Ldn, 1993.
30. Там же, стр. 5: **Nationalism and Identity**

How They See Themselves

The Russian attitude to themselves is summed up in one of their many pithy, earthy proverbs: 'My country may be a smelly dungheap – but it's my smelly dungheap.'

Although they despair of anything ever turning out right, the Russians firmly believe that, as a nation, they are destined to save the world. This is nothing whatever to do with the Revolution. This is something they have believed since the 16th century monk, Filofei, described Moscow as 'the third Rome, and there will be no fourth'.

31. The Oxford Dictionary of Quotations. Third edition. Oxford University Press, 1979.
32. Там же, стр. 149. 'I cannot forecast to you the action of Russia. It is a riddle wrapped in a mystery inside an enigma.'
33. The Penguin Dictionary of Modern Humorous Quotations, стр. 222. 'The Soviet Union would remain a one-party nation even if an opposition party were permitted – because everyone would join that party.'
34. Там же, стр. 222. 'In the United States you have freedom of speech. You can go up to Ronald Reagan and say, «I don't like Ronald Reagan». In the Soviet Union you have the same thing. You can go up to Chernenko and say, «I don't like Ronald Reagan.»'
Yakov Smirnoff, Russian emigré comedian, quoted in *Newsweek*, 1984.
35. Там же, стр. 222. 'Q: What is a Russian string trio?
A: A Russian string quartet that has returned from the West.'
David Steel, quoted in the *Observer*, 1984.
36. Там же, стр. 222. 'In Russia they treated me like a Czar – and you know how they treated the Czar.'
Bob Hope.
37. The Guinness Dictionary of More Poisonous Quotes, стр. 217. 'Russia is a country that buries its troubles. Your criticism is your epitaph. You simply say your say, and then you are through.'
Will Rogers.
38. The Penguin Dictionary of Modern Humorous Quotations, стр. 222. '*Racial characteristics*: brutish, dumpy, boorish lard-bags in cardboard double-breasted suits. Lickspittle slaveys to the maniacal schemes of their blood-lusting Red overlords. They make bicycles out of cement and can be sent to Siberia for listening to the wrong radio station.'
P. J. O'Rourke, 'Foreigners around the World', *National Lampoon*, 1976.

39. Там же, стр. 222. 'There are no unemployed either in Russia or in Dartmoor jail, and for the same reason.' Philip Snowden, Labour politician, 1932.
40. Там же, стр. 222. 'Ideas in modern Russia are machine-cut blocks coming in solid colours; the nuance is outlawed, the interval walled up, the curve grossly stepped.' Vladimir Nabokov, *Pale Fire*, 1962.
41. The Dictionary of Insults, стр. 142. 'About Heroes:
The reception given to the first man in space, Yuri Gagarin, when he arrived in London far exceeded anything that had been anticipated. Huge crowds turned out to see the cosmonaut and the whole capital celebrated his feat. However, the Prime Minister, Harold Macmillan, was totally unmoved by the Russian's reception: "It would have been twice as bad if they had sent the dog," he said.
42. The Penguin Dictionary of Modern Humorous Quotations, стр. 221. 'Hilary: One of the advantages of living in Russia is that it's one of the few places where smoking doesn't cause cancer. At least the authorities don't say it does, so one must presume it doesn't.'
43. The Guinness Dictionary of More Poisonous Quotes, стр. 217. 'Russia is the only country of the world you can be homesick for while you are still in it.'
44. Там же, стр. 217. 'Russia scares me – the people on the buses are so serious they look like they are going to the electric chair.'
45. Там же, стр. 195. 'I think the only advantage of their form of government is that it stops graffiti.'
46. Там же, стр. 196. 'The Kremlin is like a baby – it has an appetite one end and no sense of responsibility at the other.'
47. Там же, стр. 196. 'Dealing with Russia is like handling a jackass. You can talk to him and talk to him, but watch out he don't kick you.'
48. Там же, стр. 217. 'A collapse, not a revolution.'
49. Там же, стр. 217. 'Probably the most boring country in the history of nations.' Norman Mailer (1968).
50. Там же, стр. 196.
1. Mikhail Gorbachev – Premier. 'This man has a nice smile, but he's got iron teeth.'
Andrey Gromyko (1985)
 2. Nikita Krushchev – Premier. 'A pig-eyed bag of wind.'
Frank L. Howley
 3. Nikolai Lenin – Premier. 'The Russians' worst misfortune was Lenin's birth; their next worse, his death.'
Sir Winston Churchill.
 4. Joseph Stalin – Premier. 'Genghis Khan with a telephone.'
Anon.
51. Там же, стр. 196. 'Lenin was an intriguer, a disorganiser and an exploiter of Russian backwardness.'

Л и т е р а т у р а

1. О. В. Александрова. Проблемы экспрессивного синтаксиса (на материале английского языка). М., 1984.
2. О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
3. И. А. Василенко. Диалог цивилизаций. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
4. И. В. Гюббенет. К проблеме понимания литературно-художественного текста (на английском материале). М., 1981.
5. М. В. Давыдов, Е. В. Яковлева. Основы филологического чтения. М., 1997.

6. *В. Я. Задорнова*. Восприятие и интерпретация художественного текста. М., 1984
7. *А. А. Изотова*. Обыгрывание английских фразеологических единиц в речи. М.: Московский лицей, 1994.
8. *Т. А. Колова*. История, филология и культура (книга для чтения на английском языке). М., 1997.
9. *А. Лингарт*. Основы лингвопоэтики. М., Диалог-МГУ, 1999. – 166 с.
10. *М. Минский*. Остроумие и логика когнитивного бессознательного. Перевод с англ. М. А. Дмитриевской. В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., Прогресс, 1988.
11. *Пронн*. Проблемы комизма и смеха. М., Лабиринт, 1999.
12. *С. Г. Тер-Минасова*. Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков. М., 1986.
13. *З. Фрейд*. Остроумие и его отношение к бессознательному. Перевод Я. Когана. В кн.: *З. Фрейд*. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Перевод с нем. Кн. 2. Тбилиси, «Мерани», 1991.
14. *Brown*. Principles of Language Learning and Teaching. Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey, 1980.
15. *M. V. Davydov, Y. V. Yakovleva*. Prosodic Images in English Speech. М., 1999.
16. *Lado*. Linguistics across Cultures. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1957.
17. *S. Ter-Minasova*. The Sociocultural Content of Language Units and English Language Teaching. In: Folia Anglistica. 1998, No.1. Semantics, Pragmatics and Semiotics. М., 1998.
18. *S. Ter-Minasova*. Language, Linguistics and Life. М., 1996.

Устаревшие чешские этикетные формы обращения в побудительном высказывании

© кандидат филологических наук А. И. Изотов, 2000

В чешском языке, наряду с фамильярным обращением к собеседнику «на ты» (tykáni) и вежливым обращением «на вы» (vykáni), существует также устаревшее разговорное обращение «на они» (onikáni) и разговорное фамильярно-покровительственное обращение «на он» (onkáni). А поскольку в рамках любой этикетной формы общения, будь то «тыканье», «выканье», «ониканье» или «онканье», должна предполагаться возможность обратиться к собеседнику с побуждением, данное явление безусловно имеет право быть рассмотренным в рамках описания средств и способов экспликации данной коммуникативной функции.

«Ониканье»

«Ониканье» обязано своим возникновением существовавшему когда-то чешско-немецкому двуязычию и представляет собой вежливое обращение к собеседнику формой, совпадающей с презентно-футуральной формой 3 лица мн. числа индикатива. Войдя в чешское речепотребление в XVIII веке, «ониканье», в качестве очевидного германизма, весьма не приветствовалось деятелями чешского национального возрождения¹, так что начиная уже с первых десятилетий XIX века сфера его употребления ограничивается некодифицированной речью, ср. некоторые примеры из чешских классиков: *Šourková se při tomto připomenutí trochu zakabonila: „A jdou, ani mi nevzpomínají! Starej se mi na svůj svátek natáh <...>.“* (К. Н. Mácha. Martin Žemla); *Vstávaji, pane redaktor, / nelekají se, / jdeme v noci, nejsme však zlodeji, / jenom komise.* (К. Havlíček Borovský. Tyrolské elegie); *„No, tedy nám povědí, jak to bude a kdo všechno tam bude?“*

¹ Сопоставив прикладные грамматики чешского языка XVIII века, можно наблюдать, как «ониканье» вытеснило непрямую адресацию, контаминированную с «онканьем», а потом было само вытеснено «выканьем»: *Dobreg den můg Pane / gak se má?* (Jandyt, 1705) → *Dobry den, můg Pane, gak se magj?* (Pelcl, 1775) → *Dey Pán Bůh dobrý den, gak se máte?* (Pelcl 1795; 1798). Начиная с 1810 года «ониканье» исчезает со сцены, тогда как ранее оно было одинаково обычным как для переводных, так и для оригинальных пьес. Многие деятели чешского национального возрождения (vlastenci), вначале письменно «оникавшие», ближе к рубежу XVIII-XIX веков в письмах, адресованных своим единомышленникам, заменяют «ониканье» «выканьем», но по прежнему «оникают» в своей прочей корреспонденции. Наблюдения и примеры *Betsch M. Zur Entwicklung des Systems der Anredepronomen in Tschechischen 1700-1850 // Beiträge der Europäischen Linguistik (POLYSLAV) 1 / Giger M., Wiemer B. (Hrsg.). München, 1998. S. 37-44.*

vyzvíдалa paní Klepandová (B. Němcová. Kávová společnost); „*Tak si ji jdou koupit do Pražského deníku!*“ *odsekla baba a přidala několik jaderných hrubostí a nadávek.* (L. Stroupežnický. Pták z říše bájí); „*Líbějí přece vylézt, pane domácí; vždyť je tam plno neřesti,*“ *pobízel ho starostivý Würfel.* (S. Čech. Nový epochální výlet pana Broučka tentokrát do patnáctého století); *Človče, hodějí se do civilu!* (I. Olbracht. Kariéra Eduarda Žáka); *Ale taky nikomu nic neříkají ... ani muk!* (J. John. Holínky dědy Pejšáka); „*Policejní ředitel, váš šéf, jest mým strýcem!*“ *A ukazuje na nešťastného pana Markupa, zvolal: „Odvedou ho!“* (J. Hašek. Perzekuce nové strany kruhy vládními); *Ale řeknou mně, kam moh jít, když neměl na těle ani kšandu!?* (K. Čapek. Zmizení herce Bendy).

Современные чешские авторы могут насыщать «ониканьем» речь персонажей тех своих произведений, действие которых происходит в прошлом — в XIX-начале XX века (либо в абстрактном прошлом мира волшебной сказки). Так, Ё. Марек использует «ониканье» в романе «Мой дядя Одиссей» и в сборнике «Паноптикум старых криминальных историй», Я. Копш — в «криминальной хронике старой Праги», авторы журнала «Дикобраз» — в миниатюрах «из жизни старых пражан», И. Брдечка и О. Липски — в фильме «Адела еще не ужинала» о пражских приключениях американского супердетектива Ника Картера, Я. Дрда — в литературных «Чешских сказках», ср. например: [*извозчик приежжему:*] *Tak si sednou a povědí mi, já jich dovezu jako v peřince.* (J. Marek. Můj strýc Odysseus); *Pane Šmídmajer, oni mi tu zdržujou moje lidi, a já je potřebuju jinde! Už toho nechaj a jdem!* (J. Marek. Panoptikum starých kriminálních příběhů); *Pamatujou si, paní Vejmelková, že jsem ještě nikdy nikomu nic špatného neřekla a neřeknu.* (Dikobraz); *Tak jdou, jdou, pane čerchtant, nic se neosteňchají, vemou si se mnou krapítek májové houbovky!* (J. Drda. Zapomenutý čert);

«Ониканье» нередко сопровождается и лексическими германизмами (в том числе отсутствующими в литературном языке), ср. следующий пример, просто избыточный ими (нем. *putzen* — ‘чистить’, *das Gewehr* — ‘винтовка’, *der Gefreute* — ‘ефрейтор’, *der Lauf* — ‘ствол’): *Tohle že je vypisovanéj kver? Nestyděj se? A to chtějí být frajtrej? <...>. Dám jim lauf protáhnout, zatím počkaj!* (Nájemník 1910, č. 5)

Эти германизмы могут быть даже графически не освоены (нем. *die Münze* — ‘1. монета. 2. монетный двор’ -*werk* — суффикс с собирательным значением, ср.: *Tak Karpíšek, kde mají ten svůj münzwerk? Nic nezapírají, všechno se ví do puntíku!* (J. Korpš. Pražské pitavaly).

В качестве явного германизма обращение «на они» могло интерпретироваться как более официальное. Так, «оникает», обращаясь к уважаемому клиенту, трактирщик («Nový epochální výlet pana Broučka

tentokrát do patnáctého století» С. Чеха), от смущения начинает «оникать» старый крестьянин, оказавшись перед английским королем («Klapzubova jedenáctka» Э. Басса). «Оникать» может безработный, обращаясь к фабриканту (кинофильм Hej Rup), или школьный сторож, говоря с пожилым учителем (кинофильм Cesta do hlubin študákovy duše). Поначалу «оникает» незнакомцу (но уже на второй день начинает «тыкать») бабка Плайзнерка из литературной сказки Яна Дрды «Zapomenutý čert».

Показательно, что «ониканье» может восприниматься как более официальное не только по отношению к «тыканью», но и по отношению к «выканью». Об этом могут свидетельствовать следующие два примера, в которых Говорящий «оникает», отдавая распоряжение непосредственному подчиненному, и «выкает», обращаясь к иному лицу, ср.: *Strážmistr, zřetelně pohnut pohledem na dobrodušnou Švejkovu tvář, dodal: „A nevzpomínejte [«выканье»] na mne ve zlém. Vezmou [«ониканье»] ho, pane závodčí, tady mají bericht“.* (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka); *O vás [«выканье» — А. И.] půjde bericht k soudu,“ stručně řekl rytmistr; „pane strážmistr, zavřou [«ониканье»] oba muže, ráno je přivedou [«ониканье»] a pošlou [«ониканье»] mně do bytu“.* (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka).

Еще более показателен в этом плане следующий пример, в котором «ониканьем» сменяется «тыканье», когда один рядовой начинает проводить со своим товарищем воинские упражнения, ср.: *Ted' budeš dělat [«тыканье»] pohyby těla na místě. Rechts um! Člověče! Voni jsou [«ониканье»] kráva! Jejich [«ониканье»] rohy mají se octnout tam kde měli [«ониканье»] dřív pravý rameno. Herstellt! Rechts um! Links um!* (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka).

Впрочем, речь идет о едва намеченной тенденции и никак не о закономерности, поскольку в абсолютном большинстве случаев «ониканье» и «выканье» романе Я. Гашека находятся в свободном варьировании, ср. некоторые из многочисленных примеров их совмещения: *„Nechte si [«выканье»] své učenosti,“ přerušil ho desátník, „a jdou [«ониканье»] raději zamést cimru, dneska je na nich [«ониканье»]“;* *„Polibte [«выканье»] ještě, bábo, křížifix,“ poroučel strážmistr, když Pejzlerka za ukrutného vzlykotu odprísáhla a pokřížovala se zbožně. „Tak a ted' zas odnesou [«ониканье»] křížifix, odkud si ho vypůjčili [«ониканье»], a řeknou [«ониканье»], že jsem ho potřeboval k výslechu!“.*

Малая представленность «ониканья» в художественных текстах объясняется, на наш взгляд, тем обстоятельством, что тогда, когда данное явление было живо в речи носителей чешского языка (период чешско-немецкого двуязычия), оно не допускалось в печатный текст как нелите-

ратурное и даже «непатриотическое», а когда право авторов печатать все, что они считают нужным, было признано, «ониканье» уже ушло в прошлое. Единственное художественное произведение, содержащее «ониканье» просто в изобилии — «Похождения бравого солдата Швейка...» Я. Гашека, шокировавшее современников своим языком (в послесловии к первой части романа Я. Гашек специально предупреждает читателей, что в дальнейших главах «...и солдаты, и штатские будут говорить и поступать так, как они поступают в действительности.» — цит. по русск. переводу П. Богатырева). Ср. некоторые из полутора сотен примеров побудительного «ониканья» в романе: *Švejk, oblékou se a půjdou k vyslechu!*; *Lezou ven a nežvanějí!*; *Moc se nám tady neroztahujou!*; *Nelekají se, pane feldkurát!*; *Pane Herolde, jsou tak laskav, hrajou durcha a neblbnou!*

Интересно, что для «ониканья» характерны в целом те же способы оформления побуждения, что и для «выканья» или «тыканья». Так, наряду с рассмотренными выше конструкциями, которые, являясь основным средством экспликации побуждения в рамках «ониканья», коррелируют тем самым с императивными конструкциями 2 лица — основным средством выражения побуждения в рамках «выканья» и «тыканья», в нашем материале представлены следующие средства и способы экспликации побуждения:

Перформативные конструкции

Выражаемое в рамках «ониканья» перформативное побуждение теоретически будет отличаться от стандартного (т.е. выражаемого в рамках «выканья» или «тыканья») лишь формой обозначающего адресата побуждения местоимения, ср. неоконченное: *Milostpane, proboha jich prosím*, “*ozvalo se žalostně z kuchyně, ale Švejk již končil svou válečnou píseň.*” (J. Hašek. *Osudy dobrého vojáka Švejka*).

Следующий пример демонстрирует усложнение эксплицитной перформативной формулы: Говорящий не равен Прескриптору, ср.: *Pane kantýnskej, pan cuksfír Bartoš nechá se poroučet a prosí, aby mu poslali dvě športky, večer prý je zaplatí.* (Nájemník 1910, č. 5).

Отметим, что *prosím vás* закономерно трансформируется в *prosím jich* и тогда, когда речь идет о его переходе в полифункциональную частицу со сложной семантикой, ср.: *Švejcárková pokynula rukou, jako by chtěla říci: „Inu, prosímich, to jináč nejde!“*, а *ubírala se zvolna dále.* (K. H. Mácha. *Martin Žemla*); *Prosimich, s dovolením, kam to půjdem?* (J. John. *Oščádalův kufírek*).

Аналитические конструкции с *at'*

Как известно, в рамках «выканья» и «тыканья» аналитические конструкции *at'* + 2 *лицо индикатива* в современном чешском речепотреблении выражают эмоционально окрашенное категорическое побуждение. Так же и в рамках «ониканья» персонаж Я. Гашека обращается к конструкции с *at'*, когда «обычное» ониканье не помогло (при этом, естественно, конструкция *at'* + 2 *лицо индикатива* трансформируется в конструкцию *at'* + 3 *лицо индикатива*), ср.: „**Poslouchají, bábo,**“ *řekl strážmistr k Pejzlerce, přísně se jí dívaje do obličeje, „seženou někde krucifix na podstavci a přinesou ho sem.“ Na tázavý pohled Pejzlerky zařval strážmistr: „Koukají, at' už jsou tady!“* (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka).

Аналитические формы с *račit, hledět, koukat, líbit se*

В рамках «ониканья» возможны и аналитические императивные конструкции с *račit, hledět, koukat, líbit se*, ср.: „**Račej odpustit, pane inšpektor,**“ *řekl nejistým hlasem, „já to udělat musel“.* (J. Marek. Panoptikum starých kriminálních příběhů); *Tak ani tam nechodějí, jdou raději na Radomyšl, ale hledějí tam přijít k večeři, to jsou všichni četníci v hospodě.* (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka); *Panímámo, nelibějí se zlobit, ale tadyhle posílá rukama starostovejma Sejnohova žena holínky a mají hned vrátit dvacet zlatech — jinak řek starosta, aby žalovala.* (J. John. Holínky dědy Pejšáka); **Koukaj vypadnout!** (фильм Adéla ještě nevečeřela).

Конструкции с «фатизированными» формами

Так же, как и в рамках «тыканья» или «выканья», в рамках «ониканья» императивные формы некоторых глаголов, в частности, глаголов *poslouchat* ‘слушать, подслушивать, слушаться’ и *vědět* ‘знать’, находясь в начале высказывания, могут частично утрачивать свое лексическое значение и начинают функционировать как своего рода сигнал, предваряющий особо важную, по мнению говорящего, информацию, ср.: **Kouknou, pane šéf, jestli chtějí pro mě něco udělat, dají mně na večeři.** (кинофильм Hej Rup); **Poslouchají, já už mám před penzí, ale jsem rád, že jsem ještě na konci zažil takovou náhodu, jakou bych si nikdy ani neuměl představit.** (J. Marek. Panoptikum starých kriminálních příběhů); „**Vědí co, dám tedy zlatý padesát,**“ *nabízel písař.* (L. Stroupežnický. Pták z říše báji).

Конструкции с кондиционалом

Так же, как и в рамках «выканья» или «тыканья», в рамках «ониканья» побуждение может быть эксплицировано конструкцией с кондиционалом, при этом речь может идти о конструкциях как с отрицанием, так и без него, ср.: [*коррумпированный полицейский — сообщнику:*]

Vědí, i kdybysme je vzali na pár hodin hop, ježíšmarjá, **ne aby se dali zaleknout a otvírali zobák**. (I. Olbracht. Kariéra Eduarda Žáka); „Penze je krásná věc, **aby věděli**,“ řekl potom a napsal recept. (J. Marek. Panoptikum starých kriminálních příběhů).

Конструкции с модальными глаголами

Так же, как и в рамках «выканья» или «тыканья», в рамках ониканья побуждение может выражаться тематизацией необходимости или возможности каузируемого действия, что в чешском языке осуществляется прежде всего с помощью конструкций с модальными глаголами *muset* ‘быть должным, обязанным’, *moci* ‘мочь’, *smět* ‘сметь’, *mít* ‘иметь’ с отрицанием и без него, ср. некоторые примеры из романа Я. Гашека: „Dobrá,“ řekl Švejk, „to mně **musejí dát písemně, aby se vědělo** <...>, kdo mně to udělal; **Nemusejí se bát** vlézt do nich; „Pane rechnerfeldvébl,“ hlásil mu Švejk, „**mají hned jít k magacínu, tam už čeká Fuchs s 10 maníky, budou se fasovat konzervy. Mají běžet laufšrit. Pan lajtnant dvakrát už telefonoval**“; Do Brucku nás vezou, jestli chtějí, pane obrfeldkurát, **můžou ject s námi; No nesmějí tak rychle, to musejí hodně pomalu**.

Тематизация полезности / неполезности

Так же, как и в рамках «выканья» или «тыканья», в рамках «ониканья» побуждение может эксплицироваться тематизацией *полезности* для адресата каузируемого действия (семантическая интерпретация побуждения: *совет*) либо тематизацией негативных последствий осуществляемого или же планируемого адресатом действия, т. е. тематизацией его *неполезности* (семантическая интерпретация: предостережение), ср. примеры из романа Я. Гашека: **Nejlepší udělají, když půjdou s námi ke zdejšímu faráři, aby nám vrátil erární majetek**; „Pane majore,“ budil ho Švejk, „**poslušně hlásím, že dostanou vši**“.

«Онканье»

«Онканье»³, состоящее в использовании при обращении к собеседнику формы, совпадающей с претеритной или (реже) презентно-футуральной формой 3-го лица ед. числа индикатива, выражает снисходительно-покровительственное отношение к собеседнику. В отличие от «ониканья», «онканье» не маркируется в сознании носителей языка как

² В нашем материале представлено и немодальное употребление глагола *mít* ‘иметь’ в рамках «ониканья», ср.: „**Nemají strachu, pane závodčí,**“ řekl Švejk, „**uděláme nejlepší, když se k sobě přivážem. Tak se nemůžem jeden druhýmu ztratit. Mají s sebou železka?**“ (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka).

³ Или «онакание», если собеседник женского пола.

относящийся к ушедшей эпохе грамматический германизм⁴. Невысокая употребительность «онканья» может быть обусловлена, на наш взгляд, спецификой его семантики («онканье» более жестко, чем «тыканье» или «выканье»), предполагает определенное соотношение социальных ролей говорящего и адресата), а также его некодифицированностью (последнее обстоятельство становится особенно важным в эпоху массовой коммуникации, когда резко усиливаются процессы, ведущие к унификации и стандартизации языкового пространства). Тем не менее мы можем обнаружить «онканье» в речи персонажей художественных произведений, при этом можно выделить два типа случаев:

Во-первых, «онканье» может встречаться в текстах, созданных тогда, когда данное явление было еще достаточно употребительным, ср.: [*хозяйка — служанке:*] *Nemohla jít k jinému, ona hloupá? <...> No, teda šla k němu, řekla, že se nechám uctivě poroučet, aby měl ještě do prvního strpení, že se s ním spořádám.* (В. Němcová. Kávová společnost); [*хозяин — служанке:*] *Zuzanko, voda je nejzdravější nápoj, zůstala vždy při vodě, bude zdráva a šťastna.* (В. Němcová. Babička); [*посетительница — прохожему:*] *Hezoune, šel si zafilipínkovat.* (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka); „*Nic si z toho nedělal,*“ *těší ho kyprá dáma, až se ožení, pak dá matematice vale.* (K. Poláček. Hostinec u kamenného stolu); *Když se po vyzkoušení studentů vypsaných na jeden den vrátil nahoru do kanceláře, předal sešit paní sekretářce s pokynem: „Přepsala to do epické šíře!“* (P. Bartůňek. Smích z poslucháren).

Во-вторых, к «онканью» обращаются и авторы современные⁵ — речь идет о средстве стилизации. Так, оформленная «онканьем» фраза появляется в фильме К. Стеклого о бравом солдате Швейке (в тексте романа Я. Гашека, положенного в основу сюжета сценария, этой фразы нет!) и в историческом фильме «Пекарь императора», ср.: [*генеральская вдова — слуге:*] *Johan, on musel sofort na korpuskomando;* [*Рудольф II — придворному:*] *Langui, šel sem!*

В качестве стилистического средства использует «онканье» (наряду с «ониканьем») И. Марек, ср.: [*барышня из ресторана — молодому ге-*

⁴ Дело не в том, является ли данное явление германизмом или нет (скорее всего, является, во всяком случае оно явным образом соотносится с принятым некогда в германоязычных странах этикетным способом обращения в 3 лице единственного числа к лицу, стоящему существенно ниже на социальной лестнице, например, обращение дворянина — к слуге, офицера — к денщику и т.п.), а в том, *воспринимается* ли оно в качестве такового в глазах людей, имеющих определенное представление о *современном* немецком языке и не знающих особенно много о его истории, т. е. в глазах среднего чеха.

⁵ В этой связи нам кажется весьма показательным то обстоятельство, что «ониканье» и «онканье», традиционно игнорируемые в научных грамматиках чешского языка, наконец-то нашли отражение в новом труде брненских авторов [Příruční mluvnické češtiny 1996: 595].

рою:] **Kouknul**, chlapečku, **on je** slušnej mužskej, **šel se mnou**, dáme si na pokoji ještě šampus na jejich účet. (J. Marek. Můj strýc Odysseus).

О том, что речь идет о живом, пусть и малоупотребительном языковом средстве, свидетельствует и использование «онканья» в современных художественных переводах на чешский язык, ср. следующий фрагмент, в котором вежливое «выканье» временно сменяется фамильярным «онканьем», когда возникает потребность утихомирить собеседника:

„**Nevzrušujte se** [«выканье»]. *Vím o té záležitosti víc, než si myslíte. A domnívám se, že vám můžu pomoci. Vím, kde ho hledat.*“

Nahnul se přes bar.

„*Kde?*“

„**Pustil** tu košili, *kámo*,“ *řekl jsem potichu a ukázal mu obušek, „jinak se ocít jak dlouhej tak širokej na chodníku a poldům řeknu, že se mu udělalo šoufl.“* [«онканье»]

Pustil mě.

„*Promiňte. Ale řekněte mi, kde je. A taky mi řekněte, jak je možný, že o tom tolik víte.*“

„*Všechno má svůj čas. Jak víte* [«выканье»], *existují kartotéky: v nemocnicích, v sirotčincích, v ordinacích...*“ (R. A. Heinlein; překl. J. Hlavička).

Суммируя изложенное, следует констатировать, что «ониканье» и «онканье», уже долгое время являясь грамматическим архаизмом, проявляют удивительную стабильность, продолжая активно использоваться в произведениях художественной литературы и кинематографе в качестве яркого стилистического средства.

Цитированные литературные источники

- Bartůněk P.* Smích z poslucháren. Praha: Magnet-Press, 1991. 110 s.
Bass E. Klapzubova jedenáctka. Praha: Státní nakladatelství dětské knihy, 1963. 116 s.
Bourali jsme vesele c. k. mocnářství zpuchřele: anekdoty, humoresky a satiry z konce rakousko-uherské říše [J. Mahen, I. Olbracht, F. Dobrovolný, E. Bass, J. John, J. Hausmann, J. Hašek, časopisy Anekdoty a humoresky, časopisy Karikatury, Kopřivy, Hanácké kopřivy, Nájemník, Rašple et al.]. Praha: Melantrich, 1978. 191 s.
Čech S. Výlety pana Broučka. Praha: Melantrich, 1952. 312 s.
Drda J. České pohádky. Praha: ČS, 1965. 272 s.
Hašek J. Osudy dobrého vojáka Švejka. Praha: KLHU, 1955. Dd. I-II. 435 s.; Dd. III-IV. 309 s.
Havlíček Borovský K. Vojna s hloupostí a zlobou. Praha: MF, 1981. 304 s.
Heinlein R. A. Všechny tvé stíny / Přeložil J. Hlavička // Od Heinleina po Aldisse. Cesta k science fiction. Praha: AFSF, 1994. S. 33-47.
Kopř J. Pražské pitavalý: Soudní příběhy ze staré Prahy. Praha: ROAD Praha, 1992. 224 s.
Mácha K. H. Básně a dramatické zlomky. Praha: Státní nakladatelství krásné literatury, hudby a umění, 1959. 478 s.
Marek J. Můj strýc Odysseus. Praha: MF, 1979. 276 s.

- Marek J.* Panoptikum starých kriminálních příběhů. Praha: MF, 1968. 252 s.
- Němcová B.* Babička. Praha: Odeon, 1981. 255 s.
- Výbor z literatury české XIX. a XX. století [J. Kollar, F. L. Čelakovský, K. H. Mácha, J. K. Tyl, J. V. Frič, K. Havlíček Borovský, K. J. Erben, B. Němcová, J. Neruda, V. Hálek, J. V. Sládek, J. Vrchlický, A. Jirásek, S. Čech et al.]. Moskva: Nakladatelství cizojazyčné literatury, 1958. 768 s.
- Zlatá kniha historických příběhů [V. K. Klicpera, Jan z Hvězdy, J. K. Tyl, P. Chocholoušek, A. V. Šmilovský, A. Jirásek, Z. Winter, V. B. Třebízský]. Praha: Albatros, 1975. 344 s.
- Žeň českého humoru [F. E. Rubeš, J. Neruda, S. Čech, L. Stroupežnický, I. Olbracht, J. John, R. Těsnohlídek, J. Drda et al.]. Praha: Práce, 1952. 268 s.

Ассоциативные интеркультурные лакуны в переводном тексте (на материале переводов с корейского)

© кандидат филологический наук *Е. Н. Филимонова, 2000*

Значительные трудности для понимания средневековых текстов переводов с корейского представляют возникающие в переводе лакуны культурного фонда, “определенного комплекса знаний, характеризуемого уровнем и интенсивностью сциентизации данного социума, некоторый кругозор в области национальной и мировой культуры, сведения о прошлом своего народа и т.п., которыми обладает “средний” (типичный) носитель той или иной лингвокультурной общности” (Сорокин, Марковина 1989, 42).

В результате несовпадения культурных фондов носителей различных общностей (в нашем случае корейской и русской) возникают лакуны различной глубины.

Общеизвестно, что собственные имена исторических деятелей, поэтов, писателей, художников и т. д. составляют значительную часть культурного фонда любой культуры.

Имена собственные являются неотъемлемой частью корейских средневековых произведений. Следует отметить, что в культурном фонде корейской общности широко представлен культурный фонд Китая (например, антропонимы **Джугэ Лян, Янгуйби, Ван Сиджи** и мн. др.). Причем имена китайских императоров, военачальников, поэтов, их жен, наложниц и т. д. составляют основную часть всех хранящихся в культурном фонде корейской нации имен. Однако для русскоязычного читателя эти имена являются “знаками чужой культуры”, становятся ассоциативными интеркультурными лакунами (термин Ю. А. Сорокина и И. Ю. Марковиной. – см. Сорокин, Марковина 1989, 43).

Имена собственные в корейских средневековых произведениях – это большей частью компоненты крылатых выражений, устойчивых сравнений, имена популярных китайских и корейских исторических лиц, литературных и мифических персонажей общеизвестных книг и т. д. При переводе художественных текстов эта часть культурного фонда становится так называемым камнем преткновения для русскоязычного читателя, который затрудняет адекватное восприятие текста. Практически все эти имена являются именами-символами, именами-ярлыками (термин С. Влахова и В. Флорина. – см. Влахов, Флорин 1986, 290).

Ср. “Я пока еще плохо знаю людей, но уверена, что человек с внешностью **Пань Юэ** способен на такие же подвиги, что **Хань Синь** или **Фу Би**, а обладающий талантом **Ли Бо** и **Ду Фу** должен любить так же сильно, как **Сыма Сян-жу** и **Чжо Вэнь-цзюнь**” (“Сон в нефритовом павильоне” 1982, 44).

Присутствие в контексте произведения таких имен, как **Пань Юэ**, **Хань Синь**, **Фу Би**, **Ли Бо**, **Ду Фу**, **Сыма Сян-жу** и **Чжао Вэнь-цзюнь**, сигнализирует о таких качествах и свойствах личности, как красота (**Пань Юэ** – китайский поэт (243-300 гг.), отличавшийся необыкновенной красотой); преданность, верность долгу (**Хань Синь** – ближайший сподвижник ханьского Гао-цзу (206-197 гг. до н. э.), победивший его главного соперника Сян Юя и оказавший другие неоценимые услуги; **Фу Би** (1004–1083 гг.) – деятель эпохи Сун, несколько раз был первым министром, вел переговоры с киданями); поэтический талант (**Ли Бо** (701–752 гг.) – самый прославленный из китайских поэтов, прозванный “небожителем, сосланным на землю”; **Ду Фу** (712–770 гг.) – один из величайших поэтов Китая); верность в любви (**Сыма Сян-жу** (179–118 гг. до н. э.) – видный поэт эпохи Хань. В литературе часто упоминается романтическая история любви дочери вельможи **Чжао Вэнь-цзюнь** (II в. до н. э.) и талантливого бедняка **Сыма Сян-жу**, ставшего потом знаменитым).

Для русскоязычного читателя эти имена остаются “за кадром”, они асемантически. В русском узусе носители этих качеств и свойств не ассоциируются с этими китайскими именами. Следовательно, данные имена существуют в русских переводах с корейского как не обладающие никакой специфической значимостью. Здесь происходит, по выражению Ю. А. Сорокина, “нивелирование”: имена, обладающие “свойством сигнализировать некоторый набор качеств, тем самым, значимостью и различимостью, не отличаются в тексте от имен, не обладающих значимостью и различимостью для русского читателя” (Сорокин, 1972, 143). Эти антропонимы, коррелированные с некоторыми культурно-историческими фактами и “являющиеся средством воссоздания культурно-исторического фона” (Сорокин, там же), составляют, как правило, специфическую группу в произведениях корейской литературы.

Русскоязычному читателю требуется развернутое пояснение, порой в форме микротекста, так как в большинстве своем имена этих исторических лиц, как уже подчеркивалось, ничего им не говорят.

Антропонимы **Джугэ Лян** и **Ли Сун Син**, присутствие которых в текстах произведений сигнализирует о таких свойствах личности, как мудрость, предусмотрительность, находчивость, смелость. Но если не возникает проблемы значимости этих имен как образца мудрости, пре-

дусмотрительности, находчивости и смелости для носителя корейского языка, то для русскоязычного читателя такая значимость остается весьма проблематичной. В русском узусе носитель таких качеств не ассоциируется с именами **Джугэ Ляна** и **Ли Сун Сина**.

Главный министр государства Шу в период Троецарствия **Чжугэ Лян** (181–234), государственная мудрость, дальновидность, хитроумие которого вошли во фразеологизм *джэгаллян гатта* (букв. “мудрый как **Джугэ Лян**). Он был военным стратегом и дипломатом. Следует отметить, что практически во всех корейских средневековых произведениях, переведенных на русский язык, упоминается его имя, описываются эпизоды из его жизни (напр., “Сон в нефритовом павильоне” 1982, 298; “Сказания о госпоже Пак” 1960, 503; “Верная Чхун Хян” 1990, 76 и мн. др.). Иногда подробная информация о том или ином событии из жизни великого полководца содержится в тексте произведения, а в послетекстовых комментариях дается лишь краткая справка об интересующей нас исторической личности, а зачастую наоборот, в тексте произведения есть лишь намек на какое-то историческое событие, связанное с данной исторической личностью, а в послетекстовых комментариях приводится подробное разъяснение по этому поводу.

В корейских поэтических и прозаических произведениях чаще других встречается имя корейского адмирала **Ли Сун Сина**, изобретателя первых в Восточной Азии бронированных судов **кобуксон** (корабль-черепаша). В нескольких блестящих сражениях он наголову разбил превосходящий численностью японский флот, отрезав оккупационные войска от их баз в Японии. В произведениях корейских авторов информация о корейском адмирале **Ли Сун Сине**, как правило, заложена в тексте произведений.

“Мальчик и дед своей верой сильны. // Буря, греми! Сломить ты бессильна // потомков героя имдинской войны – // генерала великого **Ли Сун Сина**, // победителя самурайского десанта, // дерзнувшего взять остров Хансандо...” (“Девушка у моря” 1961, 33); “Счастлива земля, где полководцем // Был в ту пору храбрый **Ли Сун Син**, // Тот, чью доблесть громко прославляют // Сто колен корейского народа, // Тот, который спас от самураев // Государство прадедов моих” (Пак Ин Но 1962, 15).

Информацию о знаменитом **Ли Сун Сине** некоторые авторы вкладывают в уста своих героев.

“– Ты помнишь, папа, скалу на сопке Мангенбон, на которой ты любил сидеть? – Ну? – Я до той скалы добирался. Заберусь туда, усядусь и вспоминаю твой рассказ о “корабле-черепаше”. – Значит, ты, сынок,

вспоминал флотоводца **Ли Сун Сина**, который разбил японцев? – Да. – Это хорошо, что ты не забываешь папиных слов” (“Мангендэ” 1981, 6).

К ассоциативным лакунам следует отнести и имена популярных героев корейских литературных произведений, встречающиеся в текстах переводов с корейского и оригинальных текстах. И. В. Томашева относит их к эмотивным лакунам культурного фонда. Подобные лакуны возникают при переводе высказываний, в которых употребляются герои других произведений, выражающие эмоцию или вызывающие эмоционально-оценочные ассоциации (см. об этом Томашева 1998, 99). Среди них имя **Чхун Хян** – известной героини корейской “Повести о верной Чхун Хян, не имевшей себе равных ни прежде, ни теперь”. Значимость этого имени для корейского читателя не вызывает сомнений. **Чхун Хян** – персонаж, вызывающий ассоциации “стойкости, чистоты, верности в любви”.

“You look as pretty as **Choon-hyang** on a spring day waiting for her lover!” – she would declare” (Mia Yun 1998, 12); “Но Чхоль Сам все мялся, никак не решаясь начать. Наконец он проговорил: – Пришла **Чхун Хян**. – Какая **Чхун Хян**? – Ну, хватит притворяться, что у тебя несколько **Чхун Хян**. Прибыла Ким Сун” (“Судьба охранника” 1978, 65).

Однако имя **Чхун Хян** не входит в состав культурного фонда как русскоязычного, так и англоговорящего читателя. Из-за отсутствия каких-либо пояснений лакуна остается неэлиминированной и, что самое главное, символическое значение имени собственного для иностранного читателя утрачивается. Для русскоязычного читателя имя **Чхун Хян** ничем не отличается от имени Кым Сун, встречающегося в одном и том же контексте.

Итак, в подавляющем своем большинстве имена популярных китайских и корейских исторических героев, литературных персонажей являются ассоциативными интеркультурными лакунами для русскоязычного читателя и требуют подробных разъяснений.

Л и т е р а т у р а

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986.

Сорокин Ю. А. Из наблюдений над переводами романа Лао Шэ “Рикша” // Историко-типологические и синхронно-типологические исследования (на материале языков разных систем). М.: ИЯз АН СССР, 1972, с. 140-145.

Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю. Национально-культурная специфика художественного текста. М.: ВИПКРП, 1989.

Томашева И. В. Типология эмотивных лакун // *Шаховский В. И., Сорокин Ю. А., Томашева И. В.* Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград: “Перемена”. 1998, с. 82-109.

Верная Чхун Хян. Корейские классические повести XVIII–XIX веков. М.: Худож. литер., 1990.

Девушка у моря. Стихи корейских поэтов. Перевод с корейск. М.: Изд-во иностр. литер., 1961.

Мангендэ. Роман. Пхеньян: Изд-во литер. на иностр. яз. 1981.

Пак Ин Но. Пятицветные облака. Лирика. Алма-Ата: Казах. изд-во худож. литер., 1962.

Сказания о госпоже Пак // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. с. 491-547.

Сон в нефритовом павильоне. М.: Худож. литер., 1982.

Судьба охранника. Роман. Пхеньян: Изд-во литер. на иностр. яз., 1978.

Mia Yun. House of winds. New York: InterLink Books. 1998.

Национально-культурная специфика названий животных в русской и корейской фразеологии

© кандидат филологических наук Пак Сон Гу (Республика Корея), 2000

По общепризнанному мнению, фразеологический состав языка представляет собой "наиболее самобытное его явление" (Ройзензон 1977, 116) "не только в плане системно-регулярной аномальности, но и в плане выражения фразеологизмами национальной самобытности народа – носителя языка" (Телия 1996, 215).

В связи с этим особую важность представляют, по нашему мнению, исследования зоонимов, входящих в состав фразеологических единиц (ФЕ) двух разноструктурных языков с целью описания системы ассоциаций, коннотаций, связанных у носителей двух сопоставляемых языков с представлениями о том или другом животном – в проекции на человека.

Наблюдения над русским и корейским языками показывают, что двум языковым коллективам известны как одни и те же биологические виды и круги названий животных, выполняющих одинаковые или различные характеристические функции в двух сопоставляемых языках, так и абсолютно разные, встречающиеся в одной из стран, для другой же являющиеся "экзотичными". Лишь небольшая часть зоонимов, входящих в состав ФЕ русского и корейского языков, имеет сходное символическое прочтение. Совпадения могут быть обусловлены определенным сходством в природных условиях жизни двух народов, включая фауну, а также одинаковым восприятием и переосмыслением действительности.

По мнению И. Е. Тимошенко: "Сходство и тождество мысли или понятий не удивительно, так как основные понятия нравственности, идеи добра и зла, предписания здравого смысла и выводы эмпирических наблюдений природы и навыков животных более или менее одинаковы у всех народов" (Тимошенко 1897, 17).

У двух народов, например, *заяц* является олицетворением трусости (ср. корейск. ФЕ **тхоки гатхын** (букв. "как заяц") 'трусливый'; русск. ФЕ **труслив как заяц; трусливее зайца, прокудливей кошки; дрожать как заяц; заячья кровь**). В России традиционный мотив трусливого *зайца* воспринят современной городской культурой. Именно эта символика *зайца* наиболее известна, популярна и продуктивна в настоящее время. Этим, в частности, объясняется появление значения 'безбилетный пассажир' или 'дезертир' у слова *заяц*, а также современ-

ные частушки, басни, анекдоты, карикатуры, комиксы, мультфильмы с участием *зайца*, трусливого и дрожащего или, наоборот, лихого и удалого, похваляющегося своим бесстрашием (см. об этом Гура 1997, 199).

В народных представлениях находит отражение трудолюбие таких насекомых, как *муравьи* (ср. русск. **трудится как муравей**; корейск. **гэми гачхи** (букв. “как муравей”) ‘трудолюбивый’).

Сходства в восприятии окружающей действительности у двух языковых коллективов отразилось при характеристике такого пресмыкающегося как *змея*. В русском и корейском языках *змея* – символ зловредного человека, способного на подлые поступки [ср. русск. ФЕ **змея подколотная; змею на груди пригреть**; корейск. ФЕ **бэм гатхын** (букв. “как змея”)].

Одинаковые ассоциативные представления обнаруживаются у двух народов при характеристике *соловья* (русск. ФЕ **поет (заливается) как соловей**; корейск. ФЕ **коэкори гатхи** (букв. “как соловей”). Однако, если русская ФЕ употребляется применительно как к мужчине, так и к женщине, то корейский фразеологизм – только применительно к женщине.

В русском и корейском языках совпадают некоторые устойчивые сравнения, обозначающие физические характеристики или черты характера человека: *полноту* (русск. **жирный как свинья** – корейск. **доджи гачхи туньтунхан** (букв. “толстый как свинья”); *хитрость* – русск. **хитрый как лиса** – корейск. **ёу гатта** (букв. “как лиса”); *твердость, несгибаемость* – русск. **как феникс, восставший из пепла** – корейск. **бульсаджо гатхын** (букв. “как феникс”); *глупость* – русск. **курья голова** – корейск. **даг(ый) дэгари** (букв. “башка курицы”).

Общеизвестно, что одна и та же экстралингвистическая данность по-разному преломляется в разных языковых системах. Это особенно заметно в сфере оценок и характеристик, выражаемых единицами языка. В частности, зооморфизмы (зоохарактеристики) разных языков, которые ориентированы на одно и то же реально существующее животное, представляют его эталоном разных качеств и свойств (см. об этом Гутман и др. 1977, 148).

Содержание зооморфизмов, например, в корейском языке может существенно отличаться от содержания аналогичных зооморфизмов в русском языке, что дает основание усматривать в них отражение национальной специфики культуры народов, говорящих на этих языках.

Несовпадения могут быть обусловлены не только географическими условиями, но и фантазией народов, ценностями и антиценностями их культур, особенностями фольклора и многим другим.

Особое место в этой связи занимают в двух языках воспроизводимые из поколения в поколение эталонные сравнения, которые отражают не только мировидение, но и связаны с миропониманием, поскольку “являются результатом собственно человеческого соизмерения присущих ему свойств с “нечеловеческими” свойствами, носители которых воспринимаются как эталоны свойств человека” (Телия 1996, 241-242).

Эталонном упрямства в корейской ментальности выступает *бык*: **хонаньсо гатхын годжиб** (букв. “упрямый как бык”) (ср. русское эталонное сравнение **упрямый как осел**); в корейском традиционном эталонном сравнении **гомчором мирёнхада** (букв. “глупый как медведь”) *медведь* олицетворяет глупость, а в русских ФЕ **глупый как сивый мерин**; **глуп как баран** образцом глупости являются *мерин*, *баран*, *медведю* же приписывается качество ‘неуклюжий, сильный, здоровый’ (ср. **неуклюжий как медведь**; **сильный, здоровый как медведь**). Неловкость, неумелость этого зверя нашла отражение и в следующих ФЕ: **медведь на ухо наступил**; **медвежья услуга**. Здоровый, физически крепкий человек отождествляется в русском сознании и с *быком* (ср. **здоровый как бык**). Если для русского человека *лошадь* ассоциируется с глупостью, то для корейца *лошадь* отождествляется со свободой, волей, необузданностью: **нохамоги маль** (букв. “лошадь, выросшая на воле”) ‘необузданный человек; дикарь’), **гуллэ босын маль** (букв. “лошадь со снятой уздой”). В русском языке существует также ФЕ **саврас без узды**, которая имеет значение ‘необузданный, бесшабашный молодой человек’. Однако это идиоматическое выражение устарело и не употребляется в современной русской речи. В русском языковом сознании свобода связывается с *птицей* (ФЕ **вольная птица**). Образцом такого качества как *злость*, *злобность* в русском языковом сознании является *собака* (ср. **злой как собака**), корейцы это качество приписывают *питону* (ср. **ён мотдойн имуги гатта** (букв. “питон, не ставший драконом”).

В двух сопоставляемых языках концепт “быстрота, стремительность действия” фразеологически воплощается в следующие образы: русск. **как корова языком слизала**; корейск. **гэунун гамчхудыт** (букв. “словно краб прячет глаза”).

Характеризуя человека, который много пьет, русский человек скорее всего сравнит его с *лошадью* (ср. **пьет как лошадь**), кореец же – с *китом* (**горэ гатхын** (букв. “как кит”).

В составе ФЕ, обозначающих профанацию деятельности, также используются наименования животных, только для русского человека это *вороны* (или *собаки*), для корейца – *мухи* [ср. русск. ФЕ **гонять ворон (собак)**; корейск. ФЕ **пхарирыль нальлида** (букв. “гонять мух”)].

Концепт “медлительность” имеет следующие фразеологические образы: русск. ФЕ **черепашьям шагом; как черепаха (идти, тащиться, плестись** и т.п.); корейск. ФЕ **гумбэньи гатта** (букв. “как личинка цикады”).

Образ “тощего” человека в русском менталитете не отождествляется с животными, скорее всего он будет связан с *жердью, щепкой (тощий как щепка/жердь)*, однако образ, вызываемый в корейском языке связан непосредственно с зоонимом: (**мёльчигатхын** (букв. “как мёльчи (японский анчоус)”

Концепт “тупость” в русском языке выражен следующим образом: русск. **тупой как пробка (дерево)**. В корейской ментальности с *лягушкой* связан образ недалекого человека: **мэньконъи гатта** (букв. “как лягушка (пузатая)” ‘тупица’; **умольанэ гэгури** (букв. “лягушка в колодце”) ‘о невежественном, ограниченном человеке’; **чхоньгэгури гачхи** (букв. “как зеленая лягушка”) ‘делать все наоборот’ и др. В русском менталитете с *лягушкой* ассоциируется лишь холодность человека (большей частью женщины) в прямом и переносном смысле (**холодная как лягушка**).

Эталоном малого количества чего-либо в корейском языке выступают *слезы цыпленка*, в русском языке – *слезы kota* [ср. корейск. ФЕ **бёнари нунмульманкхым** (букв. “словно слезинки цыпленка”); русск. ФЕ **кот наплакал**].

В корейском и русском языках отмечено большое количество ФЕ с зоонимом *мышь*. Некоторые из этих ФЕ возникли в результате наблюдения над поведением и внешним видом грызуна: русск. ФЕ **играть в кошки-мышки; надуться как мышь на крупу; мышиный хвостик; мышиная возня** и др.; корейск. ФЕ **джи джугындыт** (букв. “словно умершая мышь”) ‘затаив дыхание (от страха)’; **коянъи абиз джи** (букв. “мышь перед кошкой”) ‘бояться чего-либо’; **джи(га) сумдыт** (букв. “прячется словно мышь”) ‘тише воды, ниже травы’; **джи согым нарыдыт** (букв. “словно мышь таскает соль”) ‘понемногу (убавляется)’; **сэджи гатхын** (букв. “как мышь-малютка”) ‘избегать какого-либо дела’ и мн. др.

В корейской фразеологии образ *мышь* как бы расчленяется, в поле зрения попадают отдельные части тела грызуна: ФЕ **джинун гатхын** (букв. “как мышинные глаза”) ‘маленькие глаза’; **джибаль гыридыт хада** (букв. “словно рисовать мышинной лапой”) ‘писать неразборчиво’; **джикориман хада** (букв. “не больше, чем мышинный хвост”) ‘очень немного’. Во ФЕ также присутствует такая вымышленная часть тела *мышь*, как *мышинные рога* (ср. **джипульдо обта** (букв. “нет даже мышинных рогов”) ‘хоть шаром покати’; **джипульмандо мотхада** (букв. “даже

меньше, чем мышинные рожки”) ‘очень мало чего-либо’; **джипуль гата** (букв. “похож на мышинные рожки”) ‘некрасивый; непристойный’ и мн. др. Подобные ФЕ представляют несомненный интерес для исследователей, так как в них проявляются национальные особенности мировидения, фантазия народа – носителя языка.

В корейском языковом сознании образ *воробья* отождествляется с болтливым человеком, трещоткой: ФЕ **чхамсэ гачхи** (букв. “словно воробей”) ‘болтун’; **чхамсэрыль мока могогна** (букв. “(ты) съел воробья?”) ‘болтун, трещотка’; **чхамсэалыль камогда** (букв. “съест яйцо воробья”) ‘болтун, трещотка’; **чхамсэаль камогта** (букв. “разбивать и есть воробьиные яйца”) ‘болтун, трещотка’). В русском языке *воробей* – символ малости: ФЕ с (гулькин) **воробьиный нос**, **короча воробьиного носа**, а также опытности: ФЕ **стреляный воробей**.

Для русского человека образ трещотки, болтливое человека скорее всего будет ассоциироваться с *сорокой* (ср. **трещит как сорока**).

Для корейца концепт “опытность” фразеологически воплощается в образ *динодона*: **нынгурони гатхын** (букв. “как краснопоясный динодон”).

В корейском языке *свинья* может иметь как положительную: ФЕ **доэджи кумыль куда** (букв. “видеть сон свиньи”) ‘хороший признак; к удаче’, так и отрицательную коннотацию: ФЕ **доэджигатхын** (букв. “как свинья”) ‘толстый, жадный, прожорливый’.

Для русского человека *свинья*, как правило, также ассоциируется с неопрятностью (**грязный как свинья**), неблагодарностью (**неблагодарная свинья**), отсутствием интеллекта, глупостью (**разбираться как свинья в апельсинах**), непорядочностью, способностью на низкий, подлый поступок (**подложить свинью**).

В корейской национальной символике *тигр* занимает важное место. *Тигр* – это символ силы, храбрости, бесстрашия. Может быть, именно поэтому в корейском языке отмечено много ФЕ с зоонимом *тигр*: **бом гатхын** (букв. “как тигр”) ‘страшный, свирепый человек’; **хоранги дамбэ могодн сиджоль** (букв. “в те времена, когда тигр курил”) ‘очень давно’; **мом бон халми чхагумон тхыломагдыт** (букв. “словно бабка, закрывающая окно [бумагой] при виде тигра”) ‘на скорую руку (поест)’ и мн. др.

Прототипической сценой большинства русских и корейских ФЕ с зоонимом *рыба* является естественное поведение животного в природе: русск. **биться как рыба об лед; как рыба в воде; нем (немой) как рыба**; корейск. **муль тонан гоги** (букв. “рыба, вынутая из воды”); **муль багкэ нан гоги** (букв. “рыба вне воды”); **муль одын гоги** (букв. “рыба, получившая воду”).

В корейских ФЕ зооним *рыба* может выступать и с символическим значением жертвы: **домаэ орын гоги** (букв. “рыба на разделочной доске”) ‘жизнь висит на волоске’; **гамасотхэ дын гоги** (букв. “рыба в кухонном котле”) ‘находиться между жизнью и смертью’. ФЕ, обозначающие концепт “хорошо, свободно, непринужденно” для русского человека будут ассоциироваться с *рыбой* (**как рыба в воде**), для корейца – с *морским котиком* (**мульгэ гатхын**) (букв. “как морской котик”).

Для корейца *гусь* олицетворяет, как правило, одиночество: ФЕ **онги-роги гачхи** (букв. “как одинокий дикий гусь”) ‘одиночество’; **ончирोगи цагсаран** (букв. “как безответная любовь одинокого дикого гуся”) ‘неразделенная (безответная) любовь’.

В русском языковом сознании некоторые ФЕ с компонентом *гусь* символизируют ненадежного, плутоватого человека, пройдоху (**ну и гусь; вот так гусь; что за гусь; хорош гусь; гусь лапчатый** и т.п.), другие – отражают естественное поведение птицы (**гусей дразнить; как с гуся вода**).

В русской и корейской фразеологии есть немало ФЕ с зоонимом *ворона*. Для носителя русского языка *ворона* ассоциируется с человеком: а) резко выделяющимся среди других, непохожим на окружающих (**белая ворона**); б) тщетно пытающимся казаться более значительным, интересным, образованным и т. п., чем он есть на самом деле (**ворона в павлиньих перьях**); в) который по своим взглядам, интересам и т.п. отошел от одних и не примкнул к другим (**ни пава ни ворона**); г) который глазает по сторонам, бездельничает (**считать ворон**).

В русском языке также существует ассоциативная психологическая языковая метафора (термин Г.Н. Складневской. – см. Складневская 1993, 59) *ворона*, обозначающая рассеянного, невнимательного человека. В корейском языке подобная метафора отсутствует, однако для носителя корейского языка образ *вороны* связывается с крайне забывчивым человеком: **камагуи гоги моготна** (букв. “(ты) съел мясо вороны?”), а также с человеком, который весь в грязи: **камагуи сон** (букв. “рука вороны”); **камагуи сачхон** (букв. “двоюродный брат вороны”).

Многие ФЕ с зоонимом *корова* в русском и корейском языках отражают наблюдения за природой и навыками этого животного (русс. **дойная коров(к)а; как корова языком слизала**; корейск. **со гатхын** (букв. “работать как корова”) ‘много и тяжело работать’; **со могдыт хада** (букв. “(он) ест как корова”) ‘много есть, обжираться’ и др.

Обращает на себя внимание тот факт, что трудолюбивый человек много и тяжело работающий, ассоциативно связан у двух народов с животными, использующимися на самых тяжелых работах: в русском с

лошадью (**работать как лошадь**), в корейском с *коровой* (**работать как корова**).

В корейских ФЕ и устойчивых словосочетаниях (УС) очень часто присутствует зооним *дракон*. В корейской ментальности *дракон* олицетворяет королевскую власть, могущество, поэтому почти все ФЕ и УС имеют положительную коннотацию. Например, **гэчхонэсо ён нанда** (букв. “из ручья выходит дракон”) ‘во всем превосходить своих родителей’; **ёный алыл одын гот гатха** (букв. “словно нашел драконово яйцо”) ‘как будто нашел драгоценность (о человеке)’; **ёни дойда** (букв. “стать драконом”) ‘стать лучше, чем раньше’; **ёньыль тхада** (букв. “оседлать дракона”) ‘удачно выйти замуж’; **ёньмунэ дыльосода** (букв. “войти в ворота дракона”) ‘сделать карьеру, прославиться’ и мн. др. Для русского же человека с *драконом* связываются самые негативные ассоциации: *дракон* – отрицательный персонаж русских народных сказок, чудовище в виде крылатого огнедышащего змея, пожирающее людей и животных.

Некоторые корейские “экзотические” с точки зрения россиянина животные, в основном это представители морской фауны, остаются для него как бы в “полосе нечувствительности” (см. об этом Бабушкин 1984, 92), с ними не образуются ФЕ, они не вызывают никаких ассоциативных образов. Это, например, *осьминог, морской котик, хамса, краб, кит, питон, олень, фазан* и некоторые другие. В корейском языке с ними отмечено большое количество ФЕ.

Итак, анализ показал, что в “зоосимволах” двух сопоставляемых языков (русском и корейском) имеются как сходства, так и расхождения. Расхождения неизбежны, так как ФЕ с зоонимами в своем составе отражают менталитет нации, ее фантазию, самобытность, мировосприятие народов – носителей языков. По мнению Н. И. Сукаленко: “Подобные существенные расхождения конкретных языковых образов, как правило, – результат несопоставимо глубоких различий целостного национально-культурного мировосприятия, только частично зафиксированного с помощью языка” (Сукаленко 1992, 98).

Л и т е р а т у р а

- Бабушкин А. П. Зооморфизм: символ и метафора // Лингвострановедение в преподавании русского как иностранного. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. С. 88-95.
- Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Изд-во “Индрик”, 1997.
- Гутман Е. А., Литвин Ф. А., Черемисина М. И. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского и французского языков) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 147-165.
- Ройзензон Л. И. Русская фразеология. Самарканд: СамГУ им. А. Навои, 1977.

- Склярёвская Г. Н.* Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993.
- Сукаленко Н. И.* Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. Киев: Наукова думка, 1992.
- Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурные аспекты. М.: Школа "Язык русской культуры", 1996.
- Тимошенко И. Е.* Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. Киев: Тип. П. Барского, 1897.

Категория прогностичности в политическом дискурсе

© кандидат филологических наук Е. И. Шейгал, 2000

Обладание тайной (эксклюзивное право на информацию) является одной из сил, составляющих власть; некоторый налет таинственности всегда идет на пользу имиджу власти. В то же время политическая власть в современном открытом обществе осуществляется в процессе массовой коммуникации, что по большому счету с тайной несовместимо: “Политика является сферой, которой тайна противопоказана, и одновременно сферой, где создается тайна (an anti-secret and secret-constructing sphere)” [Szabo 1997: 23].

Прогностичность как содержательная категория политического дискурса вытекает из свойства смысловой неопределенности политического дискурса и обусловлена тем, что адресант стремится в своих интересах манипулировать языковым сознанием адресата и совершает “зашифровывающие” действия, а адресат вынужден совершать толковательную и прогностическую деятельность вследствие манипулятивных действий адресанта. Собственно содержание и форма этих шифровательных и толковательных прогностических речевых действий и составляет суть категории прогностичности.

Говоря о взаимодействии голосов в сложной партитуре художественного текста, Р. Барт особо подчеркивает роль герменевтического кода или кода загадки. Функция герменевтического кода заключается в том, чтобы сформулировать, ретардировать и разгадать загадку, или сформулировать вопрос и дать на него ответ. Р. Барт отмечает, что “всякое повествование заинтересовано в том, чтобы оттянуть разрешение выдвинутой загадки, поскольку это разрешение будет означать конец самого повествования, его смерть” [Барт 1994: 459]. В политическом дискурсе, герменевтический код особенно значим в той его части, которая опосредована дискурсом масс-медиа. Помимо привлечения внимания адресата к сообщению, т. е. стимулирования эмоции любознательности, герменевтический код выполняет функцию вовлечения в события политической жизни и поддержания политической игры. В роли “держателя” герменевтического кода, как правило, выступает коммуникативный посредник – журналист, политик, политолог (человек, облеченный правом и возможностью толкования текстов). Адресант-медиатор, либо, реже, сам автор текста, формулирует “загадку” и предлагает свой вариант отгадки, либо предоставляет возможность ее решения адресату. Медиатор

осуществляет толковательные операции или провоцирует на них говорящего по ходу коммуникации.

Содержание категории прогностичности можно представить в виде шкалы с полюсами “загадка” (тайна) и “разгадка” (снятие тайны). Шкала прогностичности коррелирует со шкалой достоверности (степени истинности сообщаемого). Полюс “загадки” соотносится с движением в сторону уклонения от истины (снижения точности обозначения и деформации образа действительности, камуфлированием намерений через искажение или умалчивание истины). Полюс разгадки коррелирует с движением в сторону приближения к истине, увеличения точности обозначения (коррекция через метаязыковую рефлексию).

В качестве эксплицитных маркеров прогностичности выступают номинативные единицы семантической группы “тайна”: *тайна, секрет, мистификация, загадочная фраза, туманный ответ, гадать*, и пр. Эксплицитные маркеры прогностичности реализуется, как правило, в речи коммуникативных посредников – журналистов, политиков, политологов, выступающих в качестве толкователей, комментаторов первичного текста политика: *Н. Аксененко обратился к залу с вопросом, все ли понимают его в этом вопросе, и, уловив положительную реакцию, произнес загадочную фразу: “Какой же атаман без золотого запаса?!”*. К эксплицитным маркерам прогностичности могут прибегать и авторы первичного текста: *“Открою одну правительственную тайну: почему мы требуем оплаты услуг естественных монополий рублями? Не только потому, что бартер завышает цены, создает криминальную среду...”* (Б. Немцов). Прямая констатация тайны служит для вовлечения адресата в интригу, а, кроме того, благодаря ей, устанавливается определенный уровень доверительности, позволяющий адресату чувствовать себя допущенным в круг посвященных.

В качестве имплицитного маркера прогностичности нередко выступает квантор неопределенности, который, помимо эвфемистического камуфлирования, выполняет функцию вовлечения в сюжетную интригу. Имена с неопределенной референцией требуют уточнения, и, тем самым, имплицитно задают вопрос, который остается без ответа: *“Ярлыком “коммунистическое – некоммунистическое правительство” прикрываются совсем другие вещи”* (М. Задорнов). Имплицитно задавая вопрос, квантор неопределенности одновременно, содержит и намек, выступающий как неконвенциональная импликация, поскольку его расшифровка зависит не от общих знаний о мире, а от знания конкретной политической ситуации. В российском политическом дискурсе сложились специфические речевые клише намека, содержащие редуцированную рематическую компоненту сообщения, напр.: *Кому-то очень нужно, чтобы...; Мы знаем,*

отчего это происходит...; Сегодня уже совершенно ясно, кто это делает. Относительная прозрачность подобных клише усиливает их конвенциональность, а высокий индекс повторяемости и прогнозируемости в дискурсе определенных субъектов политики придает им характер ритуальности, сводя к минимуму усилия по расшифровке.

Таким образом, средством актуализации категории прогностичности в политическом дискурсе являются не только специфические номинативные единицы, но и определенные речевые акты, в частности, намеки и ссылки на слухи. Шаг в сторону разгадки осуществляется через вопрос. Вопрос на шкале прогностичности занимает промежуточное положение между загадкой и разгадкой, поскольку, с одной стороны, представляет собой отсылку к тайне, а с другой – нередко содержит ключ к разгадке. Попытка разгадки осуществляется также в таких речевых актах, как прогноз, предположение, обещание раскрыть тайну. За загадкой нередко следуют попытки разгадки, представляющие собой варианты интерпретации: ***Более чем туманной выглядела и реакция главы государства на ядерные испытания, проведенные накануне на индийском полигоне. “Индия подвела нас своим взрывом, но думаю, что, работая дипломатическим путем, визитом, мы должны добиться поворота в их позиции”. Что кроется за этой загадочной фразой, остается только гадать. Не исключено, что речь идет о готовящемся визите в Дели. Но это лишь предположение. Расшифровать, что именно имел в виду президент, в МИД пока не готовы*** (“Известия”).

Интенцией вопроса является уменьшение информационной энтропии. Вместе с тем, базисный элемент вопроса – компонент “незнание” – относит его к категории психологических препятствий [Рябцева 1991], создавая тем самым когнитивное напряжение, которое снимается при движении к полюсу разгадки, когда незнание превращается в знание (от предположительного до достоверного), либо создается видимость знания. Ответ на вопрос может выполнять двойственную роль в реализации категории прогностичности: а) ответ по существу содержит разгадку; б) ответ в косвенной форме, содержащий намек, уклончивый ответ, наоборот, имеет интенцию увеличения энтропии, сохранения загадки и, соответственно, способствует поддержанию повествовательной интриги.

Собственно “разгадка” осуществляется через эксплицитные маркеры прогностичности: *разгадка, подоплека, дать подсказку, расшифровать, иметь в виду, трактовать, открывать карты* и др., а также специфические речевые акты – метаязыковые рефлексивы. Целью рефлексива является снятие информационной энтропии, коррекция сообщения в сторону уточнения, приближения к истине. Покажем на схеме соотно-

шение между основными звеньями категории прогностичности и лингвопрагматическими средствами их реализации:

Загадка Незнание	Попытка разгадки (догадка) Частичное/вероятностное знание	Разгадка знание
Поддержание энтропии	Уменьшение энтропии	Снятие энтропии
<i>Уход от ответа</i>	<i>Вопрос</i>	<i>Ответ</i>
<i>Маркеры загадки</i>	<i>Предположение</i>	<i>Маркеры разгадки</i>
<i>Намеки ссылки на слухи</i>	<i>Обещание раскрыть тайну</i>	<i>Рефлективы</i>
<i>Квантор неопределенности</i>		

Д. Кристал справедливо полагает, что в парламентских дебатах достаточно редко задаются “настоящие” (т. е. прототипные – *Е.Ш.*) вопросы, на которые говорящие стремятся получить “настоящие” ответы. Мотив вопроса, будучи обусловленным политической конфронтацией или иными факторами, может никак не вытекать из его пропозиционального содержания. Вопрос для того, кто его задает, – это шанс “сфокусировать общественное мнение на проблеме, выразить солидарность с партийной линией, причинить неприятности оппоненту. Это также шанс привлечь внимание к собственной персоне, свести старые счеты, отдать долг своим избирателям” [Crystal 1995: 379].

Прогностичность вопроса заключается в том, чтобы стимулировать адресата к мыслительным действиям по “раскрытию некоей политической тайны” или, в случае риторического вопроса, направить эти действия по предложенной адресантом версии разгадки. Выделяются следующие варианты вопроса как компонента категории прогностичности: а) вопрос-заголовок как предвосхищение ответа, предложенного в аналитической статье, дает читателю возможность выдвинуть собственную версию разгадки; б) вопрос как выражение сомнения (имплицитно, но не навязывается отрицательный ответ); в) вопрос-предположение: в вопросе уже содержится версия ответа, но вопросительная форма снимает модальность категоричности в предлагаемой подсказке; г) вопрос-ретардация: риторический вопрос в сильной, завершающей позиции позволяет зафиксировать в сознании адресата актуальную информацию к размышлению. Поскольку текст завершен, и адресат не находится в непосредственном диалоге с автором, то высока вероятность пролонгированного действия “вброшенной” информации как стимула прогностической деятельности.

Одним из средств реализации звена загадки является уклонение от ответа. В данном случае реализуется стратегия политической выгоды, требующая сохранения монополии на знание как проявления более высокого властного статуса. Опытные публичные политики владеют це-

лым арсеналом приемов ухода от ответа на “неудобный” вопрос. В числе наиболее распространенных приемов в литературе отмечаются следующие: проигнорировать вопрос; открыто отказаться отвечать; подвергнуть критике либо сам вопрос, либо того, кто его задал; сделать вопрос объектом языковой игры; дать неполный ответ; повторить ответ на предыдущий вопрос; переадресовать вопрос или ответить вопросом на вопрос [Crystal 1995; Wilson 1990]. В дополнение к приведенному списку можно выделить такие приемы, как уход от прямого ответа через намек или переформулирование вопроса, уход от содержательного ответа через псевдо-ответ.

К третьему звену категории прогностичности относится специфический вид речевых актов – рефлексивы. Понятие рефлексива шире таких понятий, как “интерпретирующие речевые акты” [Кобозева, Лауфер 1994: 64] и “речевой акт уточнения” [Старикова 1991: 184], и выступает по отношению к ним как родовое. Под рефлексивом мы понимаем любой акт метаязыкового комментирования фактов речи как самого говорящего, так и собеседника. В качестве метаязыковых операторов интерпретации в рефлексивах выступают слова и обороты *на самом деле это означает; так называемый; то, что называют ...; смысл X-а в том, что ...; трактовать как; то есть; точнее; фактически надо понимать как ...* и др., а также противительная конструкция (*не X, а Y*).

По объекту метаязыковой рефлексии разграничиваются два основных типа рефлексивов: акты интерпретации фактов речи и акты интерпретации денотата, стоящего за фактами речи.

В рефлексивах, связанных с оценкой фактов речи, метаязыковому комментированию подвергается как сигнификативный, так и коннотативный аспекты семантики. Интерпретация сигнификативного содержания фактов речи происходит через толкование. Толкование может быть вызвано необходимостью пояснить смысл малоизвестного термина или жаргонизма, стремлением сеять идеологическую полисемию, мотивировать правомерность своего выбора именно данной номинации или возразить собеседнику, показав неадекватность выбранной им номинации обозначаемому положению дел: *О какой стабилизации может идти разговор? Стабилизация – это, вы сами понимаете, сохранение устойчивости, постоянства и так далее. Что мы должны стабилизировать? Положение, которое сложилось в стране? Мы должны стабилизировать невыплату заработной платы, нищенские пенсии, развал экономики, голодную армию, преступность, нищету народа?* (Н. Рыжков).

Целью толкования, помимо прочего, может быть диффамация политического противника: *Просят сделать депутатский запрос. Если переводить на русский язык, это означает: мне заплатили бандиты “десятку” и велели нервировать этого нового владельца, а они, со своей стороны будут ему угрожать* (К. Боровой).

Интерпретация коннотативного аспекта фактов речи связана с оценкой номинации как неадекватной, нежелательной или неприемлемой с точки зрения эмотивных ассоциаций. Комментирование коннотативного аспекта номинации может быть вызвано потребностью объяснить мотив смены наименования или акцентировать свою идеологическую позицию: *Можно только с содроганием представить себе, как всевозможные “патриоты” (только в кавычках могу о них говорить) поднимут сейчас головы* (Ю. Нестеров).

Коннотативное комментирование нередко принимает форму коррекции оценочной квалификации события в речи собеседника: *Я прошу прекратить хамские выражения в адрес лидеров фракций. Никто не ведет никаких “подковерных” заседаний, это нормальная совершенно работа* (Г. Селезнев).

Второй тип рефлексивов связан с интерпретацией высказывания с точки зрения стоящего за ним денотата. Метаязыковое комментирование в данном случае представляет собой либо градуальную коррекцию, связанную с оценкой номинации как неадекватной обозначаемому по степени признака, либо комментирование политического смысла высказывания.

При градуальной коррекции говорящий считает, что собеседник преувеличивает значительность, негативность обозначаемого явления, либо, наоборот, что номинация не в полной мере отражает степень серьезности, значительности, негативности обозначаемого явления: *То, что называют сейчас финансовым кризисом в России, на самом деле представляет собой явление куда более значительное, завершающее чуть ли не целое десятилетие, которое охарактеризовалось небывалым пренебрежением к реальным экономическим условиям и господством групповых, эгоистических интересов* (Н. Харитонов).

Комментирование политического смысла речевых действий связано с обнаружением второго плана сообщения, выявлением скрытых интенций политика: *Сергей Кириенко заявил, что сделал свой выбор – он и его партия “Новая сила” поддержат на президентских выборах Владимира Путина. На самом деле это заявление не имеет прямого отношения к президентским выборам. Оно просто означает, что значительная часть правых, вслед за Кириенко, подала заявку на местечко в партии*

власти. *Точнее, в партийной системе, которую хочет построить в России Путин* (“Известия”).

Данный тип рефлексива отличается от всех остальных тем, что он никак не связан с оценкой собственно языковой стороны высказывания, а скрытый смысл сообщения выводится не столько из поверхностного смысла сообщения, сколько из ментальных моделей интерпретатора, и в значительной мере зависит от его аналитических способностей и его оценки политической ситуации. Под ментальной моделью в политическом дискурсе, вслед за Т. ван Дейком, будем понимать когнитивную структуру, связывающую коллективные политические знания и индивидуальные мнения и убеждения [van Dijk 1997].

Т. ван Дейк разграничивает ментальные модели событий и ментальные модели контекста. Если модели политических событий образуют содержательную базу политического дискурса (о чем говорится?), то модели контекста контролируют преимущественно план выражения (как говорится?). Данное разграничение представляется значимым для понимания когнитивной основы разных типов рефлексивов. Рефлексивы, комментирующие политический смысл высказываний, исходят из ментальной модели события. В основе остальных типов рефлексивов лежит взаимодействие обеих моделей, однако, если в рефлексивах, связанных с оценкой фактов речи, доминирует модель контекста, то рефлексивах градуальной коррекции на первый план выходит модель события.

Л и т е р а т у р а

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
2. *Кобозева И. М., Лауфер Н. И.* Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 63–71.
3. *Рябцева Н. К.* “Вопрос”: прототипическое значение концепта // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 72–78.
4. *Старикова Е. Н.* Уточнение как элементарная единица дискурса // Прагматические аспекты функционирования языковых единиц. М., 1991. С. 184.
5. *Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge, 1995.
6. *Szabó M.* An Essay on the Discursive Interpretation of Politics. Budapest, 1997.
7. *T. van Dijk* Political Discourse and Political Cognition (Congress Political Discourse, Aston University, July 1997) // <http://www.let.uva.nl/~teun/>
8. *Wilson J.* Politically Speaking: the Pragmatic Analysis of Political Language. Cambridge (Mass.), 1990.

Фемининность русского языка и культуры

© кандидат филологических наук О. А. Бурукина, 2000

Языки, национальности, национальные культуры, национальный характер, национальное сознание и самоосознание, — эти явления обуславливают этнографическое многообразие человечества и полиморфизм культур, сложившихся под влиянием многих факторов, основополагающим среди которых является, безусловно, гендерный. В последнее десятилетие с развитием феминистской лингвистики широко развернулись гендерные исследования. Понятие “гендерный” было введено в социологический обиход именно теоретиками феминизма, подчеркивающими необходимость рассматривать не опыт пола, но опыт рода, соотнесенный с культурно-психологическими характеристиками, зачастую совпадающими с их культургенетической интерпретацией [7: 142]. Явление гендера, исследуемое в разных областях наук, по-разному определяется и описывается. В социологии, а также в западной лингвистике понятие “гендер” обозначает социокультурный пол, имеет институциональный характер и отражает тот факт, что человек является не только биологическим, но и социальным существом. В отечественной лингвистике гендер понимается в основном как отражение в языке культурных и социальных стереотипов поло-ролевой дифференциации [2: 238]. Явление гендера, отражающее испокон веков существующую дихотомию человечества, не могло не повлиять на особенности человеческого сознания и мышления, языка и культуры. Так, гендерная обусловленность сознания и мышления проявляется в нетождественном восприятии мира мужчинами и женщинами, стремлении первых в большинстве своем познать и покорить его либо понять и переделать, а последних — прочувствовать и найти отклик на собственные чувства, накладывается на разнообразные языковые картины мира и неконгруэнтное деление и восприятие окружающей действительности представителями разных национальных общностей. Гендерная дихотомия мышления¹ выражается в якобы присущей мужчинам лапидарности слога и стиля, лаконичности умозаключений, ясности изложения и четкости формулировок, что каса-

¹Гендерные, бинарные и дуальные аспекты тесно переплетаются в истории мировой культуры: инь — ян, манихейство, гностицизм, Король и Королева алхимии, материя — дух Р.Декарта, тезис — антитезис Г.В.Ф.Гегеля, сознательное — бессознательное З.Фрейда и т.д. Дуализм (биполярность) формальных и других характеристик, а также интеллектуально-психологических установок нашли свое отражение в дихотомиях, предложенных В.ф.Гумбольдтом для языкознания, Г.Вельфлиным для искусствознания, П.Чаадаевым, В.Муравьевым, К.Юнгом и М.Бубером для культуры в целом [7: 145].

ется женщин, тут вроде бы доказано, что их суждения отличаются иррациональностью, размытостью и нечеткостью, для них характерны многословие, многообразность, усложненность и сбивчивость повествования [1].

Гендерная маркированность языка и культуры¹ проявляется не только в глобальном создании “фемининных” и “маскулинных” миров и культур и гендерного деления стран и народов. Гендерный фактор стал интегральной частью социально-культурных детерминант, обуславливающих национальную специфику мировоззрения и мировосприятия. Очевидно, что и национальный язык, в силу тех или иных культурологических, социальных и прочих причин, представляет собой двойственную совокупность, к тому же гендерно маркированную. Гендерная обусловленность языка и культуры сказывается в национальных особенностях макро- и микрокосмоса: в типе диалога Небо-Земля в данном национальном мире, в складе антропоса, в типе жилища (изба, сакля, юрта) и его символикe. По мнению Г. Д. Гачева, он выражается даже в фонетике языка. Язык ведь есть голос местной Природы, и его звучность – в резонансе с акустикой местного Космоса, которая в горах иная, чем в степи или лесу... Так что и звуки языка делимы на мужские и женские... [2: 137].

Фемининность русского языка проявляется в совокупности черт и характерных признаков. Не затрагивая в данной статье гендерное соотношение “мужских” и “женских” звуков, можно сказать, что как “фемининная сущность” русский язык проявляет себя не только и не столько в огромном количестве имен существительных женского рода или совпадающих с ними по форме. Хотя, если характеризовать языки, имеющие выраженную категорию рода, с точки зрения количественного преобладания в них имен женского рода и имен, формально совпадающих с ними по форме, русский язык, несомненно, будет охарактеризован как “фемининный” — даже слово “мужчина” по форме совпадет в нем со словом “женщина”, а слово “юноша” — со словом “девушка” и т. п. Само овладение тем или иным языком происходит в преломлении через ту или иную гендерную призму. Так, постижение русского языка преломляется через призму “фемининности”. Освоение его русскими

¹Например, Франция, в понимании французов, — женщина, да не просто, а “douce France” – “сладкая Франция”, возлюбленная, “old merry England” – тоже фемининна, но по-своему: она очень напоминает престарелых английских королей с их железной волей, мужской хваткой, гипертрофированным чувством долга перед своим народом и доминирующим положением по отношению к другим нациям. Между различными странами также можно выявить гендерные отношения: Германия – мужчина по отношению к России (да и, пожалуй, всей Восточной Европе), Северная Америка – по отношению к романской Южной, Китай – к Индии и т.д. [2: 139]

детьми начинается с наивного убеждения в том, что все имена в нем – женского рода, поскольку в русском языке отсутствует “переходный, детский язык”, как, например, в английском (со специфическими окончаниями – удвоенная согласная или две согласных +у: Mummy, Daddy, Granny, Nanny, Teddy-bear, Letty, Sally, Dolly и т.д.). Русский ребенок, первые слова которого “мама”, “папа”, “баба”, “деда”, “мишка”, “зайка”, убежден, что все они женского рода, поскольку они четко совпадают по форме и сфере употребления. Поэтому для русского малыша словосочетания “моя папа” и “моя деда” также органичны и логичны, как и “моя мама”, “моя баба”, “моя [зая]” и “моя [мика]”. Интересно, что русскоязычные дети часто заменяют существующие в языке имена мужского рода на “имена собственного изобретения” именно женского рода. Так, [тоба] или [тобоса] малышу кажется естественней и понятней, чем “автобус”, а [тавая] – чем “трамвай”.

Гендерно маркированными в русском языке и менталитете оказываются в большинстве своем и ассоциации, входящие в состав коннотативных полей¹ лексических единиц. Хотя в сознании носителя, например, английского языка большинство фитонимов и зоологизмов вызывают определенные ассоциации и даже ассоциативные ряды, в большинстве своем они (особенно фитонимы) гендерно нейтральны, кроме, пожалуй, “rose”/ “розы”, “lime”/ “липы” и “magnolia”/ “магнолии”, и то гендерная обусловленность ассоциаций в данных случаях скорее не прямая, а опосредованная. В русской культурно-языковой традиции, напротив, что ни имя, то гендерно обусловленные импликации и ассоциации: береза, клен, ива, рябина, верба, ромашка, незабудка, колокольчик, василек, ландыш, — гендерно маркированные образы этих лексем неотделимы от русской культуры и литературной традиции. Русский лес живой: мужской и женский, со своей иерархической структурой (в том числе и социально-половой), да и виды его разные: бор и роща, осинник и ельник, ивняк и ольшанник. В германском (в частности, в немецком и английском), а также в скандинавском фольклоре лес тоже живой, но он населен всякими сказочными существами, живыми и “нежитью”: гномами, троллями, муми-троллями и прочими наземными и подземными обитателями народных и авторских литературных произведений. Сам же

¹Под коннотативным полем понимается совокупность вербальных и невербальных ассоциаций, импликаций и чувств, возникающих в сознании индивидуума при восприятии им (зрительном, слуховом и пр.) той или иной лексемы. В зависимости от количества возникающих ассоциаций и импликаций коннотативные поля бывают узкие и развернутые. Явление развернутости коннотативного поля обусловлено рядом факторов, таких как традиционно-исторический, семантико-омонимический, семантико-оценочный, психолингвистический. Детерминирующим является гендерный фактор, особенно в синтетических языках с выраженной категорией рода.

по себе германский и скандинавский “лес” как бы нейтрален, в отличие от славянского и в частности русского. В английском или шотландском лесу могут расти “плохие” деревья и травы в местах, где водится нечисть, но в остальном он безучастен к происходящему в нем. В славянском же лесу (в частности в русском) все иначе: на помощь попавшим в беду героям приходят не только Серый Волк и ежик, но и яблонька “с дикими яблочками”, речка “с кисельными берегами”, печка “со ржаными пирожками” и др. Кстати говоря, все это образы фемининные, в то время как гуси, кот (а вовсе не кошка) – помощники Бабы-Яги — маскулинны. Русский лес настолько живой и гендерно детерминированный, что даже грибы в нем – представители разных полов, занимающие определенное социальное положение, проявление ярко выраженного социального гендера. Так, в русской сказке “Война грибов” есть “Трибборовик”, “грузди-ребята дружны”, “опенки-ноги тонки”, “волнушки-старушки” и т. д.

Для русской культуры скорее характерен дуализм, но не дихотомия¹, поскольку ее фемининность не агрессивна, не требует безоговорочного подчинения и иерархической классификации.

В словаре В. Даля четыре слова – муж, жена, пол, род – как бы концентрируют смысловые особенности гендерной проблематики в их конкретной русскоязычной специфике и наднациональной культургенетической общности. В русском фольклоре, как впрочем, и в традиции большинства европейских национальных культур, муж (мужчина) обычно символизирует *левое*, а жена (женщина) – *правое*: “правая бровь чешется, кланяться мужчине, левая – женщине” (народное поверье); “мужичок, или мужчинка” – так называется левый сошник косули, служащий отрезом, а правый – “женка” – отворачивает пласт. Муж символизирует выходящее или направленное во вне, внешнее, *экзотерическое*, *экстравертное*, а женщина – входящее или направленное внутрь, внутреннее, *эзотерическое*, *интравертное*: “муж да собака всегда на двор, а баба да кошка завсегда в избе”, “едет женина родня – растворяй ворота, едет мужская родня – запирай ворота!” [7: 142]. При этом концепт “женское” вовсе не считается “худшим” или “менее важным”, скорее наоборот, ассоциации, входящие в его коннотативное поле, в большинстве своем – положительные, в отличие от многих западноевропейских культур, что также можно считать проявлением фемининности русской культуры и русского менталитета. Фемининность русского языка и

¹Дуализм – философское учение, исходящее из признания равноправными двух начал – духа и материи, идеального и материального. Дихотомия – способ классификации путем разделения на пары “соподчиненных” элементов (подклассов, подмножеств и др.) [6: 402, 418].

культуры обуславливает и русского национального характера как совокупности психологических черт, присущих большинству людей данной национальности и проявляющихся в особенностях поведения и отношении к окружающей действительности. Так, душа русская – нараспашку, широкая и открытая, русский человек гостеприимен и великодушен, любопытен и непоследователен. Даже стратегия русских войн – от охоты России-бабы на чужеземца. Она его приманивает (поляка, француза, немца), затягивает в глубь себя. Если германская тактика – “свинья”, “клин”, то русская – “котел”, “мешок”. Еще в “Слове о полку Игореве” битва как свадьба видится, как смертельное соитие [2: 138].

Русские (и мужчины, и женщины) относятся к родной стране как к матери (Родина-мать, Матушка-Сыра Земля, Матушка-Русь), почитая ее и дорожа ею, посмеиваясь над ее слабостями, но смех этот скорее горек, чем зол. На Руси сильны традиции, былины, сказы. Русскому человеку нелегко расстаться с Родиной, променять ее на “чужую сторону”. Хоть и легок он на подъем, да “Мать-Сыра Земля не пушает”.

Таким образом, на основе выше изложенного можно сделать выводы о том, что русский язык и культура, русский менталитет в целом характеризуются значительно большей гендерной обусловленностью, проявляющейся в четко выраженной фемининности данных явлений, определяющих особенности русского национального характера, самосознания и самоосознания.

Л и т е р а т у р а

1. *Буруккина О. А.* Гендер в переводе: проблема трансформации менталитета // Материалы Международной научной конференции “Женщины России”. – Иваново, 2000. (В печати.)
2. *Габриэлян Н. М.* Пол. Культура. Религия // *Общественные науки и современность*, № 6, 1996. М., 1996.
3. *Гачев Г. Д.* Национальный Эрос в культуре // *Общественные науки и современность*, № 6, 1996.
4. *Горошко Е. И., Кирилина А. В.* Гендерные исследования в лингвистике сегодня // *Гендерные исследования*, № 2 (1/1999). М., 1999. – 297 с.
5. Советский энциклопедический словарь. М., 1990.
6. *Чучин-Русов А. Е.* Гендерные аспекты культуры // *Общественные науки и современность*, № 6, 1996.

ЛИНГВОПОЭТИКА

Способы передачи чужой речи и тип художественного повествования (на материале рассказа А. П. Чехова «Скрипка Ротшильда»)

© Чой Чжи Ен (Республика Корея), 2000

В настоящей статье нами будут проанализированы языковые средства выражения чужой речи в связи с характерным для художественного текста типом повествования. Для анализа избран рассказ А.П. Чехова «Скрипка Ротшильда», представляющий интересный образец совмещения разных форм чужого слова.

Определим вначале коротко исходные теоретические позиции. Современная лингвистика характеризуется обращенностью к коммуникативным аспектам языкового функционирования. Прагматический фактор «говорящий» и, в частности, субъекты сознания и речи в языке как средство общения и в текстах разных типов привлекают все более внимание исследователей. Способы передачи своего и чужого слова, синкретичный характер субъекта повествования в художественном тексте — проблемы, изучению которых посвящена большая литература¹, — в настоящее время могут быть раскрыты только при рассмотрении языка в контексте коммуникативной ситуации. Художественный текст при этом воспринимается как такое речевое произведение, в котором присутствует повествователь (не совпадающий с автором), являющийся субъектом восприятия, сознания и речи. Именно повествователь может передавать как чужую речь слова героев своего повествования, а также собственную речь и речь возможного адресата.

Чужую речь определяют как проблему, выходящую далеко за пределы синтаксиса, имеющую огромное общелингвистическое значение². Самое общее определение дано в Русской грамматике (1980): «Под чужой речью понимается речь, не принадлежащая говорящему, а лишь

¹ Чужая речь рассматривалась в работах В. Н. Волошинова, Л. А. Булаховского, А. Н. Гвоздева, И. И. Ковтуновой, Н. А. Кожевниковой и др. авторов.

² Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Л., 1930. С. 113.

воспроизведенная (пересказанная) им с возможным указанием на ее цель, источник и ситуацию, в которой она реализовалась»³.

В художественном тексте чужая речь может передаваться в виде пересказа, в частности как простое перечисление тем чужой речи, а также в форме прямой, косвенной и несобственно-прямой речи. Кроме того, разные фрагменты текста могут содержать разные комбинации основных форм чужой речи, в результате чего возникают смешанные построения той или иной степени сложности.

Каждый из основных способов имеет свое конструктивное выражение. Эти конструкции рассматриваются и при изучении чужой речи как таковой (как синтаксического явления), и при определении ее роли в структуре текста.

Прямая речь — это непосредственная передача чужого высказывания от лица говорящего, сопровождающаяся вводящим предложением того лица, которое передает это высказывание (так называемыми «словами автора»). Заметим, впрочем, что прямая речь вовсе не всегда является точным и прямым воспроизведением чьего-либо высказывания.

Косвенная речь — это форма представления чужой речи в виде придаточного предложения, относящегося к главному, которое, подобно ремарке, вводит и комментирует эту чужую речь. Косвенная речь как способ передачи чужого высказывания характеризуется не столько тем, что она передает его с определенными изменениями (вполне возможно лексическое тождество ее с прямой), сколько изменением субъективно-модального плана: при передаче в прямой форме чужая речь передается от лица того, кому она принадлежит, а в форме косвенной — от лица «автора» (возникает определенным образом — в зависимости от обстоятельств — измененная точка зрения, притом если изменения лексического состава может и не быть, то изменение субъективно-модального плана обязательно). Можно сказать, что косвенная речь — это речь пересказываемая.

Несобственно-прямая речь (НПР), являющаяся экспрессивной формой передачи речи другого (по отношению к повествователю) лица, формально входит в художественном тексте в состав речи повествователя, но представляет собой чужую речь как в плане выражения, так и в плане семантики. Она характеризуется «смещением субъективно-модального плана, в силу чего повествование о герое или авторская

³ Русская грамматика. Т. II. М., 1980. С. 485.

характеристика героя переходит в непосредственную передачу автором внутреннего состояния персонажа, в запись его внутренней речи»⁴.

НПР может быть представлена в тексте и отдельными элементами, вставленными в монологическую речь повествователя. В частности, так называемая характерологическая НПР как средство выражения субъективированного повествования может иметь вид фрагментов разной протяженности: и ряда самостоятельных предложений в составе сложных синтаксических единств, и целых глав.

В НПР персонаж вытесняет повествователя и становится говорящим. Подобная передача речи другого лица с использованием формы 3-го лица, но с сохранением ряда важных элементов чужой речи создает особую выразительность НПР.

Подчеркнем, что основным признаком НПР является ее двуплановость, неоднозначность грамматических показателей принадлежности речи и самому персонажу (как в прямой речи), и пересказывающему ее повествователю (как в косвенной). Так, значение местоимений соединяет в себе признаки 2-х значений лица: 3-го лица (авторская точка зрения) и 1-го лица (точка зрения персонажа). Двуплановость НПР обеспечивает необходимое единство с предшествующим авторским контекстом. Есть основания рассматривать НПР как категорию синтаксическую и стилистическую. В синтаксисе НПР должна рассматриваться в одном ряду с прямой и косвенной речью как способами передачи чужого высказывания, а в стилистике текста — в одном ряду с речью повествователя и речью персонажа. Иначе говоря, это, во-первых, один из способов передачи чужого высказывания и, во-вторых, осознанный прием в языке художественной литературы, обусловленный характером повествования.

Общим признаком рассмотренных видов передачи чужой речи является то, что они являются формами «пропущенной» через чужое сознание воспроизведенной речи — в отличие от авторского повествования, представляющего собой актуальную речь, создаваемую данным субъектом речевой деятельности.

Переплетение «своей» и «чужой» речи, явное и имплицитное, принимает самые разнообразные формы, к числу которых относится и **цитирование**. Хотя граница между цитированием и другими способами воспроизведения чужой речи не всегда может быть проведена четко, между ними существуют и определенные различия. Эти различия относятся к грамматическому, функциональному, семантическому и прагматическому планам.

⁴ *Поспелов Н. С.* Несобственно-прямая речь и формы ее выражения в художественной прозе Гончарова 30-40 годов // *Материалы и исследования по истории русского литературного языка*. М., 1957. Т. 4. С. 221.

Цитата, однако, может являться и классическим примером прямой речи. Действительно, цитате нередко предшествует вводящее предложение, в котором автор предупреждает о том, что далее последует не его, а чужая речь; сама чужая речь, собственно цитата, должна быть приведена абсолютно точно.

Если чужая речь, переданная в формах прямой, косвенной и НПР, тяготеет к самостоятельности, то цитаты — отдельные вкрапления речи персонажа или другого, не совпадающего с повествователем субъекта — растворены в повествовании и не вычлениются из него без нарушения его целостности. В повествовательном тексте о цитировании следует говорить тогда, когда в высказывании, которое в целом делается от лица повествователя, имеются вкрапления, которые могут интерпретироваться через отсылку к персонажу (или какому-либо не совпадающему с повествователем субъекту).

В самом деле, специфика НПР состоит в передаче повествователем персонажу свой функции субъекта речи. Между тем цитирование (в повествовании) имеет место в том случае, если «звучание» чужого голоса обнаруживается в высказывании, которое делается в целом от лица повествователя. При цитировании повествователь использует какой-то фрагмент чужого высказывания (возможно даже высказывание целиком), но субъектом речи остается сам повествователь. Таким образом, между НПР и цитированием — при том, что оба является средствами передачи чужого слова, — имеется четкое различие, состоящее в том, что в НПР чужое слово входит в контекст чужого речевого (ментально-го, перцептивного и т. д.) акта, а при цитировании чужие слова используются в составе речевого акта повествователя.

В художественном тексте существует определенная соотнесенность повествовательной формы и типичной для нее конструкции передачи чужой речи. В исследованиях последних десятилетий разграничиваются 1) традиционный нарратив, повествователь которого может быть представлен 1-м или 3-м лицом, и 2) свободный косвенный дискурс.

Повествованию от 1-го лица соответствует прямая речь, традиционному нарративу от 3-го лица — косвенная.

В свободном косвенном дискурсе (СКД) — повествовательной форме, которая противостоит традиционному нарративу, — типичной конструкцией является НПР. Следует подчеркнуть, что СКД практически невозможен в чистом виде, определенные позиции сохраняются в нем за повествователем⁵.

⁵ Падучева Е. В. Семантические исследования. М., 1996. С. 337–351.

Рассмотрим, какие способы передачи чужой речи и какие типы повествования используются в рассказе Чехова «Скрипка Ротшильда».

Первая фраза повествователя вводит читателя в описываемый мир:

*Городок был маленький, хуже деревни, и жили в нем почти одни только старики, которые умирали так редко, что даже **досадно**.*

В этой фразе на повествователя указывают формы прошедшего времени несовершенного вида (*был, жили*), являющиеся типичными показателями традиционного повествовательного текста, но слово *досадно* является чужим для повествователя: эта цитата обнаруживает вкрапление речи главного героя, гробовщика, пока не названного⁶.

Интересно, что речевая структура начальной части рассказа — речь повествователя — сразу же вбирает в себя чужое слово, позволяющее осветить внутренний мир персонажа. Далее читаем:

*В больницу же и в тюремный замок гробов требовалось очень мало. **Одним словом**, дела были скверные.*

Эти фразы не принадлежат повествователю — так может рассуждать только персонаж, городской гробовщик (на что указывает и вводная конструкция *одним словом*, и категоричная оценка, которая дается явно не с позиций автора).

Повествователь, рассказывающий в следующих абзацах о том, что его герою небольшой доход приносила игра на скрипке, имитирует речь героя (цитируя ее — см. повторяющееся слово *жид*) и описывает «извне» и «изнутри» состояние своего персонажа:

*Когда Бронза сидел в оркестре, то у него прежде всего потело и багровело лицо; было **жарко**, **пахло чесноком** до духоты, скрипка **взвизгивала**, у правого уха **хрипел** контрабас, у левого — **плакала** флейта, на которой играл рыжий тощий **жид** с целою сетью красных и синих жилок на лице, носивший фамилию известного богача Ротшильда.*

*И этот проклятый **жид** даже самое веселое умудрялся играть жалобно. Без всякой видимой причины Яков мало-помалу проникался ненавистью и презрением к **жидам**, а особенно к Ротшильду.*

Однако уже в следующем фрагменте НПР вытесняет полностью повествователя:

Например, в воскресенье и праздники грешно было работать, понедельник — тяжелый день, и таким образом в году набиралось около двухсот дней,

⁶ На то, что в произведениях А. П. Чехова слово персонажа появляется часто до появления самого персонажа, указывает в своем исследовании Н. А. Кожевникова. См. Кожевникова Н. А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. М., 1994. С. 243.

когда **поневоле** приходилось сидеть сложа руки. **А ведь это какой убыток!** Если кто-нибудь в городе играл свадьбу без музыки или Шахкес не приглашал Якова, то это тоже был убыток. Полицейский надзиратель был два года болен и чахнул, и Яков с нетерпением ждал, когда он умрет, но надзиратель уехал в губернский город лечиться и **взял да там и умер. Вот вам и убыток**, по меньшей мере рублей на десять, так как гроб пришлось бы делать дорогой, с глазетом.

В этой части рассказа такие слова и конструкции, как *ведь, вот, взял да и умер* воспроизводят особенности слова персонажа. Появляется здесь и восклицательное предложение, являющееся типичной приметой НПР.

Далее опять появляется повествователь, рассказывающий о мыслях и чувствах героя, называя вначале тему его размышлений (о бесконечных убытках) и передавая затем содержание этих размышлений в форме косвенной речи:

Получилось больше тысячи рублей. Это так потрясло его, что он хватил счетами о пол и затопал ногами. Потом поднял счеты и опять долго щелкал и глубоко, напряженно вздыхал. Лицо у него было багрово и мокро от пота. Он думал о том, что если бы эту пропавшую тысячу рублей положить в банк, то в год проценту накопилось бы самое малое — сорок рублей.

Отметим, что косвенная речь включает форму (*проценту*), которая ориентирована на словоупотребление персонажа, не относится к самому повествователю. Итак, рассказ организует точка зрения повествователя, хотя в нем зачастую место повествователя занимает и персонаж. Переход от одного сознания к другому происходит неоднократно. Так, непосредственно за приведенными выше словами идут следующие:

***Значит, и эти сорок рублей тоже убыток. Одним словом, куда ни поворачивать, везде только убытки и больше ничего,** —*

передающие внутреннюю речь персонажа в форме НПР.

Повествователь, ведущий свой рассказ, не беспристрастен: повторяя слова персонажа, цитируя его, он может создать иронический эффект. Например:

Дождавшись утра, он взял у соседа лошадь и повез Марфу в больницу. Тут больных было немного и потому пришлось ему ждать недолго, часа три.

Однако взгляд рассказчика может и сближаться со взглядом персонажа. Рассказчик способен строить описание так, что оно становится неопределенным, отражающим точку зрения и повествователя, и персонажа.

Шестого мая прошлого года Марфа вдруг занемогла. Старуха тяжело дышала, пила много воды и пошатывалась, но все-таки утром сама истопила печь, даже ходила по воду.

Информативная фраза от повествователя сменяется здесь описанием наблюдаемого, и наблюдателем, как кажется, может быть и рассказчик, и герой.

Неопределенная точка зрения, заставляющая читателя раздумывать относительно того, следует ли отождествлять автора и героя, легко приобретает определенность — при передаче внутренней речи персонажа:

Был уже рассвет, в окно видно было, как горела утренняя заря. Глядя на старуху, Яков почему-то вспомнил, что за всю жизнь он, кажется, ни разу не приласкал ее, не пожалел, ни разу не догадался купить ей платочек или принести со свадьбы чего-нибудь сладенького, а только кричал на нее, бранил за убытки, бросался на нее с кулаками; правда, он никогда не бил ее, но все-таки пугал, и она всякий раз цепенела от страха. Да, он не велел ей пить чай, потому что и без того расходы большие, и она пила только горячую воду. И он понял, отчего у нее теперь такое странное, радостное лицо, и ему стало жутко.

В рассказ повествователя может включаться косвенная речь, сближающаяся по форме с НПР:

И теперь в городе все спрашивают: откуда у Ротшильда такая хорошая скрипка? Купил он ее или украл, или, быть может, она попала к нему в заклад?

Косвенная речь передает в рассказе, как видим, не только речь определенного персонажа, но и коллективную речь, принадлежащую определенному или неопределенному множеству людей. Коллективная речь может отражать обобщенную точку зрения. Например:

К его великому удовольствию, в этот раз принимал больных не доктор, который сам был болен, а фельдшер Максим Николаич, старик, про которого все в городе говорили, что хотя он и пьющий и дерется, но понимает больше, чем доктор.

Авторское повествование может включать и прямую речь. В следующем фрагменте прямая речь создает выразительной речевой портрет, который отражает социальный статус персонажа.

— Здравия желаем, — сказал Яков, вводя старуху в приемную. — Извините, все беспокоим вас, Максим Николаич, своими пустяшными делами. Вот, извольте видеть, захворал мой предмет. Подруга жизни, как это говорится, извините за выражение...

— М-да... Так...— медленно проговорил фельдшер и вздохнул.— Инфлуэнца, а может и горячка. Теперь по городу тиф ходит. Что ж? Старушка пожила, слава Богу... Сколько ей?

— Да без года семьдесят, Максим Николаич.

Что ж? Пожила старушка. Пора и честь знать.

— Оно, конечно, справедливо изволили заметить, Максим Николаич, — сказал Яков, улыбаясь из вежливости, — и чувствительно вас благодарим за вашу приязнь, но позвольте вам выразиться, **всякому насекомому жить хочется.**

В прямой форме передается в повествовании внутренняя речь Якова:

Яков был очень доволен, что все так честно, благопристойно и дешево и ни для кого не обидно. Прощаясь в последний раз с Марфой, он потрогал рукой гроб и подумал: «Хорошая работа!»

Таким образом, на протяжении всего рассказа с речью повествователя, включающей такие формы передачи чужой речи и мыслей, как прямая, косвенная речь и цитация, конкурирует НПР. Она занимает все большее место в повествовании и, наконец, становится его основной формой:

*Яков погулял по выгону, потом пошел по краю города, куда глаза глядят, и мальчишки кричали: «Бронза идет! Бронза идет!» **А вот и река. Тут** с писком носились, кулики, крякали утки. Солнце сильно припекало, и от воды шло такое сверканье, что было больно смотреть. ...**А вот** широкая старая верба с громадным дулом, а на ней вороньи гнезда... И вдруг в памяти Якова, как живой, вырос младенец с белокурыми волосами и верба, про которую говорила Марфа. **Да, это и есть та самая верба — зеленая, тихая, грустная... Как она постарела, бедная!***

В этом фрагменте повествователь, выступающий вначале как наблюдатель, уступает место герою: характерны употребления слов *вот, тут, да*, которые выражают позицию персонажа, восклицательное предложение (*Как она постарела, бедная!*) также соответствует его эмоциональному состоянию. И далее:

*Он сел под нее и стал вспоминать. На **том** берегу, где теперь заливной луг, в **ту** пору стоял крупный березовый лес, а **вон** на **той** лысой горе, что виднеется на горизонте, **тогда** синел старый-старый сосновый бор. По реке ходили барки. А **теперь** все ровно и гладко, и на **том** берегу стоит одна только березка, молоденькая и стройная, как барышня, а на реке только утки да гуси, и не похоже, чтобы **здесь** когда-нибудь ходили барки.*

Следующий большой фрагмент служит средством еще более глубокого выяснения мышления и речевого обихода Якова. Внутренний монолог героя продолжается в вопросительном предложении косвенной речи, сближающемся с НПР. Характерны и в восклицательные предло-

жения НПР. Кроме того, сослагательное наклонение — со значением желательности — передает желание персонажа (хотя в НПР употребленные категории наклонения может быть связано и с точкой зрения автора, и с точкой зрения персонажа).

Он недоумевал, как это вышло так, что за последние сорок или пятьдесят лет своей жизни он ни разу не был на реке, а если, может, и был, то не обратил на нее внимания? Ведь река порядочная, не пустячная; на ней можно было бы завести рыбные ловли, а рыбу продавать купцам, чиновникам и буфетчику на станции и потом класть деньги в банк: можно было бы плавать в лодке от усадьбы к усадьбе и играть на скрипке, и народ всякого звания платил бы деньги: можно было бы попробовать опять гонять барки — это лучше, чем гробы делать; наконец, можно было бы разводить гусей, бить их и зимой отправлять в Москву; небось одного пуху в год набралось бы рублей на десять. Но он прозевал, ничего этого не сделал. Какие убытки! Ах, какие убытки! А если бы всё вместе — и рыбу ловить, и на скрипке играть, и барки гонять, и гусей бить, то какой получился бы капитал! Но ничего этого не было даже во сне, жизнь прошла без пользы, без всякого удовольствия, пропала зря, ни за понюшку табаку; впереди уже ничего не осталось, а посмотришь назад — там ничего, кроме убытков, и таких страшных, что даже озноб берет. И почему человек не может жить так, чтобы не было этих потерь и убытков? Спрашивается, зачем срубили березняк и сосновый бор? зачем даром гуляет выгон? зачем люди делают всегда именно не то, что нужно? зачем Яков всю свою жизнь бранился, рычал, бросался с кулаками, обижал свою жену и, спрашивается, для какой надобности давеча напугал и оскорбил жида? Зачем вообще люди мешают жить друг другу? Ведь от этого какие убытки! какие страшные убытки! Если бы не было ненависти и злобы, люди имели бы друг от друга громадную пользу.

Мы привели большой фрагмент текста, чтобы показать, что на значительном его протяжении повествователь может отсутствовать. Все, что сообщается в этой части рассказа, отражает внутреннее состояние и размышления персонажа, который задает себе кардинальный философский вопрос (о смысле бытия), рассуждая при этом в привычных для него категориях, главные из которых — «убыток» и «польза»⁷.

Отношение говорящего к изображаемому выражается в форме НПР, и задается философский вопрос, ответ на который выражает позицию персонажа.

Повествователь однако, не исчезает полностью. Завершая рассказ, появившийся вновь автор сообщает о последних днях жизни гробовщика. В его повествовании, как и в предшествующих частях, отражаются

⁷ Не останавливаясь на вопросе о том, что художественное изображение общей идеи может выявлять еще одного субъекта повествования — автора, от которого следует отличать повествователя. Этот вопрос на разнообразном материале обсуждается в исследовании А. П. Чудакова, см. *Чудаков А.П. Поэтика Чехова*. М., 1971. С. 245–281.

слова и размышления героя, при этом они чаще представляет его внутреннюю речь (в форме НПР), чем прямую.

Итак, мы видим, что в сложном с точки зрения повествовательной формы рассказе А. П. Чехова «Скрипка Ротшильда» переплетаются разные типы построения текста. Традиционное повествование от 3-го лица, включающее разнообразные способы передачи чужого слова (прямую, косвенную речь и цитацию), вначале совмещается с НПР, а затем сводится к НПР, то есть переходит в другую повествовательную форму (СКД), позволяющую автору воспроизвести чужое слово и чужое сознание, ориентированное на другого человека.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Лексикология чешского языка: программа лекционного курса¹

© кандидат филологических наук А. И. Изотов, 2000

Предмет лексикологии. Структурный, семантический и функциональный аспекты изучения лексической единицы. Слово и словосочетание. Лексикология и грамматика. Лексико-семантические поля. Семасиология, ономасиология, фразеология, этимология, ономастика, лексикография.

Слово как лексическая единица. Языковые уровни (фонетический, морфологический, лексический, синтаксический) и их взаимодействие. Лексема как совокупность всех форм слова. Варианты слова: фонетические (*děšť* — *dešť*, *polévka* — *polívka*, *hřmět* — *hřmít*, *více* — *vic*), морфологические (*prestíž* — муж. и жен. род; *bacil*, *mikrob*, *činitel* — одуш. и неодуш.; *břich* — *břicho*, *barok* — *baroko*; *snídaně* — *snídaní*; *fazol* — *fazole*), словообразовательные (*ctitelka* — *ctitelkyně*, *kytka* — *kytice*). Превращение исторических вариантов слова в самостоятельные слова (*místo* — *město*, *dílo* — *dělo*). Границы между вариантами слова и синонимами.

Активный и пассивный словарный запас. Употребительная и малоупотребительная лексика. Структурирование лексики современного чешского языка по происхождению: праиндоевропейский пласт (*matka*, *bratr*, *sestra*, *syn*), праславянский (*pole*, *řeka*, *stůl*, *kůň*, *pes*, *les*, *muž*, *ryba*), прачешский (*nádoba*, *obloha*, *pouhý*), ранние заимствования (*růže*, *škola*, *kostel*, *papír*, *mistr*, *sobota*), новые заимствования и новообразования (*vzduch*, *automobil* *časopis*, *judo*, *manažer*).

Понятие лексической системы. Морфологические, словообразовательные и семантические критерии классификации. Словообразовательные цепочки, гнезда, типы, категории. Синонимы и синонимические

¹ Настоящий курс читался автором в рамках дисциплины «Теория 1-го иностранного языка» для студентов МГУ им. М. В. Ломоносова специальности «022600 — Лингвистика и межкультурная коммуникация (славянские языки)».

ряды. Иерархизация тематически близких слов. Понятийное поле. Общеупотребительная лексика и лексика ограниченного употребления.

Лексика ограниченного употребления. Территориально ограниченная лексика: слова обиходно-разговорного языка (*baštit, flinta, frajer, habaděj*), регионализмы (чехизмы — *drandit, špitat, umolousaný*, моравизмы — *dědina, hody, kamilky*), диалектизмы (*topánku, vlňák, humno, kyselice, slepičárna*). Социально ограниченная лексика: сленг студенческий, спортивный, театральный и т. д. Использование сленговой лексики в произведениях К. Чапека, Э. Басса, К. Полачека. Профессионализмы. Универбизация (*cesták < cestovní účet / obchodní cestující*). Гапология (*'sím < prosím, štípko < stipendium, říd'a < ředitel*). Арго. Немецкий, идиш и цыганский как источники арготизмов в чешском.

Стилевая и стилистическая стратификация лексики. Лексика разговорного варианта чешского литературного языка как промежуточное звено между лексикой литературного и обиходно-разговорного чешского языка. Книжные слова. Термины. Поэтизмы. Архаизмы лексические (*šuba, arcí, časoslovo*), фонетические (*birýt, mučedlník, šenkér*), словообразовательные (*kabátec, slovice, manželstvo, měštěnin*), семантические (*kus* в значении 'dělo', *hotovost* в значении 'vojsko'). Историзмы и их основные тематические группы. Архаизмы и историзмы в произведениях А. Ирсека, З. Винтера, Я. Гашека. Неологизмы словообразовательные, фразеологические, семантические. Неологизмы и языковая культура.

Экспрессивная лексика. Фонетические и словообразовательные особенности экспрессивной лексики. Лаудативная и гипокористическая лексика. Пейоративная и грубая лексика. Вульгаризмы. Эвфемизмы и дисфемизмы. Фамильяризмы.

Заемствованная лексика. Ранние и новые заимствования. Фонетические, графическое, морфологическое освоение иноязычного слова. Основные источники заимствования в разные периоды формирования чешского языка. Интернационализмы. Экзотизмы. Иноязычные цитаты.

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Широкова А. Г., Васильева В. Ф., Едличка А.* Чешский язык. М., 1990.
Hauser P. Nauka o slovní zásobě. Praha, 1980.
Mluvnice češtiny (1). Fonetika. Fonologie. Morfonologie a morfemika. Tvoření slov. Praha, 1986.
Příruční mluvnice češtiny. Brno, 1996.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1955. [или любое более позднее издание]
Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1972.
Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.
Ве́чка J. V. Slovo, jeho význam a užití. Praha, 1970.
Filipec J. Česká synonyma z hlediska stylistiky a lexikologie. Praha, 1961.
Filipec J., Čermák F. Česká lexikologie. Praha, 1985.
Havránek B., Jedlička A. Česká mluvnice. Praha, 1960.
Hubáček J. O českých slanzích. Ostrava, 1979.
Chloupek J. Aspekty dialektu. Brno, 1971.
Klimeš L. Vybrané kapitoly z nauky o slově. Praha, 1958.
Martincová O. Problematika neologizmů v současné spisovné češtině. Praha, 1983.
Šmilauer V. Zásoba slovní a význam slov. Praha, 1953.
Zima J. Expresivita slova v současné češtině. Praha, 1961.

Когнитивный план речемыслительной деятельности (речевой коммуникации)

© кандидат филологических наук В. Т. Марков, 2000

Когнитивная наука как наука, изучающая ментальные процессы, которые выделили человека как разумное существо, и результат этих процессов – знания, приобретенные человеком, является относительно молодой наукой. Когнитивная наука – это наука, занимающаяся человеческим разумом, мышлением и теми ментальными процессами и состояниями, которые с ними связаны. Предметом когнитивной науки является когниция – познание и связанные с ним процессы. В связи с эти главными проблемами когнитивной науки стали проблемы определения типов знания и репрезентации этих знаний в голове человека, каким образом человек приходит к знанию¹.

В переводе с английского *cognition* означает прежде всего «познание», *cognition* может, как любое отглагольное имя, называть как процесс достижения знаний – познание, так и его результат – само знание. Когниция – явление многоплановое, сочетающее в себе значение «познание» и «познавание», в котором фиксируются как процесс познания, приобретения знаний, опыта, так и его результаты. Чаще всего оно обозначает познавательный процесс или совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов – восприятия мира, простого наблюдения за окружающим, категоризации, мышления, речи и пр., служащих обработке и переработке информации².

Таким образом, когниция относится ко всем процессам, в результате которых сенсорные данные трансформируются, поступают для их переработки центральной нервной системой в головной мозг, преобразуются в виде репрезентаций разного типа (образов, фреймов, скриптов, сценариев и т. п.) и находятся в памяти человека с тем, чтобы их можно было извлечь оттуда и пустить в работу. В связи с этим, предметом когнитивного изучения являются не только процессы «высшего порядка», например, мышление, но и процессы перцептивного, сенсомоторного опыта, происходящего в результате простого соприкосновения человека с миром.

¹ *Pylyshyn Z.* Communication and Cognition. Toward a Foundation for Cognitive Science. Cambridge, 1984; *Eckardt E.* What is Cognitive Science. Cambridge, 1993; *Thompson R. F.* The Brain, a Neuroscience Primer. New-York, W.H.Freeman; *Виноград Т.* К процессуальному пониманию семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. М., 1983.

² *Кубрякова Е. С.* Краткий словарь когнитивных терминов». М., 1996.

Возникновение когнитивной науки приходится на середину 50-х годов. В истории когнитивной науки можно выделить по крайней мере два этапа. Первый этап в ее развитии характеризуется господством идей репрезентационализма и таким пониманием деятельности человека, при котором она могла быть определена как оперирование ментальными репрезентациями, выступающими, с одной стороны, как корреляты какому-то внешнему предмету или явлению, а с другой стороны, как первичные по отношению к действиям субъекта (Дж. Фодор). Для второго этапа характерно более широкое понимание когнитивного исследования, в первую очередь благодаря коннекционизму – направлению, которое дополнило когнитивизм новыми моделями деятельности мозга. Выделяются две группы коннекционистских моделей — локалистские модели и модели параллельно осуществляемой обработки информации. В локалистских моделях структуры знания кодируются напрямую: узлы связей соответствуют репрезентации отдельных концептов – слов или фонем. В моделях параллельно осуществляемой обработки информации концепты стоят не за узлами связи, а за всей моделью возбуждаемой совокупности связей (Tanenhaus). Идеи сетевой обработки информации нашли отражение в большом количестве теоретических работ³.

Фактически когнитивный подход рождается в психологии, где он знаменует отказ от упрощенного понимания человеческого поведения в терминах стимулов и реакций, характерных для бихевиоризма. Когнитивная психология – особое когнитивно ориентированное направление психологии, связанное с изучением протекания и специфики ментальных состояний и ментальных процессов в голове человека, а также систем и механизмов, обеспечивающих их осуществление⁴. Предлагавшиеся в когнитивной психологии когнитивные модели постоянно менялись и уточнялись, отдельные составляющие когнитивных процессов, структуры человеческого мозга и такие психические явления, как память, внимание, действие получали все более сложную интерпретацию благодаря массе новых открытий и экспериментальных данных. Само понятие внутренней репрезентации, которое является фундаментальным для определения объекта исследований, имеет по крайней мере тройную интерпретацию: 1) когнитивная модель Дж. Фодора – это модель, описывающая внутренние мыслительные функции как отражение внешнего мира по особым семантическим и синтаксическим правилам;

³ Tanenhaus M. K. Psycholinguistics. An Overview // Linguistics, the Cambridge Series. V.3. Cambridge, 1989; Rescher N. Cognitive Systematization. Totowa. New-York, 1979; Singley M. K., Anderson J. R. The Transfer of Cognitive Skill. Cambridge, 1989; а также практических работ, например, посвященных исследованиям афазии: Person I. — В. Connectionism, Language Production and Adult Afasia. Helsinki, 1995.

⁴ Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С.67.

2) вычислительная модель З. Пилишина, согласно которой познание управляется правилами и представлениями и механизмами системы, которые имеют субкогнитивное, нерепрезентативное, «биологическое» основание⁵ и 3) конструктивистская модель Ж. Пиаже⁶. Когнитивная психология обращается к изучению внутренних систем в мозге человека (таких, как восприятие, представление, мышление), и в первую очередь – памяти, которые представляют собой модулярные системы⁷. Когнитивная лингвистика, в отличие от других когнитивных дисциплин, рассматривает когнитивные структуры и процессы, свойственные человеческому сознанию, в приложении к языку: системное описание и объяснение механизмов человеческого усвоения языка и принципы структурирования этих механизмов. Когнитивная психология пересекается с когнитивной лингвистикой в области предмета изучения, так как язык является важнейшим инструментом обработки, хранения и передачи информации⁸. С возникновением когнитивной психологии и когнитивной лингвистики речевая деятельность стала исследоваться как сложный когнитивный процесс. Обычно полагают, что репрезентации и соответствующие процедуры организованы модульно, а потому подчинены разным принципам организации (D. Wunderlich, I. Kaufman)⁹. Язык рассматривается как определенный когнитивный процесс, заключающийся в переработке информации, содержащейся в любом произведении. При анализе информации учитываются не только те репрезентации, которые возникают в ходе обработки поступающей информации или извлекаются из долговременной памяти, но и те ментальные операции, которые при этом используются. Когнитивная обработка информации происходит и в момент восприятия, и в момент продуцирования речи. Центральная задача когнитивной лингвистики состоит в описании и объяснении внутреннего представления информации и операциям с ней, производимыми говорящим-слушающим. При этом возникает вопрос о том, основаны ли продуцирование и восприятие на одних и тех же единицах системы или же у них разные механизмы. Нашему пониманию речевой деятельности с позиции интегративно-когнитивного подхода соответствует представление о структурном единстве когнитивного плана восприятия и порождения речи.

⁵ Pylyshyn Z. Communication and Cognition. Toward a Foundation for Cognitive Science. Cambridge, 1985. P.14.

⁶ Gelder de B. Knowledge and Representation. London, Boston, 1982. P.5-7.

⁷ Gelder de B. Ibid. op.

⁸ Кубрякова Е. С. Указ. соч. С.53.

⁹ Демьянков В. З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания, 1994. С.21.

Что касается того, как информация хранится и воспроизводится из памяти, существуют три когнитивных подхода к теоретическому осмыслению этих данных: 1) радикальная теория образов (Бугельски, Шепард, Подгорный); 2) концептуально-пропозициональная теория (Андерсон, Бауэр, Пилишин) и 3) теория двойного кодирования (Павио, Бауэр, Брукс). В рамках первого подхода зрительные или вербальные образы понимаются как ментальные картины или сцены. Фактически к этой точке зрения присоединяется и С. Косслин¹⁰. Согласно второму подходу, как за образной, так и за вербальной информацией лежит одна и та же форма репрезентации, понимаемая по образцу логического пропозиционального исчисления¹¹. Третий подход занимает положение между двумя позициями. По мнению А. Павио, существуют две независимые, но взаимодействующие системы: вербальная и невербальная (образная). Использование невербальной системы позволяет более успешно решать задачи, требующие симультанного представления информации, тогда как вербальная лучше приспособлена для обработки последовательных символов во времени, и информация может кодироваться и храниться как в любой их них, так и в обеих сразу¹². Контакт вербальной системы информации с фрагментом долговременной памяти приводит к активизации репрезентации слов, или по терминологии Дж. Мортон, «логогенов»¹³. Основное содержание концепции двойного кодирования и теории логогенов сохранилось и фигурирует в большом количестве работ, в которых авторы пытаются объединить вербальную и образную систему стимулов с теорией логогенов¹⁴.

В рамках данной работы мы ограничимся рассмотрением лишь когнитивных операций, реализующихся в процессе восприятия и порождения речи, исходя из самого процесса ее протекания в цепочке: восприятие – представление – мышление – абстрагирование. Ментальный процесс – это, по теории когнитивного развития, последовательное овладение внешними и внутренними операциями (Ж. Пиаже, Л. С. Выготский)¹⁵. С точки зрения информационного подхода, в ментальном процессе (переработке информации) участвуют следующие

¹⁰ Bugelsky B. R. Words and Things and Images // Am. Psychol., 1970, v. 25; Kosslyn S. The Medium and the Message in Mental Imagery. Theory // Psychol. Rev., 1981, v. 88 (1).

¹¹ Pylyshyn Z. What the Mind's Eye Tells the Mind's Brain // Psychol. Bull., 1973, v. 80; Anderson J. R., Bower G. H. Human Associative Memory, Washington, 1973.

¹² Pavio A. Imaginary and Verbal Processes. N.Y. 1971; Pavio A. Neomentality, 1975.

¹³ Morton Dj. The Logogen Model and the Orthographic Structure // Cognitive Processes In Spelling London, 1980. P.119.

¹⁴ См., например, анализ работы Seymour (1973) в: Morton Dj. The Logogen Model and the Orthographic Structure. 1980. Pp.122- 123.

¹⁵ Выготский Л. С. Мысль и сознание. М., 1996.

компоненты: сенсорные регистры, внимание, распознавание паттернов и память. Для успешного получения информации нужны такие процессы, как запись в сенсорные регистры, фокальное внимание («функциональное фовета»), быстрая обработка, а также эффективные стратегии поиска и использования информации.

Восприятие – это одно из основных понятий когнитивных наук. Под восприятием понимается, во-первых, реакция сенсорных рецепторов на стимулы (ощущения), во-вторых, интерпретация информации, полученной сенсорными рецепторами, более сложными когнитивными механизмами. В восприятии всегда участвуют предыдущие ощущения, наш предшествующий опыт придает смысл простым ощущениям. Иначе говоря, перцептивные процессы состоят в том, чтобы обнаружить и интерпретировать реальность как энергию стимула, воздействующего на органы чувств, так результат знания, принадлежащего предшествующему опыту. Хранимое в нашей памяти есть набор абстрактных репрезентаций реальности. Ключ к пониманию процессов обработки сенсорной информации и ее когнитивных интерпретаций лежит в абстрагировании информации. На уровне ощущений информация очень конкретна, тогда как на уровне интерпретации она, как правило, абстрактна. Мир определяется тем, что мы знаем (в абстрактном смысле), и тем, что мы чувствуем (в конкретном смысле).

Вопрос о роли восприятия в когнитивных процессах связан с объемом восприятия. Этот давний вопрос характеризует начальную стадию обработки информации. При кратковременном представлении способность к обработке информации основана на сенсорном хранении. Сохранность зрительных впечатлений и их кратковременную доступность для дальнейшей обработки Найсер назвал иконической памятью¹⁶. Икона – это зрительный отпечаток, который может содержать больше, чем человек может запомнить. Иконическое хранение удерживает зрительные входные сигналы и, видимо, не зависит от факторов субъективного контроля (например, внимания). Эксперименты Сперлинга показали, что в сенсорном хранилище человек может удерживать как минимум 9 элементов, а длительность хранения составляет примерно 250 мсек. Иконическое хранение является довольно примитивным видом хранения, в котором информация не преобразуется и не связывается с другой информацией. Наряду с иконической памятью, являющейся результатом зрительных стимулов, существует эхоическая память, возникающая после прекращения действия звука. Эхоическое хранение удерживает слуховые сигналы около 4 сек, а количество удерживаемых в памяти элементов зависит от распределения информации между каналами.

¹⁶ Neiser W. *Cognition and Reality*. San Francisco, 1976.

Итак, количество элементов и время иконического и эхоического хранения информации ограничено, но оно позволяет нам отбирать существенную информацию для дальнейшей переработки, обеспечивая тем самым одно из решений проблемы ограниченной пропускной способности, присущей системе обработки информации. Способность к чтению вполне может быть основана на иконическом хранении, позволяющем выявить неоспоримые признаки зрительного поля и игнорировать те внешние стимулы, которые являются несущественными. Сходным образом наша способность понимать речь вполне может основываться на эхоическом хранении, позволяющем на короткое время сохранять слуховые признаки при одновременном поступлении новых; это дает возможность переходить к абстракциям, основываясь на фонетическом облике слов. Поэтому для формирования умений и навыков переработки информации, поступающей непосредственно по слуховому или зрительному каналу, ее хранению и манипулирования ею в дократковременной и кратковременной (оперативной) памяти следует строить микросистемы упражнений применительно к каждому механизму (компоненту) процесса. Это значит, что каждый речевой механизм предполагает решение специальной задачи. Специальная микросистема заданий по формированию механизма первичной рецепции (начальной стадии получения информации) сводится к формированию умений распознавания, запоминания (хранения), передачи сведений о зрительном (акустическом) образе воспринимаемых единиц изучаемого языка в оперативную память, умений, направленных на развитие механизма оперативной памяти.

Представление – это явление другого когнитивного уровня. Очень трудно ответить на философский вопрос, как отделить сенсорные сигналы от других феноменов и изучать начальный этап познания, не затрагивая при этом когнитивные процессы высшего уровня¹⁷. После завершения процесса восприятия некоторые отобранные репрезентации, относящиеся к процессу представления, переходят в кратковременную память¹⁸. Существуют разные подходы к выделению репрезентаций: по способу представления выделяются вербально-языковая и образная; модальная и амодальная или модально-специфическая и мультимодальная; аналоговая и символическая. Совокупность репрезентаций образует то, что называется памятью, а потому различают словесную и образную, или эпизодическую (событийную) память, совокупность вербальных репрезентаций дает ментальный лексикон, совокупность концептуальных репрезентаций (аналоговых, символических и т. д.) именуется кон-

¹⁷ Hamlin D. W. In and Out of Black Box. On the Philosophy of Cognition. Oxford, 1990.

¹⁸ Klatsky R. Semantic Factors in Cognition. N.Y., 1978.

цептуальной системой или концептуальной моделью мира. Добиться единой теории репрезентаций можно, связывая ментальные репрезентации с процессами понимания языка и черпая о них сведения из фактов обработки языковых данных на трех уровнях.

По Р. Л. Солсо, существует два принципиально различных подхода к обработке информации: зависящая от входных данных («data-driven», или дата-зависимая) и концептуально-зависимая. Дата-зависимая обработка начинается в момент поступления сенсорного сигнала, тогда как концептуально-зависимая обработка начинается тогда, когда у человека уже сформировалось понятие или ожидание того, какая информация ему встретится. При сенсорном восприятии обработка информации зависит скорее от непосредственных входных данных, чем от концептуальных факторов. В повседневной жизни человек использует при обработке воспринятой им информации как непосредственные когнитивные, так концептуально-зависимые когнитивные процессы. По теории репрезентации, существует несколько моделей обнаружения сложных когнитивных сигналов, называемых паттернами. «Слово «паттерн» означает сложное сочетание сенсорных стимулов, опознаваемое человеком как член некоторого класса объектов»¹⁹. Когнитивные процессы восприятия паттернов являются в большей степени концептуально-зависимыми.

Существует несколько когнитивных моделей-гипотез процесса переработки информации: 1) «снизу – вверх»; 2) «сверху – вниз»; 3) сравнение с эталоном; 4) подетальный анализ и 5) прототипное сравнение.

Таким образом, модель «снизу – вверх» предполагает опознание информации (распознавание паттерна), оно начинается с отдельных частей, суммирование которых ведет к распознаванию всего паттерна. Возможен обратный путь – выдвижение реципиентом гипотезы, позволяющей опознать всю информацию в целом, а затем – ее составные части («сверху – вниз»). Применительно к обучению рецепции информации для осуществления таких операций необходимо создать специальную микросистему упражнений, направленную на выработку умений *прогнозировать*: опознавать отдельные явления текста (предложения, фразы, абзацы), содержащие главную мысль воспринимаемого текста (макротекста); на основе отдельных фактов, событий, о которых говорится в тексте, изложить главную мысль текста; предположить о содержании текста по его заглавию, по содержанию первого абзаца; на основе названия текста (темы) определить его возможные подтемы, на основании

¹⁹ Солсо Р. Л. Когнитивная психология. М., 1996. С.78.

информации последнего абзаца сделать предположение о содержании и названии всего текста и т. п.

Еще одна гипотеза опознания информации называется «сравнение с эталоном». Распознавание паттернов (информации) происходит при совпадении сенсорных стимулов с соответствующей мысленной формой (эталонном, по Р. Л. Солсо)²⁰. Распознавание паттернов через эталон – это некоторая внутренняя структура, которая при сопоставлении с сенсорными стимулами позволяет опознать объект. Сравнение с эталоном – это элементарная процедура распознавания паттернов, основанная на том, что конфигурация сенсорной информации точно подходит к соответствующей «конфигурации» в памяти; и хотя ее возможности ограничены, она имеет определенное теоретическое и практическое значение. Согласно такому представлению о распознавании, в процессе приобретения жизненного опыта у нас образуется огромное количество эталонов, каждый из которых связан с некоторым значением. Такой механизм распознавания имеет практическое применение для построения микросистемы упражнений, ориентированной на формирование умений: опознавать незнакомые слова, словосочетания в составе предложения; незнакомые конструкции, предложения в тексте и т. п.

Еще один подход к проблеме извлечения информации – это подетальный анализ. В соответствии с ним, подетальный анализ — это необходимый этап распознавания информации. Чтобы последующая высокоуровневая обработка информации была успешной, ей необходим предшествующий этап идентификации входных стимулов по их более простым деталям (подетальный анализ). Так, прежде чем произойдет оценка информации зрительного паттерна в полном объеме, осуществляется минимальный анализ его составных частей. Этот механизм положен в основание микросистемы упражнений, направленных на формирование речевых умений, связанных с восприятием и построением целого речевого произведения на основании его составляющих опор, разделить текст на абзацы, найти введение, заключение и основную часть – самые простые типы анализа структуры текста; построить сообщение на основе плана; передать содержание прослушанного (прочитанного) рассказа и т. п.

Альтернативным средством распознавания информации сравнению с эталоном и подетальному анализу является прототипное сравнение. Прототип – это абстракция набора стимулов, воплощающая множество сходных форм одного и того же паттерна. Паттерн сопоставляется с прототипом, и при наличии сходства происходит опознание. Прототип позволяет нам опознать образ, даже если он не идентичен прототипу, а

²⁰ Там же.

только похож на него. При опознании паттернов через сравнение с прототипом, в отличие от систем низкого уровня, таких, как хранение зрительных элементов, подетальный анализ, сравнение с эталоном, люди используют уже долговременную память. Вполне вероятно, что в долговременной памяти хранятся уже не конкретные эталоны и тем более не детальные признаки многочисленных паттернов, которые нам приходится опознать, а абстракция паттернов в виде прототипов²¹. Существуют две теоретические модели формирования прототипов. В одной из них, которая называется моделью центральной тенденции, предполагается, что прототип представляет собой среднее из всех экземпляров, абстракцию некоторой фигуры. Вторая модель, называемая моделью частоты признаков, предполагает, что прототип отражает моду или наиболее часто встречающееся сочетание признаков. Эту идею разделяют Солсо и Маккарти. В ней прототип – это лучший экземпляр из набора паттернов. Применительно к обучению общения первая модель важна для создания микросистемы упражнений, направленных на выработку умений: найти более подходящий ответ на вопрос, озаглавить текст; а вторая модель имеет значение для формирования умений компрессировать (сжимать) или, наоборот, расширять информацию текста, обнаруживать наиболее частотные признаки объекта, исключать менее частотные (провести деление между основной информацией в тексте и дополнительной – иллюстрацией, например), дополнить основные положения текста за счет вспомогательной информации из других источников.

Мышление – это процесс, с помощью которого формируется новая мыслительная репрезентация; этот процесс происходит путем преобразования информации, достигаемого в сложном взаимодействии мыслительных атрибутов суждения, абстрагирования, рассуждения, воображения и решения задач. Мышление когнитивно, т. е. происходит «внутренне», в уме. Мышление характеризуется как познавательная деятельность более высокого уровня по сравнению с процессами восприятия, распознавания паттернов и т. п., которые составляют предшествующий уровень в обработке информации. В когнитивной науке доказано, что формирование и развитие интеллектуальных навыков, творчества и образного мышления связаны с метафорическим мышлением. По теории анализа формального мышления, Эриксон предложил новую модель группового анализа формального мышления, или модель поэтапного анализа, на основании которой делается силлогистический вывод²². Силлогизм – это метод определения достоверности высказыва-

²¹ Солсо Р. Л. Указ. соч. С. 90.

²² Erickson D. A Set Analysis Theory of Behavior in Formal Syllogistic Reasoning Tasks // Theories in Cognitive Psychology. The Loyola symposium. 1974.

ний, состоящий из трех этапов: большой посылки, малой посылки и вывода²³. Вывод, полученный путем силлогистического рассуждения, считается достоверным, если все посылки истинны и верна его форма. Отсюда – большое внимание, уделяемое изначальной посылке. Согласно Эриксону, вывод – это сложный процесс, включающий три этапа: 1) интерпретацию посылок; 2) сочетание посылок после интерпретации; 3) выбор словесного обозначения после интерпретации. Этот тип рассуждения, который можно проверить путем дедуктивной логики²⁴. Кроме модели поэтапного анализа Эриксона, существует также дедуктивный тип рассмотрения силлогизма – так называемое «рационалистическое направление» в исследованиях мышления, представителями которого являются Р. Ревлин и Р. Мейер. Основное отличие данной модели мышления от модели, предложенной Эриксоном, проявляется в трактовке процессов решения силлогизмов как преобразований информации в соответствии с законами математической логики. Вывод осуществляется путем перестановки аргументов в исходных посылках и перебора следствий с позиции соответствия следствия исходным посылкам²⁵.

Еще одна форма рассуждений является индуктивной. При индуктивном рассуждении вывод скрыто или явно выражается на языке вероятности, когда решение принимаются не столько в результате хорошо продуманной силлогистической парадигмы, сколько на основе прошлого опыта, а выводы основаны на том, что мы считаем наилучшим вариантом из всех возможных, отбрасывая менее привлекательные. С точки зрения информационного подхода, принимая решение, человек устраняет менее привлекательные варианты, проводя последовательную оценку этих вариантов. Если какие-либо варианты не удовлетворяют минимальному критерию, они устраняются из минимального набора альтернативных решений. С точки зрения методики обучения общению, эти моменты имеют важное значение для создания микросистемы упражнений для формирования умений: сделать вывод и выразить свое отношение, дать оценку прочитанному (услышанному) в тексте; выбрать наилучший вариант ответа, рассказа, резюме; оценить актуальность рассматриваемой проблемы в данном источнике (группе источников).

Абстрагирование – это процесс управления понятиями. Рассмотренное в статическом аспекте абстрагирование дает модели семантической структуры памяти. Такими моделями являются: 1) групповая модель; 2) модель сравнительных признаков; 3) сетевая модель.

²³ Солсо Р. Л. Указ. соч. С.558.

²⁴ Солсо Р. Л. Указ. соч. С.442.

²⁵ Pevlin R., Mayer R. Human Reasoning. Washington, 1978. P.4.

Групповая модель соответствует категоризации понятий. Групповая модель предполагает, что семантические категории представлены в памяти в виде групп информации. Эти группы информации включают элементы некоторой категории или атрибуты категории.

Модель сравнительных признаков заключается в образовании концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу человека. Модель сравнительных признаков предполагает, что та или иная семантическая категория представлена в памяти в виде набора атрибутов, или признаков, причем некоторые из них существенны для определения категории, а некоторые не столь важны.

Обе эти когнитивные модели имеют между собой много общего. Обе они представляют собой классификационную деятельность, различаясь вместе с тем по целям и конечному результату деятельности. Первый направлен на выделение минимальных единиц человеческого опыта в идеальных представлениях, второй – на объединение единиц, сходных в том или ином отношении, характеризуемых как тождественные, в более крупные разряды.

Эти когнитивные операции применительно к процессу обучения дают возможность построить микросистему упражнений, направленную на формирование умений: воспроизводить элементы, поддающиеся категоризации (текст), по одному или нескольким параметрам (признакам).

Сетевая модель предполагает, что слова, их понятийные эквиваленты существуют в семантической памяти как независимые единицы. Сетевая модель основана на процессе классификации. «Классификация – это способность группировать объекты по одному или более параметрам, предполагающая понимание того, что субкатегории можно объединить (это называется трансформацией) для формирования высшей категории, от нее снова переходить к прежним субкатегориям (свойство обратимости) (Ж. Пиаже)»²⁶. По концепции когнитивного развития Ж. Пиаже, классификация относится к стадии конкретных операций. Для Пиаже успешное освоение классификации означает не только осознание существования тех или иных подклассов, но полное понимание того, что этот подкласс может быть разбит на два подкласса. Два подкласса можно объединить (путем трансформации) в третий класс, который потом снова может быть разбит (благодаря обратимости) на два первоначальных подкласса. Методически важным следствием этого когнитивного положения является возможность создавать аппарат упражнений, систему и микросистему упражнений, направленных на выработку умений построения самостоятельного речевого высказывания с

²⁶ Солсо Р. Л. Указ. соч. С.553.

помощью умений объединять отдельные факты в смысловые блоки в результате установления связи между ними, группировать подходящие подтемы в общую тему сообщения с учетом взаимодействия видов речевой деятельности и их разновидностей, а также разных типов речевых актов (в том числе сложных и комбинированных), их типов и разновидностей.

Грамматика и прагматика (о некоторых явлениях русской грамматики, которые трудно понять иностранцам)

© кандидат филологических наук В. А. Кузьменкова, 2000

Как известно, **традиционная грамматика** описывает систему языка как бы абстрагируясь от языка в действии.

Прагматика, в отличие от традиционной грамматики, рассматривает язык в функционировании, в динамике. Прагматика дополняет традиционную грамматику и обладает большим объяснительным потенциалом, особенно в области тех языковых явлений, которые не укладываются в рамки формальной грамматики. В основе прагматического подхода лежат отношения между говорящим (пишущим), избираемой им грамматической формой для выражения определенных значений, и значением, зафиксированным в тексте и воспринятым слушающим.

Прагматический подход к языковым явлениям синтезировал, впитал и переработал результаты усилий исследователей формальной грамматики, функциональной грамматики и семантики. Прагматика касается разных уровней языка: морфологии, лексики, синтаксиса.

Если мы вводим прагматику в нашу систему, то многие известные нам грамматические факты выглядят как бы с другой перспективы: в контексте они обнаруживают разную степень отрыва от традиционно понимаемого категориального значения той или иной грамматической формы. Именно эти значения грамматических форм, проявляющиеся в конкретном контексте, труднее всего понять тем, для кого русский язык не является родным.

В данной работе будут представлены некоторые грамматические формы, значения которых в реальном контексте не совпадают с общеизвестными значениями данных грамматических категорий в системе традиционной формальной грамматики.

Подобный материал мог бы оказать существенную помощь преподавателю и учащемуся в объяснении и распознавании тех значений, которые трудно объяснить с позиций формальной грамматики.

Остановимся на некоторых случаях русской грамматики, которые представляют трудности для иностранцев.

Неимперативные значения императивной формы.

- Условное значение: *«Пойди я с туза треф, не был бы я без двух»* (А.П. Чехов). В данном случае императивная форма приобретает значение условия: *Если бы я пошел с туза треф...* (Речь идет о карточной игре). Или: *«Будь я умнее, я бы уже давно работал в другой фирме»*. В значении: *Если бы я был умнее...* Важно заметить, что в создании условного значения участвует также инверсия: *Пойди я... Будь я ..* Невозможно: *Я пойди... Я будь...*
- Значение долженствования или вынужденного действия: *«А тут не знай ни зим ни лет, сиди, рисуй плакаты»* (В.В. Маяковский). В значении: *Я должен сидеть и рисовать плакаты.*
- Обобщенное значение императивной формы — не «ты» конкретное, но типизация ситуации: *«Нерассудительный мужик рад с-пьяну лошадей гнать, а потом, как угодит в прорубь, тогда и возись с ним»* (А.П. Чехов).
- Значение невозможности или затрудненности что-либо сделать: *«Ты нашел Юру?» - «Попробуй найди его!»* В значении: *Я не нашел его, потому что его трудно найти.*
- Значение, именуемое аористным императивом: *Я пригласила его в гости, а он возьми да и не приди!* В значении: *...а он не пришел.*
- Значение повелительного императива с уступительным значением: *«Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь»* (Н.В. Гоголь).

Некатегориальные значения инфинитивной формы.

- Значение оптативности (желательности): *Хорошо бы меня встретить!* В значении: *Было бы хорошо, если бы меня встретили.*
«Затоплю я камин, буду пить, хорошо бы собаку купить!» (С. Есенин).
В подобных случаях при помощи инфинитива образуется особый семантический класс предложений, используемых говорящим для выражения желания осуществления действия, наиболее предпочтительного для субъекта в данной ситуации.
- Значение приказа или пожелания: *«Стоять!»*, *«Молчать!»*, *«Не разговаривать!»*.
- Значение невозможности выполнения действия: *«Нам не перевести этот текст!»* (РР). В значении: *«Мы не в состоянии перевести...»*.
- значение неизбежности, обязательности каких-либо событий: *«Быть грозе»*. В значении: *«Гроза будет обязательно»*.
Или: *«Я знаю: саду цвести»* (В.В. Маяковский). В значении: *«Я знаю: сад будет цвести»*.

Как уже замечалось, особенность прагматической информации состоит в том, что она часто выражается не одним языковым средством, а совокупностью таких средств. Так, в данном случае она выражена одновременно формой инфинитива «быть» и дательным падежом имени.

- Значение прошедшего времени с интенсивным начинательным значением (часто в фольклоре, в сказках): «*И царица хохотать, и плечами пожимать*» (А.С. Пушкин). В значении: *Царица начала хохотать...*
- Значение осуждения действия (вместе с отрицательным местоимением): «*Нечего было так долго гулять*» (РР). В значении: «Не надо было, не стоило так долго гулять».

Некатегориальные значения грамматической формы прошедшего времени, не обозначающие действия в прошлом.

- Значение условия, необходимого и достаточного для совершения результативного действия: «*Съездил раз на фабрику или в трактир Рылова, вот тебе и все восемь, даже еще больше!*» (А.П. Чехов). Прошедшее время в данном предложении не означает, что действие уже состоялось.
- Значение отрицания предполагаемого или возможного действия, поступка (часто — в ответах на вопрос, говорится с иронией):
-*Как ты думаешь, Маша придет на день рождения?*
-*Так она и пришла, как же!* В значении: *Я думаю, что она не придет.*
- В значении приказа, категорического приглашения: «*Встали!*», «*Сели!*». Часто при обращении к детям: «*Взялись за руки!*», «*Помыли руки, сели за стол.*».

Некатегориальные значения грамматической формы числа.

Гиперболическое множественное число используется в ситуации, когда реально наблюдается один предмет или факт, а говорящий, как бы типизируя события, изображает ситуацию так, как будто предметов или фактов много, например: «Не устраивай **скандалов!**» (При этом речь идет об одном скандале). Или: «У меня нет времени **чай** распивать!» (При отсутствии множественного числа от слова «чай»). В подобных случаях гиперболическое множественное число имеет устойчивые прагматические функции — выражает раздражение, неудовольствие или другие — чаще всего отрицательные — эмоции.

- Употребление местоимения первого лица множественного числа «мы» в ситуации обращения к одному адресату вместо второго лица единственного числа, например, в ситуации медицинского осмотра

врач обращается к больному: «Ну, как **мы** себя **чувствуем?**» Речь идет, конечно, о самочувствии больного, а не врача. Можно предположить, что таким образом говорящий хочет показать свое участие в решении проблем адресата, как бы включаясь в его личную сферу. Однако иностранцу подобные предложения понимать трудно.

Прагматическое использование диминутивных суффиксов.

Как известно, диминутивные суффиксы в русском языке имеют два значения: собственно-уменьшительное и ласкательное. Прагматическое значение диминутивов состоит в том, что говорящий употребляет их в том случае, если он испытывает положительные эмоции по отношению к предмету, о котором идет речь, или к лицу: «**Чайку не хотите?**», «**Присядьте на стульчик!**». Подобная форма может служить формой вежливости: «**Билетик передайте!**» В ателье по ремонту обуви нами был записан такой пример: «**Зайдите за заказом в понедельник!**»

Особенно часто такая форма употребляется при обращении к ребенку: «**Съешь яблочко!**», «**Выпей молочка!**». Диминутивные суффиксы могут присоединяться также к прилагательным и даже к наречиям: «**Спускайся потихонечку!**», «**Иди осторожненько!**».

Иногда такая форма употребляется, чтобы смягчить негативную оценку: «**Реферат у нее слабенький!**».

Увеличительные суффиксы употребляются в ситуации выражения отрицательных эмоций по отношению к предмету или к лицу: «**От него табачищем разит!**». В этом случае автор высказывания показывает свое негативное отношение или к предмету, о котором идет речь, или к факту курения.

Выражение необходимости, долженствования посредством двойного отрицания.

Довольно часто у иностранцев вызывают трудности русские предложения, в которых необходимость, долженствование выражается посредством двойного отрицания, например: «**Не могу не сказать об этом**» (*Я должен сказать об этом*); «**Нельзя не похвалить его**» (*Его надо обязательно похвалить*).

Особо стоит сказать о **предложениях с совмещенными значениями**, вопросительных по форме, но содержащих в своей семантике, кроме вопросительного значения, спектр других дополнительных значений. В этих предложениях часто бывает нарушено синтаксическое согласование между его членами, что не смущает носителя языка, даже если он имеет весьма смутное представление о лингвистике, но тем, для

кого русский язык не является родным, эти факты мешают понимать значение данных предложений, например:

- Иван уже сдал экзамены?

- Да какое там экзамены?! Он в Италию уехал!

В ответной реплике содержится информация о том, что Иван и не думал о сдаче экзаменов.

В вопросительном предложении, содержащем отрицание: «*И какой же русский не любит быстрой езды?*» (Н.В. Гоголь) — содержится утверждение о том, что «*все, или многие русские любят быструю езду*».

В данной статье мы показали только некоторые случаи несовпадения категориальных значений грамматических форм в традиционной грамматике и значений, обнаруживающихся у данной формы (или у данного высказывания) в каждом конкретном тексте. Описание подобных явлений может и должно быть продолжено, так как, прагматический подход, по нашему убеждению, повышает эффективность преподавания русского языка и значительно расширяет возможности учащегося при овладении русским языком как неродным.

Л и т е р а т у р а

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М., 1988.
2. Ван Валин Роберт Д. Взаимодействие синтаксиса, семантики и прагматики в грамматических системах: развитие инструментария в XX веке. Вестник Московского университета. Серия 9 (филология). 1996, № 5. С.111-123.
3. Кузьменкова В.А. Какую грамматику не понимают иностранцы? (Прагматический подход к языковым явлениям) // Mitteilungen für Lehrer slawischer Fremdsprachen. Wien, 1999, 177.
4. Nerlich B. Writing the history of semantics and pragmatics: problems and solutions // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы Международной конференции. Т. 2. М.: Филология, 1995. С. 369-371.
5. Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С.153-158.
6. Сусов И.П. Прагматика как один из векторов развития новейшей лингвистики // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы Международной конференции. Т. 2. М.: Филология, 1995. С. 487-488.